

Учредитель: Пермский государственный
национальный исследовательский университет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ван Кэвэнь, кандидат культурологии, зав. кафедрой русского языка, директор Центра русского языка (Наньчанский университет, КНР)

Даниела Попович Николич, доктор филол. наук, доцент философского факультета (университет в Нише, Сербия)

Наталья Лопалева-Ристовска, канд. филол. наук, доцент кафедры славистики Университета им. святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония).

Ван Минь, доцент кафедры русского языка Шандуньского женского института (Цзинань, КНР)

Ху Сяосюэ, канд. филол. наук, доцент Шандунского университета (Вэйхай, КНР)

Ши Хуншэн, профессор, директор Центра по изучению России Аньхойского университета (Хэфэй, КНР)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кондаков Б.В. (гл. ред.), д. филол. н., проф.

Клюйкова Е.А. (зам. гл. ред.), к. филол. н.

Шлыкова Е.Ю. (секретарь)

Абашев В.В., д. филол. н., проф.

Арустамова А.А., д. филол. н., доц.

Баженова Е.А., д. филол. н., проф.

Бакланова И.И., к. филол. н., доц.

Белоусов К.И., д. филол. н.

Боронникова Н.В., к. филол. н., доц.

Бурдина С.В., д. филол. н., проф.

Данилевская Н.В., д. филол. н., проф.

Ерофеева Т.И., д. филол. н., проф.

Каменских М.С., к. ист. н., доц.

Мишланов В.А., д. филол. н., проф.

Подюков И.А., д. филол. н., проф.

Русинова И.И., д. филол. н., доц.

Шляхова С.С., д. филол. н., проф.

СОДЕРЖАНИЕ

Литература и культура

<i>Антипина З.С.</i>	Роман “Los Emigrados” / «Русские парижане» в контексте творчества Ольги Волконской: к постановке проблемы..... 4
<i>Гао Чуньюй</i>	Рождество в лирике А. Паркау..... 11
<i>Калимуллина У.Н.</i>	Топос «затерянный мир» в повести «Зеленый остров» И.С. Лукаша..... 20
<i>Карманова С.А.</i>	Особенности жанра фэнтези в трилогии Р. Куанг «Опиумная война»..... 33
<i>Катаева Е.В.</i>	Образы России и Франции в цикле «Рассказы в изгнании» Н.Н. Берберовой..... 41
<i>Чжу Хой</i>	«Лошадь, нарушающая тишину»: В.С. Маканин в Китае..... 51
<i>Брюханова М.А., Четина Е.М.</i>	Семейный сборник религиозных текстов как пример рукописной традиции..... 65
<i>Тихонова М.А.</i>	Между стихарником и песенником. О двух рукописных тетрадях из Коми-Пермяцкого округа..... 74

Язык и культура

<i>Гранова М.А., Яшина А.А.</i>	Номинации пород собак в китайском языке: мотивационный аспект..... 86
<i>Жданова Ю.В.</i>	Семантический анализ лексемы глобализация по данным словарных дефиниций в японском языке..... 97

Методика преподавания языков и литератур

<i>Абрамова В.С.</i>	Технология двуязычного обучения CLIL в преподавании студентам из Китая педагогики на английском языке: возможности и ограничения..... 106
<i>Соловьева Н.В.</i>	Конфликт как метод обучения гармонизирующему речевому поведению..... 116

Современное коммуникативное пространство

*Куличкина Г.В.,
Деткина П.О.*

Медиаосвещение Пятого пермского
международного фестиваля Мартина
Макдонаха в условиях цифровизации
журналистики..... 124

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1(1-87)

Зоя Сергеевна Антипина
доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
научный сотрудник
Институт истории и археологии УрО РАН
afaneor@yandex.ru

**РОМАН “LOS EMIGRADOS” / «РУССКИЕ ПАРИЖАНЕ»
В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ОЛЬГИ ВОЛКОНСКОЙ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. Статья представляет новые сведения о жизни писательницы Ольги Александровны Волконской и ставит вопрос о месте в истории русской эмигрантской литературы ее романа “Los emigrados” (в русской редакции – «Русские парижане»). Отсутствие русского перевода аргентинской версии произведения и завершено авторского варианта русской редакции позволяет на первом этапе изучения наметить лишь некоторые векторы в движении авторского замысла, обозначить наиболее очевидные стилевые черты прозы Волконской. Предварительный анализ текста показывает, что роман Волконской можно отнести к жанру семейного романа, он включается в формирование парижского текста русской эмиграции, а стилеобразующим началом ее произведений является ярко выраженная публицистичность.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, русское зарубежье, женская проза, семейный роман, Латинская Америка, Аргентина, пермская литература второй половины XX века.

Женская проза русской эмиграции на американском континенте вызывает большой интерес исследователей с 2000-х годов [Раскина 2005; Через океан 2021; Хисамутдинов 2001; Дмитриева 2016; Арустамова 2022]. К числу новооткрытых авторов нужно отнести Ольгу Александровну Волконскую (Грекову), которая родилась в России, выросла в Константинополе и во Франции, стала писательницей в Аргентине, а во второй половине жизни вернулась на родину [О.А. Волконская... 2016: электрон. источник]. Жизненному пути и литературному наследию О.А. Волконской посвящено совсем немного работ – это публикация пермского журналиста и краеведа Л.В. Мишлановой и статьи литературоведов Н.Б. Лапаевой и С.В. Бурдиной и С.В. Мельничуковой [Мишла-

нова 2006; Лапаева 2008, 2009; Бурдина Мельничукова 2018]. Изучение произведений писательницы ограничивалось недоступностью текстов – четыре из шести изданных ее книг вышли в Аргентине на испанском языке, а личный фонд в Государственном архиве Пермского края был закрыт для исследователей до 2021 года. Открывшиеся с того времени материалы позволяют сделать несколько уточнений, касающихся семьи Грековых, и поставить вопрос о месте в истории литературы главного произведения писательницы – романа “Los emigrados” (в аргентинской версии) или, в русском варианте, – «Русские парижане». Роман, изданный в Буэнос-Айресе в 1948 году, не был переведен на русский язык. Вторая, русскоязычная, версия текста, написанная уже в Перми, не была завершена и существует в нескольких вариантах архивной рукописи. Так что для глубокого анализа этого произведения русской эмигрантской литературы необходима предварительная переводческая и текстологическая работа.

Ольга Александровна Волконская (1916–1977) происходит из семьи помещиков Царицынского уезда Грековых, которые принадлежали к казачьему дворянству Войска Донского. Ее дед и дядья, братья отца, находились на военной службе, были участниками Гражданской войны. Семья (где Ольга принадлежала к третьему, самому младшему поколению) эмигрировала из России сначала в Константинополь, потом во Францию, а в 1936 году родители Волконской с детьми уехали в Аргентину. Другие ветви семьи Грековых остались во Франции, одна ветвь переехала в США. Уклад жизни Грековых в России и отчасти в Константинополе характеризует сохранившаяся переписка Наталии Грековой, сестры отца писательницы, с соученицами по художественной школе Е.Н. Званцевой в Петербурге [Почтовая... 2017; Бернштейн 2019]. Грековы жили дружно, большой семьей, которая не рассыпалась в скитаниях Гражданской войны и в первой, константинопольской, эмиграции. В фонде Волконской сохранились домашние детские журналы с рисунками и сочинениями младшего поколения Грековых, по всей вероятности, именно этого периода – конца 1910-х – 1920-х годов. Наталия Петровна в это время продолжала заниматься живописью и рисунком, в семье оставалась родовая библиотека (Волконская вспоминала, что она сохранялась и пополнялась в Аргентине, а в 1960-е годы оказалась в Перми). Через Наталию Петровну Грекову семья была связана с художником К.С. Петровым-Водкиным, который гостил в имении Грековых Мишкина Пристань и писал там «Купание красного коня». Под влиянием тетки рисованием занялся и двоюродный брат Ольги Волконской Александр Петрович Греков. Вернувшись в Россию в конце 1940-х го-

дов, он стал выдающимся реставратором новгородских фресок [Пшанский 1999]. Аргентинская ветвь Грековых вернулась в Россию в 1950-е годы, но Ольге Александровне, сменившей фамилию во время короткого брака с князем Юрием Волконским, удалось получить разрешение на въезд в Советский Союз только в 1960 году.

Литературные занятия будущей писательницы во многом были подготовлены временем ее учебы на филологическом факультете Сорбонны. Не случайно, по-видимому, роман «Эмигранты» будет начинаться встречей главных героев в читальном зале Тургеневской библиотеки в Париже. Приехав в Аргентину, Волконская, подобно многим эмигрантам, занималась переводами, в том числе переводила на испанский язык произведения русской классической литературы. Эта деятельность стала возможной во многом благодаря Славянскому комитету Аргентины¹ [Кекишев 2005; Гундоров 1968]. В Буэнос-Айресе Ольгой Волконской были написаны и изданы четыре книги: “Historia y evolución de la poesía rusa” («История и эволюция русской поэзии»; 1943) и “Alejandro Pushkin: su vida y sus obras” («Александр Пушкин: его жизнь и творчество»; 1947), сборник рассказов “Sombras del crepúsculo” («Тени заката»; 1944) и роман “Los emigrados” («Эмигранты»; 1948). Российский период ее творческой жизни был менее плодотворным. Сборником «Фиалки и волки» (1963, 1975) вышли рассказы о Франции и Аргентине, пути русского репатрианта из Латинской Америки в Россию посвящена повесть «Пермская рябинка» (1966). В Чехословакии, где Волоконская прожила почти десять лет на пути в Россию, она пыталась издать роман «Эмигранты», но рукопись не прошла издательское рецензирование².

Архивные материалы свидетельствуют, что Волконская уже в России долгое время перерабатывала роман и была заинтересована в переиздании его в новой редакции, и не обязательно в Перми. Так, одна из сохранившихся рукописей имеет штамп новосибирского журнала «Сибирские огни». Деловые связи Волконской с Новосибирском подтверждаются и экземпляром сборника “Sombras del crepúsculo” из архива новосибирского библиофила Г.Н. Астрова. Всего в архивном фонде 9 вариантов романа в черновиках. Об авторском переводе испанского издания на русский не известно, окончательного варианта последнего варианта романа нет.

Таким образом, перед нами две версии романа одного автора – подготовленные в разные эпохи, в разных странах и на разных языках. При многих неопределенностях мы можем рассматривать некоторые компоненты содержания – название, структуру, монологические и диалогические фрагменты, международную лексику, чтобы увидеть, как

двигалась авторская мысль, наблюдать некоторые стилевые черты прозы Ольги Волконской.

Произведение представляет собой образец женского эмигрантского романа о семьях выходцев из России, которые после революции 1917 года оказались в Париже. Изменение названия (от «Эмигрантов» к «Русским парижанам») – сразу конкретизирует топос повествования и вписывает его в хорошо известный сегодня историко-литературный контекст. Поскольку новый вариант названия фиксируется только в пермской рукописи (в чешской рецензии книга имеет прежнее название), то рискнем предположить, что Волконская в 1970-е годы могла ориентироваться на уже сформировавшийся пласт эмигрантской литературы о русском Париже и описывать своих героев как часть этого культурного феномена. На такую вероятность косвенно указывают некоторые биографические обстоятельства автора: работа в Славянском комитете Аргентины позволяла автору знакомиться со многими европейскими изданиями в том числе на русском языке, о жизни в Париже она могла знать благодаря контактам с родственниками, дружбе с Ксенией Александровной Куприной, вернувшейся из Парижа в Россию незадолго до Волконской в 1958 году. В частности, нельзя исключить, что Волконская могла иметь представление о прозе Нины Берберовой и романе «Семья» Нины Федоровой. Нельзя исключать в этом случае и других, внешних влияний как институциональных (рекомендаций местного отделения Союза писателей), так и персональных. В частности, Волконская была дружна с бывшим редактором Пермского книжного издательства Б.Н. Назаровским. В мемуарах о пермской литературной жизни упоминается, что тому вполне были доступны многие сведения о русской поэтапной литературе и тех произведениях, которые не допускались к массовому советскому читателю.

Сюжетная основа романа Волконской типична для женской эмигрантской прозы – в центре повествования находятся русские семьи. Автор сталкивает в романе выходцев из разных кругов российского общества: семью Медведевых – представителей петербургской интеллигенции, мать и сына Араповых (Екатерина Александровна работает моделью в модном доме) и князя Алекса Хованского.

Заметное отличие пермского варианта романа – это обилие социально-политических авторских рассуждений. Показательны в этом отношении первые строки романа (перевод аргентинской версии наш – З.А.):

“Los emigrados”

Лев и Сергей познакомились в вестибюле Тургеневской библиотеки. Маленькое витражное окно отбрасывало узкий луч сероватого света. По одну сторону от балки камин с бюстом Тургенева и всегда открытая дверь читального зала; с другой стороны вход, погруженный в почти полную тьму; под окном стол, прикрепленный к стене [Wolkonsky 1948: 3].

«Русские парижане»

К середине последнего межвоенного десятилетия Париж, грандиозный город, гордый давними традициями официального благополучия, благодушия и бездушия, давным-давно уже, величаво и отстраненно, свыкся с наводняющими его апатридами. Кто-то из апатридов приехал во Францию сам, кого-то ввезли по контракту на работу местного хозяева, как тупое оружие в острой, неустанной и кровопролитной борьбе с внуками коммунаров³.

Другой пример заметного вмешательства в первоначальный текст – несколько страниц с размышлениями автора о фашизме. Они предваряют одну из глав романа и не встраиваются в реплики героев или в сюжет произведения⁴. Хотя первая версия романа была написана и издана уже после Второй мировой войны, эта поздняя вставка, по видимому, отражает суждения, сформировавшиеся к 1970-м годам в среде русской просоветской эмиграции либо в советской официальной риторике. Этот пространственный публицистический пассаж напоминает о многолетней журналистской работе Волконской и, можно предположить, является проявлением общей склонности автора к публицистичности. Газетность отмечал в качестве недостатка редактор Пермского издательства в рецензии на другое произведение Волконской – повесть «Пермская рябинка»: «публицистический характер повести ощущается все время <...> много рассуждений»⁵.

Таким образом, первое приближение к роману Ольги Волконской позволяет сделать следующие предварительные наблюдения. Во-первых, это произведение обладает жанровыми признаками семейного романа и типологически близко его женскому варианту. Во-вторых, роман можно рассматривать в контексте репрезентации парижского текста русской литературы. В-третьих, стилеобразующей чертой прозы Волконской является ярко выраженная публицистичность, которая проявляется в том числе в специфике трансформации произведения для советского читателя.

Примечания

- ¹ ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 193.
- ² ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 258.
- ³ ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 40. С. 1.
- ⁴ ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 40. С. 14–20.
- ⁵ ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 261.

Библиографический список

Арустамова А.А. Между Пушкиным и Шекспиром: цитаты, реминисценции и аллюзии в дилогии Нины Федоровой «Семья» / “The Family”, «Дети» / “The Children” // Россия. 2022. № 3. С. 60–81.

Бернштейн Л. Две работы Наталии Грековой // Наше наследие. 2019. № 129–130. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12219.php> (дата обращения: 24.10.2023).

Бурдина С.В. Мельничукова С.В. Поэтика автобиографического и мемуарного начал в прозе О. Волконской (на материале сборника рассказов «Фиалки и волки») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. № 2. С. 55–63.

Волконская О.А. Очерк о работе Славянского комитета в Аргентине. ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 193.

Волконская О.А. Русские парижане. ГАПК, р-1628. Оп. 1. Д. 40.

Гинц С.М. Издательское заключение о рукописи повести О.А. Волконской «Пермская рябинка». 13 апреля 1965 года. ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 261.

Гундоров А.С. Революцией мобилизованный. М.: Советская Россия, 1968. 353 с.

Дмитриева М.А. Роман «Семья» Нины Федоровой в русском зарубежье первой волны // Концепт. 2016. Т. 15. С. 2651–2655. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96451.htm> (дата обращения: 24.10.2023).

Кикешев Н.И. Славяне против фашизма. Воспоминания. М. 2005. 228 с.

Лапаева Н.Б. Пермь как дом в эмигрантской судьбе и творчестве Ольги Волконской: попытка обретения // Пермский дом в истории и культуре края: материалы науч.-практ. конф. 19 дек. 2008 г. Пермь, 2008. С. 216–220.

Лапаева Н.Б. «Пермская глава» в истории литературы русской эмиграции первой волны. Портрет второй // Гуманитарная культура. Сборник учебно-методических материалов. Ч. 6. Пермь: ПК ИПКРО. 2009. С. 22–24.

Мишланова Л.В. Ранимая и гордая душа // Мишланова Л. В. Самостоянье: Очерки о людях науки и культуры Пермского края. Пермь, 2006. С. 41–45.

О.А. Волконская. Пермь из Аргентины // Государственный архив Пермского края. 6 Августа 2016. URL: <http://www.archive.perm.ru/about/news/o-a-volkonskaya-the-permian-of-argentina/> (дата обращения: 24.10.2023).

Почтовая проза из архива Ю.Л. Оболенской. Публикация и примечания Лины Бернштейн, Елены Неклюдовой // Наше наследие. 2017. № 121, 122. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12109.php> и <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/13018.php> (дата обращения: 24.10.2023).

Пшанский А. Дорога к храму // Чело. 1999. № 3. С. 2–9.

Раскина Е.Ю. Федорова Нина // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Том 3. П-Я. М.: ОЛМА-ПРЕСС. Инвест, 2005. С. 571–572.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 358 с.

Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США [1920–1930-е гг.]: монография. Под ред. А.А. Арустамовой и Б.В. Кондакова. Пермь: ПГНИУ, 2021. 152 с.

Кварилова У. [Рецензия на роман О.Волконской «Эмигранты»]. ГАПК. Ф. р-1628. Оп. 1. Д. 258.

Wolkonsky O. Los emigrados: novela. Buenos-Aires: Editorial “Claridad”, 1948. 366 p. [Волконская О. Эмигранты. Буэнос-Айрес: «Кларидад», 1948. 366 с.].

Z.S. Antipina

Associate Professor of the Department of Journalism and Mass Communications

Perm State University

Research Worker

Institute of History and Archeology

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

NOVEL “LOS EMIGRADOS” / “RUSSIAN PARISIANS” IN THE CONTEXT OF OLGA VOLKONSKAYA’S WORK: TO THE PROBLEM STATEMENT

Abstract. The article presents new information about the life of the writer Olga Aleksandrovna Volkonskaya and raises the question of the place in the history of Russian emigrant literature of her novel “Los emigrados” (in the Russian version – “Russian Parisians”). The absence of a Russian translation of the Argentine version of the work and the completed author’s version of the Russian edition allows, at the first stage of study, to outline only some vectors in the movement of the author’s plan, to identify the most obvious stylistic features of Volkonskaya’s prose. A preliminary analysis of the text shows that Volkonskaya’s novel can be classified as a family novel; it is included in the formation of the Parisian text of the Russian emigration, and the style-forming beginning of some of her works is pronounced journalisticism.

Key words: literature of Russian emigration, Russian emigration, women’s prose, family novel, Latin America, Argentina, Perm literature of the second half of the twentieth century.

УДК 821.161-1(1-87)

Гао Чуньюй
профессор факультета русского языка
Институт иностранных языков
Цицикарского университета (КНР)
liubochunyu@163.com

РОЖДЕСТВО В ЛИРИКЕ А. ПАРКАУ

Аннотация. В статье анализируется лирика А. Паркау, посвящённая теме Рождества. Тема Рождества в её стихотворениях связана с Россией и воспоминаниями о детстве. Воспоминания об этом празднике насыщены тактильными, цветовыми, слуховыми и зрительными деталями, которые соотносятся с другими образами прошлого. События последующей жизни, представленные через «калейдоскоп» обрывочных деталей, «просвечивающих» сквозь время и расстояние, которые способствовали преодолению боли и страдания, усиливали восприятие красоты праздника. Наполненные трансцендентным смыслом образы, передавали стремление уйти от реальных страданий и забыть о тягестях повседневной жизни.

Ключевые слова: А. Паркау, русское зарубежье, лирика, Рождество, образы и мотивы.

Литература русской эмиграции в Китае – важная часть культуры XX в. Творческая ситуация, в которой оказались русские писатели в Китае, оказалась уникальной: они находились вдали от Родины, но среда их обитания была тесно связана с русской культурой; и не случайно они оставили китайскому народу ценное духовное богатство.

Среди русских писателей-эмигрантов в Китае была велика доля женщин. Образы лирических героинь их произведений не только часто отражали их личную судьбу, но и раскрывали разные психологические аспекты поведения женщины: «Женский взгляд на окружающий мир нередко оказывается «острее» мужского, и их стихотворения разнообразны по темам, в них раскрываются особенности характера и повседневные мелочи» [Цзинь Хуа 2013: 113].

Среди русских писателей Харбина и Шанхая особое место занимала поэтесса и журналист А.П. Паркау (по мужу – Нилус) (1887–1954), которой было суждено стать «первым по времени профессиональным поэтом» русского Китая и «гордостью» поэтесс-эмигранток [Цюй Сюэпин 2012: 29]: именно она «разбудила харбинскую музу», когда в 1916 г. вместе с мужем, Е.Х. Нилусом, приехала в Харбин [Крейд 2001: 35]. Уже своей внешностью и поведением поэтесса выделялась на общем

фоне: «Александре Петровне – находящейся в далеком от российской столицы Китае, всегда стильно одетой и элегантно причесанной женщине, прекрасно образованной и свободно владеющей французским языком, не понаслышке была знакома жизнь первых послереволюционных месяцев» [Забияко 2008: 135].

В 1930-е гг. семья А. Паркау переехала в Шанхай, и именно в квартире Нилусов стал собираться литературный кружок «Среда», развивавший традиции харбинской «Чураевки». Стихи её печатались в журнале «Рубеж» и в литературно-художественном сборнике «Багульник» (1931), в 1937 г. вышел отдельный сборник её стихотворений, озаглавленный «Огонь неугасимый», а в 1942 г. – второй сборник под характерным названием «Родной стране».

Одна из постоянных тем творчества А. Паркау – русские праздники, которые, с одной стороны, становятся поводом для радости, а с другой – способом воспоминания о родине. Так, например, в художественном мире А. Паркау неоднократно возникала тема Рождества, с которой был связан «комплекс мотивов, выражавших чувство ностальгии по утраченному (воспоминания о родине, о детстве), подчеркивавших чуждость мира, в котором оказалась лирическая героиня (вместо снега, льда и мороза – дождь, вместо ели – туя, а рядом – “чужеземный Санта Клаус”» [Арустамова 2021: 78].

А. Паркау часто вспоминала о юности, проведённой в России. В её лирику тема прошлого приходила через описание русских праздников. Один из таких праздников – Рождество, которому было посвящено несколько стихотворений поэтессы – «Рождество», «Издалека», «Рождественский базар», «Петербургская ёлочка», «Одинокая ёлка», опубликованных в сборнике «Огонь неугасимый».

Обратимся к анализу стихотворения «Рождество». Размышления об этом празднике в поэтическом мире А. Паркау соотнесены с воспоминаниями о детстве. В соответствии с принципами детского восприятия окружающей действительности они наполнены множеством «мелочей». Каждая деталь таких воспоминаний насыщена многочисленными тактильными, цветовыми, слуховыми и зрительными деталями:

Я люблю суету, частый стук экипажей
И моторов спешащие гулы,
Мишуру побрякушек и хруст картонажей,
Всю условность наивных, цветных персонажей,
Всех надежд неизжитых посулы,

Ватный снег слюдяной, колпаки и хлопущки,
Щекотанье от хвойных иголок,
Остекленные звезды, бумажные пушки,
Розы, флаги, снегурки и так... завитушки,
Позабытого детства осколок.

[Паркау 1937: 35]

Каждый фрагмент памяти лирической героини обладает собственной ценностью, поскольку хранит частичку дорогого прошлого и вызывает трогательное волнение. Память о Рождестве, – «детства осколок» – соотносится с другими образами прошлого, постепенно перетекающими из одного в другой, часто неясными и неопределёнными, словно пропускающими сквозь туман детских и юношеских воспоминаний: «дедушка», «сказочник милый», «друг забытый», «товарищ старинный», «милый мальчик в мундире», «цыплёнок в скорлупке». Чувства поэтессы можно обобщённо выразить одним словосочетанием – «крайняя тоска» по Родине. «Ее патриотические чувства были до предела обострены пережитым и по-настоящему выстраданы» [Забияко 2008: 136].

В интерпретации А. Нилус Рождество не связывается с какими-то определёнными религиозными представлениями: это прежде всего «хороший старый друг», которого любят «поэтично и нежно», а к встрече готовятся «тепло и прилежно». Рождество ценно в первую очередь «шутками святок» (в традиционных народных представлениях период святок был временем окончательного определения будущих брачных пар), радостными воспоминаниями детства и юности:

Вот, у глаза морщинки, поникнули плечи,
Помнишь первые наши свиданья?
Помнишь первые, светлые, яркие встречи,
Ёлки, молодость, танцы, горящие свечи,
Юных грёз, юных чар ликованье?

[Паркау 1937: 35]

Детские и юношеские воспоминания о первой любви («Поцелуй полудетский весёлый и звонкий, – / Рождества первый чудный подарок»; «Милый мальчик в мундире, цыплёнок в скорлупке – / И в косе моей бант бирюзовый...») [Паркау 1937: 36] перемежаются с более грустными размышлениями о старости и смерти:

Ничего, дорогая, живёшь, а скосила
Смерть не мало косой своей длинной.
<...>

Эх, дружище! Прошли мы путь жизни мятежный,
Скоро старость... И выйдем из круга...
Молодые, за вами черёд неизбежный!
Я люблю Рождество поэтично и нежно,
Как хорошего старого друга

[Паркау 1937: 35–36].

«Поэтесса неоднократно возвращалась к описанию своего детства: эта тема была соотнесена с выражением собственного внутреннего мира, раскрытием лирического «я» (что в целом было характерно для всей литературы эмиграции). Мотивы памяти, связанные с обращением к детскому опыту, позволяли мысленно вернуться на Родину и в то же время с новой силой ощутить горечь ее утраты» [Арустамова 2021: 67].

Тоска по прошлому, ярко выраженная через романтические детские воспоминания, передаёт ощущение необратимости времени. События последующей «взрослой» жизни, представленные через «калейдоскоп» обрывочных деталей, «просвечивающих» сквозь время и расстояние, которые способствуют исчезновению связанной с ними боли и страдания, но это не мешают восприятию красоты праздника. Любое воспоминание – это часть личной жизни, а непрерывный поток времени способствует тому, что все события, становясь прошлым, постепенно исчезают и в конечном итоге становятся частью окружающей человека красоты.

В стихотворении «Рождество» читатель может ощутить наполненные трансцендентным смыслом образы и духовные переживания поэтессы, её одиночество и тревогу, а также стремление уйти от реальных страданий и забыть о тягестях повседневной жизни. Застывшее в своей неповторимой красоте прошлое, противопоставлено современности, утратившей определённые пространственные и временные характеристики. Порожденный рождественскими воспоминаниями сон о детстве как бы указывает на отрицание поэтессой нынешней жизни: детство ушло навсегда, но каждое воспоминание о нём вызывает меланхоличное чувство утраты и одновременно красоты утраченных неповторимых лет, уходящих в вечность.

Картина рождественских праздников раскрывается А. Паркау и в другом стихотворении из сборника «Огонь неугасимый», опубликованном под характерным названием «Издавека». Стихотворение, как явствует уже из его названия, построено на пространственных и временных противопоставлениях – «там» и «в прошлом» сопоставляется с тем, что находится «здесь» и «сейчас». Такая система оппозиций наилучшим образом способствовала организации размышлений о России: «В центре художественного мира А. Паркау всегда находились представления о Ро-

дине, поэтому слово «здесь» в стихотворении использовалось для обозначения далекого (относительно России) пространства – места, в котором «здесь» и «сейчас» находились эмигранты» [Арустамова 2021: 78].

Российский рождественский пейзаж, связанный с «ушедшими днями», противопоставляется картине этого праздника, проходящего в Китае: слова «так любовно» контрастирует с «так грустно», «яркие ёлки» и сверкающие гирлянды свечей на зелёных пушистых иголках – с «кудрявыми туями», убранными «золотой мишурой»; «россыпи снежные», «льдины» и «морозы» – с «серым дождиком осенним»; «красные жерла печей» – с «охрой разбухших стен»; «мягкий уют» родных домов – с «прокопчёнными нуждой» «бординг-хаусами» (то есть пансионатами, «меблированными комнатами»), в которые «большими шагами» приходит «чужеземный старик Санта-Клаус». Российское прошлое и китайская современность вплетены в контекст размышлений о неясном будущем и о русских людях, которые оказались совсем далеко от Родины – уже не рядом туями и драценами, а под пальмами:

Буду думать, что жизнь все печальней,
Что покой вожделенный далек.
И какой-нибудь русский – на пальме
Зажигает сейчас огонек.

[Паркау 1937: 185]

В поэзии А. Паркау изменялся не только образно-мотивный ряд, но и способ рассмотрения и осмысления представлений о «своем» и «чужом». Устроенная таким способом система образов и мотивов стихотворения лучше всего способствовала выражению размышлений лирической героини: «Их общая противопоставленность не мешала изменению границ между ними, «присвоению» «чужого» – и одновременно актуализировала мотив пути, постоянного перемещения в пространстве и времени» [Арустамова 2021: 80].

Образы и мотивы, соотнесённые с китайской современностью, лежат в основе стихотворения «Рождественский базар», опубликованном в том же сборнике. В поэзии часто использовались А. Паркау этнографические детали: поэтесса подробно описывала национальные традиции, обычаи, праздники, которые помещала в контекст китайской культуры и харбинской повседневности.

В стихотворении «Рождественский базар» традиционный для русской культуры праздник вписывается в восточный антураж, а европейский рождественский базар соединялся с традиционным китайским рынком, и праздник, как и всегда положено ему, становится коллектив-

ным действием, объединяющим людей, разной культуры, оказавшихся в пределах «одной границы». Поэтесса подчёркнуто материализует детали, характеризующие прагматические аспекты подготовки к празднику: «Рядом с курами, картофелем и сеном / На базаре вырос ёлок лес»; «Ходя в руку мне сует хлопущки, / Поросята бешено визжат...»; «На прилавках рыбы, серебристо / Блещут и сверкают чешуей...» [Паркау 1937: 37]. Мир китайского рождественского базара – так же, как и «детский мир» в стихотворении «Рождество» насыщен разными звуками, запахами, оттенками цветов, создающими у читателя правдоподобное ощущение предпраздничной суеты, изобилия материального и «телесного».

В стихотворениях А. Паркау мир современности часто сочетается с действительностью иного порядка. В стихотворении «Рождественский базар» многогранная современность, представленная, с одной стороны, «китайчатами» в ватных костюмах, торговцами-«ходящими» и девушками в модных европейских «шляпках клош», а, с другой стороны, – предназначенными для продажи живыми и замороженными животными и птицами, сочетается с волшебной картиной мира, связанной то ли со сказочным прошлым, то ли с потенциальным будущим, которая нарисована воображением лирической героини под влиянием сказок Андерсена:

А в лесу, эфесы шпаг сжимая,
Принцы замерли и ждут своих принцесс...
Их не видно в чаще, но я знаю,
Что их прячет чародейный лес.

[Паркау 1937: 37]

Тема памяти является основной и в стихотворении «Петербургская ёлочка». Искусственное растение, сделанное «из бумаги или мха зеленого», купленное лирической героиней когда-то в «забытой русской столице», и связанные с её покупкой обрывки воспоминаний (Большая Коношенная, Летний сад, сани, река Нева и канал...) становится символом исчезнувшего прошлого и исчезающей памяти о нём:

Из картонки маленькую ёлочку
Каждый год в Сочельник вынимаю.
Ёлочка... Насмешка рока странная...
Раскололись царства, стерлись лица¹
И рыдает вьюга в ночь туманную
Над забытой русской столицей...
А она в Сочельник, тень бездомная,
Шевелит поблекшими ветвями

И твердит нам: Помню, помню я,
Что уже давно забыто вами.

[Паркау 1937: 142]

Темы памяти о прошлом («дней прожитых медленные свитки») и печали одиночества («Но давно условленный час встречи / Стрелкою обогнут часовой») доминируют и в стихотворении «Одинокая ёлка» [Паркау 1937: 82]. Шум и суета праздника становятся фоном для выражения грусти лирической героини. Праздничные ожидания сталкиваются с грустной реальностью, и только воспоминания обретают вечность:

С тихим треском угасают свечи,
Нехотя и грустно, по одной,
Все равно, теперь он не придет.
Ночь, слетев, сложила мягко крылья
И глядит в оконный переплёт...
Бьют часы охрипшие с усилием,
Все равно, теперь он не придет.
На окне слезами блещет иней
И свеча, последняя звезда,
Язычком рванулась бледно-синим
И угасла... Навсегда...

[Паркау 1937: 82]

Одиночество как жизненное ощущение и феномен поэтической картины мира постоянно возникает в поэзии А. Паркау. Тема одиночества присутствует и во всех её рождественских стихотворениях. Концепт одиночества как особой экзистенциальной ситуации вторгается в мир её поэтических произведений, характеризуя постоянное состояние души лирической героини. Экзистенциальное ощущение одиночества передает тревогу поэтессы за будущее и, в конечном итоге, отображает внутренний мир русских эмигрантов в первой половине XX в.

Несмотря на счастливую семейную жизнь, как поэтесса А. Паркау всегда оставалась одинокой женщиной. «Слово "одиночество" имеет два значения: одно указывает на определённый способ существования человека, другое – на особое внутреннее переживание; первое одиночество – "внешнее", каким оно представляется в глазах посторонних, второе – "внутреннее", то есть эмоциональное переживание "внешнего" одиночества, возникающее как из-за противоречия между интенсивностью стремления к пониманию и общению и невозможностью реализации этого стремления и понимания из-за потери внутреннего психологического равновесия» [Лю Гоинь 1994: 30].

Именно второй тип одиночества и был характерен для поэтессы и постоянно выражался через её поэтические произведения. Её кажущаяся «замкнутость» и высокомерие как поэтессы были обусловлены тем, что её чувствительность к жизни русского анклава в Китае была выше, чем у других эмигрантов: это была чувственность, обусловленная интеллектом поэтессы, что требовало поиска какой-либо опоры для того, чтобы противостоять жизненным переживаниям (а такая основа в жизни эмигрантов отсутствовала), что и приводило к абсолютизации субъективных ощущений. Именно поэтому переживание волшебства Рождества связывалось в стихотворениях А. Паркау с одиночеством, а праздничная современность становилась тусклой и замещалась яркими картинами прошлого, в котором всё было определённо и обладало призрачной устойчивостью.

Примечание

¹ Фраза «Раскололись царства, стерлись лица», характеризующая представления А. Паркау о состоянии мира в XX в., напоминает нам типологически близкое высказывание Чжан Дая – китайского писателя и историка конца династии Мин – начала династии Цин (1597–1684). Когда ему было 48 лет, рухнула династия Мин, и это событие оставило большой след в его творчестве. В своих произведениях Чжан Дай вспоминал об прекрасном прошлом и подробно описывал обычаи конца династии Мин.

Библиографический список

Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.): монография // Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021. 152 с.

Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина) // Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.

Крейд В. Все звезды повидав чужие // Русская поэзия Китая. М.: Время, 2001. 720 с.

Паркау А. [Нилус А.П.] Огонь неугасимый: стихи. Шанхай: [б. и.], 1937. 200 с.

刘国瑛: 心态与诗歌创作, 上海: 学林出版社, 1994. 265. (Лю Гоинь. Психология и стиховедение. Шанхай: Изд-во «Сюэ Линь», 1994. 265 с.)

金华. 当代女性诗歌的艺术精神 [J]. 中国社会科学院研究生院学报, 2013(1):113–120. (Цзинь Хуа. Художественность современной женской поэзии // Вестник института аспирантов Китайской академии общественных наук. 2013. № 1. С. 113–120.)

曲雪平. 论中国俄罗斯侨民女诗人及作品 [J]. 齐齐哈尔大学学报, 2012(4): 75–79. (Цюй Сюепин. О русских поэтессах-эмигрантках в Китае и их творчестве // Вестник Цицикарского университета 2012. № 4. С. 75–79.)

Gao Chunyu
Professor
Qiqihar University

CHRISTMAS IN THE LYRICS OF A. PARKAU

Abstract. The article analyzes the lyrics of A. Parkau, dedicated to the theme of Christmas. The theme of Christmas in her poems is connected with Russia and with the memories of childhood. Memories of this holiday are saturated with tactile, color, auditory and visual details that correlate with other images of the past. The events of later life, presented through a “kaleidoscope” of fragmentary details, “shining through” time and distance, which contributed to overcoming pain and suffering, enhanced the perception of the beauty of the holiday. Spiritual experiences of the poetess, images filled with transcendental meaning conveyed the desire to escape from real suffering and forget about the hardships of everyday life.

Key words: A. Parkau, Russian abroad, lyric, Christmas, images and motifs.

УДК 821-161.1-31

Ульяна Николаевна Калимуллина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
uliana.elohova@yandex.ru

ТОПОС «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР» В ПОВЕСТИ «ЗЕЛЕНый ОСТРОВ» И.С. ЛУКАША

Аннотация. В статье анализируется процесс трансформации классической модели повествования о «затерянных мирах» в повести И.С. Лукаша «Зеленый остров». На фоне общих принципов повествования о «затерянных мирах» – изображения «затерянного мира», как труднодоступного и закрытого от людей пространства, противопоставленного остальному миру; наличия героев-путешественников, открывающих «затерянную землю»; присутствия фантастических элементов в повествовании, выявляются особенности топоса «затерянного мира» в произведении И.С. Лукаша. К специфическим чертам повести относятся: сочетание элементов научно-фантастического и авантюрно-философского повествования, присутствие элементов поэтики романтизма, раскрытие психологизма героев путем их взаимодействия с пространством «Зеленого острова». Делаются выводы о философском наполнении сюжета путешествия героя в «затерянный мир».

Ключевые слова: топос «затерянный мир»; И.С. Лукаш; авантюрно-философская фантастика; романтизм; научная фантастика.

Фантастика, как особый тип литературы, основанный на «повествовании о необычайном» [Ковтун 2006: 2], обладает достаточно широким спектром образов и мотивов. Фантастический способ осмысления действительности берет свое начало в сказке и мифе, постепенно проникая в литературу и порождая в ней новые жанры и направления.

Особенно сильно тяга писателей к фантастическому повествованию проявляется в переломные моменты мировой истории. Так, всплеск интереса к фантастической литературе в начале XX века объясняется исследователями с точки зрения технической и социальной революций: «В конце XIX – начале XX века в силу экстралитературных факторов эта форма становится чрезвычайно востребованной. На ее развитие влияет бурный рост научных, а точнее – технических изысканий, мощное внедрение техники в быт человека» [Козьмина 2017: 149]. Одной из достаточно популярных разновидностей фантастики той эпохи становится фантастика «затерянных миров».

При рассмотрении специфики повествования произведений о «затерянных мирах» стоит отметить, что кроме фантастической модели подобных произведений существует также нефантастическая модель, где «герой оказывается в обстановке знакомого ему мира» и проверяются его «практические навыки земной жизни» [Козьмина 2016: 87]. Затерянный мир в фантастическом повествовании – напротив, неведом герою – «и более того – не всегда рационально постижим» [Козьмина 2016: 87].

И в фантастической, и в нефантастической моделях повествования «о затерянных мирах» отличительной чертой повествования становится наличие в нем топоса «затерянного мира», как особого жанрообразующего мотива. Согласно Э.Р. Курциусу, топосы – «элементы культурной преемственности, характерные для текстов разного происхождения, выразительные константы европейской литературы, чье бытование указывает на единые и всеобщие правила в теории и практике литературного высказывания» [Юрченко 2022: 17].

Чаще всего произведения «о затерянных мирах» соотносятся с типом научно-фантастического повествования, однако некоторые исследователи (в частности, Е.Ю. Козьмина), включают в данный жанр авантюрно-философские произведения. Согласно Н.Д. Тамарченко, особенность произведений подобного рода заключается в том, что «в отличие от других видов фантастики, в этой ее разновидности безусловная реальность (не иносказательность) мира персонажей сочетается с философско-экспериментальным характером сюжета, включая внутреннюю основу поступка героя, причем такой сюжет имеет целью испытание идеи» [Тамарченко 2008: 277]. Научно-фантастическая традиция изображения «затерянных миров» вырастает из научно-приключенческих произведений Ж. Верна, а также из романа «Затерянный мир» А.К. Дойла, тогда как авантюрно-философское повествование о «затерянных мирах», на наш взгляд, основывается на романе Дж. Свифта «Путешествия Гулливера».

Авантюрно-философский вариант повествования «о затерянных мирах» в русской литературе начала XX века встречается гораздо реже, нежели научно-фантастический. Одним из ярких примеров подобного типа повествования можно считать повесть И.С. Лукаша «Зеленый остров».

Сюжет данной повести основан на классической модели повествования о «затерянных мирах». Ключевым событием произведения является путешествие героя в «затерянный мир». Однако, в отличие от научно-фантастического повествования, в котором путешествие героев добро-

вольно и имеет под собой цель научного открытия, главный герой «Зеленого острова» не является исследователем и попадает в «затерянную землю» по трагическому стечению обстоятельств:

«На четвереньках, храпя, я полз по хрустящему снегу к глетчерам, чтобы только уйти от моего железного гроба, от черного разбитого катаfalка «Св. Маврикия». Льды в покато́й ряби, похожей на остывшее оперенье, сквозные ворота в синее небо. И туда просунул я голову. Я увидел под собой, внизу, зияющую темную пропасть. Прости меня, Господи, за то мгновенье неверное и бессильное, но я искал смерти, забывшей меня, и оттолкнулся ото льда, вытянул в пропасть руки и... Косое серое облако метнулось у лица... свист падения, гулкая мгла... Что-то швырнуло меня вверх, вниз, на что-то мягкое я упал. И открыл глаза. Я сижу, прислонясь к теплой, мшистой скале» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Еще одна характерная особенность повествования о «затерянных мирах», воплотившаяся в данном произведении, – циклический характер композиции: путешествие героя строится по схеме «реальный мир – Зеленый остров (ирреальный мир) – реальный мир». Смысловая нагрузка такой композиции заключается в том, что, находясь в пространстве Зеленого острова и сталкиваясь с различными сверхъестественными явлениями, герой приобретает определенный духовный опыт и возвращается в реальный мир духовно перерожденным.

Основные характеристики пространства «затерянного мира» – это, как правило, его замкнутость, труднодоступность и принципиальное несоответствие пространству «внешнего» мира. Зеленый остров, расположенный за Северным полюсом,

«где на тысячи лье непроницаемые хребты ледяных скал, на клочке зеленой суши за Северным полюсом...» [Лукаш 1926: электрон. источник],

и покрытый загадочной растительностью, постепенно уничтожающей все живое и неживое, в полной мере соответствует этим признакам.

Вместе с тем описание Зеленого острова отличается от научно-фантастического изображения «затерянных миров» тем, что сверхъестественные явления, происходящие в его пределах, нельзя полностью постичь рационально.

Даже научное объяснение появления растительности среди вечных льдов как

«игры того же океанического течения или работы подводных вулканов» [Лукаш 1926: электрон. источник],

предложенное ученым-путешественником Андре, не объясняет природы обитающих на острове Безмолвных – огромных крылатых существ

«с серым и плоским, как у гранитного негра, лицом, с глазами красными, круглыми, точно недвижные провалы» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Непонятным остается и существование на Северном полюсе загадочного города, затерявшегося во льдах:

«Город, о котором рассказывал капитан, бледное видение в снегах, расстился предо мною. Прекрасные гармонические колоннады, озаренные багрянцем заката, белые ступени...» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Контраст между жизнью и смертью, характерный для пространства Зеленого острова, также выглядит иррационально, поскольку само понятие трав, уничтожающих все живое, может рассматриваться, как оксюморон, ведь травы – это часть земной жизни.

Все эти детали свидетельствуют о том, что «затерянный мир» здесь представлен в рамках фэнтези-повествования.

Иррациональная точка зрения все же выдвигается в повествовании в качестве мнения Амундсена – исследователя, готовящего экспедицию на Северный полюс. По его мнению, Зеленый остров – это ничто иное, как Хельхейм,

«страна забвения и смерти, Зеленый Остров безмолвия, куда выносятся со всех океанов затонувшие корабли, где витают души всех погибших в морях...» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Таким образом, происхождение Зеленого острова остается тайной для читателя, что еще раз свидетельствует о его иррациональной природе.

Основной фокус авантюрно-философского повествования «о затерянных мирах» сосредотачивается на героях, а точнее – на эксперименте «над человеческой природой на фоне нечеловеческой сущности» [Козьмина 2016: 50]. Однако, несмотря на небольшой объем произведения, подобному испытанию здесь подвергаются сразу несколько персонажей.

Трагедия штурмана Морозова – главного героя повести, от лица которого и ведется повествование, заключается в духовном одиночестве, которое настигает его во время скитаний и лишений:

«Да, в океане нас били. Впрочем, я сам виноват: не нанимайся на китобойные корабли, которые собирают матросов по кабакам. Но я тогда голодал. Минуло шесть лет, как я бросил Россию. Когда-то я был штурманом российского флота, потом летчиком, а теперь играл на окарине в копенгагенских матросских кабаках. И, когда Адам Дубсен предложил мне работу на китолове и рейс в Ледовитый океан, конечно, я согласился» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Именно через точку зрения Морозова автор воплощает в произведении ряд экспрессионистских идей, в частности, идею о зыбкости мира и скором наступлении конца света:

«Нет, я не в раю, я жив, я на страшной земле, где все молчит, где нет ни зверя, ни птицы, а только шуршат зеленые великаны-травы» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Осознание героем собственного одиночества усиливается в конце повествования. Возвращение в «большой мир» сопровождается потерей им всех близких существ, поскольку все те, с кем он был душевно связан, так или иначе остаются «привязаны» к пространству Зеленого острова. Совершив путешествие в «затерянный мир», герой приходит к исходной точке, оставаясь одиноким и несчастным:

«Вы видите, я снова играю на окарине в матросском ресторане... Свищу разные песни вот на этом черном зверьке, в эти дырочки, обведенные серебром... Я совершенно один. Амундсен обещал взять меня механиком в экспедицию. Ну что ж? – я готов...» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Несмотря на слабость характера, проявившуюся в рабской зависимости от хозяина китобойного судна и неспособности достойно принять смерть после кораблекрушения, Морозов не лишен таких качеств, как сострадание и способность любить. Его чуткая натура проявляется даже по отношению к животным, за время путешествия ставшим его «друзьями»:

«Курица, дура, подобралась ко мне. Она дрожит, она очнулась. Она просит пустить ее на старое место, на грудь... Ее тоже испугала ночь. – Я спрятал ее под фуфайку... Крыса, мой трюмный то-

варищ, крыса поднялась на задние лапки из травы, точно усатый суслик. И крыса очнулась. Мы снова прижались друг к другу, как в трюме» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Морозов настаивает на спасении замерзшей во льдах девушки, мстит за гибель своих «друзей» и остро переживает тот факт, что ученый решает остаться на острове. Все испытания, с которыми сталкивается герой в пространстве Зеленого острова, достойно преодолеваются им – герой сохраняет в себе то, что делает его Человеком. Однако все эти природные качества сильной личности сочетаются с его жалкой зависимостью от обстоятельств и смирения со своей трагической отдаленностью от остального мира, что делает штурмана романтическим героем, сочетающим в себе высокие нравственные качества и вместе с тем – бездейственность, происходящую от глубокой тоски по несбыточному.

Образ Морозова как благородного, смелого, сострадательного, но душевно слабого и подверженного влиянию злого рока человека позволяет говорить о его трагической натуре вечного скитальца, не способного обрести счастье ни в пространстве «затерянной земли», ни за ее пределами. Можно предположить, что в данном персонаже определенным образом воплощаются размышления самого И.С. Лукаша по поводу своей судьбы, поскольку известно, что автор данного произведения, подобно штурману Морозову, «бросил Россию» [Лукаш 1926: электрон. источник] и до конца своих дней проживал в эмиграции.

Если штурмана Морозова можно считать носителем авантюрно-философской идеи повествования, то воздухоплаватель Андрэ – образ типичного для научно-фантастического повествования героя-ученого, полностью сосредоточенного на своих безумных с точки зрения традиционной науки исследованиях:

«Весело, хромя, он шагает по каюте, задевая кресла и столы. – Дело идет... Пар надо сгустить... 39 к 47... Углерод... Проклятые конденсаторы... Я ошибся в пределах охлаждения... Переменить давление – 17 к 9... – О чем вы? – говорю я, сбрасывая ноги с дивана. – Анабиоз, анабиоз – вот о чем... Я разбужу замерзшего матроса... Недаром я бился пятнадцать лет над этой загадкой... Матрос проснется в моих конденсаторах» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Как правило, безумство подобных открытий заключается в том, что они носят масштабный, подчас общечеловеческий характер, а исследователи, совершившие их, ощущают себя победителями законов при-

роды. Так, изыскания Андрэ направлены на подчинение законов Зеленого острова силе науки, а следовательно – на устранение опасности, исходящей от «затерянной земли»:

«Некогда на Зеленом Острове жили люди... Они бились с травами... Их охватили, опутали травы... Тут была великая катастрофа. Это мои догадки, я знал, что ущелье живое, что оно кишит людьми, превращенными в травы... Я разбужу его, я подыму всех... Костлявые руки Андрэ забились над головой, затряслись, глаза безумно пылали: – Все будут живы, все... Мне только найти – человеческую клетку в растении... Победа будет за мной. Победа! Победа!» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Научно-фантастическое начало, воплотившееся в образе Андрэ, соответствует духу времени. Подобное литературное переосмысление исследовательских опытов мы видим и в произведениях М.А. Булгакова, в частности, таких, как «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Герои этих произведений, подобно Андрэ, совершают глобальные научные открытия, которые в конечном итоге оборачиваются для них самих трагически. Так, воскрешение спящего Ван-Киркена, впоследствии разрушившего многолетний труд своего создателя и пытавшегося убить штурмана Морозова, эквивалентно тем разрушительным последствиям, которые последовали за открытием «луча жизни» профессором Персиковым и созданием собакочеловека ученым Преображенским. Все это соответствует общим литературным настроениям эпохи 1920-х гг., характеризующейся своей катастрофичностью и неустойчивостью.

Подобное переосмысление вмешательства человека в законы бытия имеет глубокие корни. Сюжет превращения неживого в живое существовал еще в эпоху романтизма XVIII века и чаще всего использовался для философского переосмысления действительности. Так, одной из героинь новеллы А.Т.Э. Гофмана «Песочный человек» является восковая кукла, оживленная профессором Спланцани, которая своей неестественной красотой сводит с ума главного героя произведения. Отличительной чертой подобного мотива является акцентирование читательского внимания на противоестественности существования подобных форм жизни, их несоответствии человеческой картине мира.

Андрэ – так же, как и штурман Морозов, – трагический персонаж, однако его трагедия напрямую связана с пространством Зеленого острова, «убившего» товарищей воздухоплавателя, вследствие чего ученый

обрекает себя на исследовательское затворничество в пространстве «затерянной земли»:

«Я искал и я скоро найду обратный путь от травы к человеку, от смерти к жизни. Тогда в тех двух могилах я снова найду товарищей... Как замерзшие проснулись в моих конденсаторах, так и они сольются и встанут в моих цинковых формах...» [Лукаш, 1926: электрон. источник].

Пространство «затерянной земли», давшее Морозову возможность обрести близкое окружение, отнимает это окружение у Андрэ.

Создавая типичный для научно-фантастического повествования образ «безумного ученого», автор вкладывает в образ Андрэ философские черты. Можно предположить, что его научные идеи отчасти соотносятся с идейной концепцией философа Серебряного века Н.Ф. Федорова, согласно которой человек должен стремиться одержать победу над силами природы с целью «регуляции естественных процессов и преодоления смерти волей человека» [Чернокоз 2016: 81]. Если допустить, что Лукаш действительно был знаком с теорией всеобщего воскрешения, то стремление Андрэ оживить своих друзей путем нахождения «человеческой клетки в растении» можно сравнить с идеей воскрешения умерших предков из атомов и молекул, также предложенный Федоровым.

Персонажем-антиподом Морозова является Ван-Киркен – матрос XVII века, замерзший во льдах и оживленный ученым для помощи в его работе:

«Матрос упал ничком. Его плечи заколыхались... Я вцепился в железный косяк, я крикнул в темноту, в пар лаборатории. – Мертвый встал, мертвый! – Не мертвый, а спящий... Щурясь от света, Андрэ показался на пороге. Он опускал засученные рукава халата. Он был похож на хирурга после операции. Мокрые волосы космами прилипли ко лбу. Лицо было влажным, красным, и улыбалось каждой резкой морщиной. – Опыт оправдал все. Вы видите, он проснулся... – Анабиоз, – прошептал я, – анабиоз». [Лукаш, 1926: электрон. источник].

На первый взгляд, у Морозова и Ван-Киркена достаточно много общего. Они оба – матросы, потерпевшие кораблекрушение и волею судьбы попавшие на Зеленый остров, однако Морозов представляет собой человека благородного и сострадательного, тогда как Ван-Киркен –

персонаж отрицательный, не испытывающий ни благодарности, ни сочувствия к окружающим, а также достаточно ограниченный в интеллектуальном плане:

«Мы не могли объяснить Ван-Киркену, что минуло больше трехсот лет с той ночи, как его оглушило мачтой... – Вы нам не верите, – вскрикнул я, теряя терпение. – Так где же вы, наконец? – Я не мертвец, гнивший триста лет... Я милостью неба живой человек... Я знаю, где я, – меня украли гипербореи... Вы гипербореи, – пробормотал Ван-Киркен, и, пригнув голову, как заяц, кинулся в пшеницу» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Само описание внешности размороженного матроса уже намекает читателю на непростой характер героя:

«Его оливковое, изрытое бороздами лицо было налито темной кровью. Жесткие, черные волосы острыми концами падали на глаза» [Лукаш 1926: электрон. источник].

На протяжении всего повествования он не только избегает контакта с «гипербореями» (так он называет своих спасителей), но и регулярно нападает на них:

«И в пшенице, на палубе, наткнулся я на голландца. Он спал на войлоке, свернувшись в клубок, обросший черными волосами, оборванный... Коса звякнула над его головой. Голландец схватился за нож. – Проклятый Гиперборей. Он прыгнул мне под ноги... Что-то горячее ожгло мне плечо... Наотмашь, рукоятью револьвера, я отбил его руку» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Двуличность Ван-Киркена проявляется в его поступках – так, попадая в ловушку из трав, он прибегает на корабль и просит помощи, но когда ему предоставляют эту помощь – он платит злом за добро:

«Подо мной у костра стоит Ван-Киркен. Его морщинистое темное лицо с запавшими глазницами, почерневшее от копоти и дыма, – наклонено над Ионги... Она связана, рот забит куском черного сукна. Обглоданное крыло тлеет на углях. Я прыгнул, рукояткой ударил голландца по голове. – Вор, убийца!» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Наиболее сложные взаимоотношения складываются у Ван-Киркена с его спасителем – ученым Андрэ. В порыве беспричинной ярости мат-

рос разрушает все приспособления ученого, приведя в отчаяние человека, воскресившего его:

«Не сразу я увидел капитана. Он лежал во весь рост, лицом к полу. Сухие плечи колебало тяжелое дыханье. Кругом разбросаны книги, разбитые микроскопы, осколки приборов, обрывки... – Капитан, что случилось? – Он – он... Все разбил, все растоптал... Ненависть, бешенство уничтожили работу долгих лет... – Ван-Киркен? – Да... Он словно отомстил за свое пробуждение... Все потеряно... Но я найду, найду...» [Лукаш 1926: электрон. источник].

Подобный сюжет мы можем наблюдать в романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», где существо, сотворенное благодаря чудесам науки, разрушает жизнь своему создателю, несмотря на то, что тот подарил ему жизнь.

Трагедия Ван-Киркена заключается в его отсталости, которая вполне понятна, учитывая тот факт, что он пробыл в забвении триста лет. Даже сам Андрэ признает, что голландец «никогда нас не поймет», говоря о том, что он не сможет стать человеком двадцатого века. Оживление Ван-Киркена не является благом для него самого, принося герою лишь страдания от непонимания законов изменившегося мира.

На наш взгляд, наиболее загадочным персонажем повествования является образ Спящей – немой девушки, размороженной ученым. Несмотря на то, что ее образ не имеет философской нагрузки, тайной в нем остается всё – и то, кем на самом деле является девушка, и то, почему к ней проявляют внимание Безмолвные, и, наконец, ее таинственное исчезновение из жизни русского штурмана. Вероятнее всего, в персонаже Ионгайи автор воплощает некоторые ключевые идеи Серебряного века (например, концепцию философа В.С. Соловьева о Вечной Женственности – объективно идеальном женском начале, в соединении с которым мужчина и женщина приобретают богочеловеческие черты):

«В смутной, поющей гармонии ее непонятных звуков я слышу слова простые и вечные, как слова Библии или ребенка. – Вода. Огонь. Люблю... Ионгайя, полулежачая девушка из льдов» [Лукаш, 1926: электрон. источник].

Ионгайя становится для героя символом недостижимой Мечты, ускользнувшего из его жизни счастья. Недаром в конце повествования герой говорит о ней, как о некоем высшем существе:

«Золотистое смуглое лицо Ионгайи, на котором живут только глаза, осененные тишиной ресниц – Лик Вечной, Печальной, – мое вдохновение, моя жизнь...» [Лукаш, 1926: электрон. источник].

Появление Спящей в повествовании призвано усилить трагизм судьбы Морозова.

Таким образом, особенностью повести И.С. Лукаша является тот факт, что ее основным сюжетобразующим элементом является топос «затерянной земли», так называемый Зеленый остров, характеризующийся труднодоступностью и «закрытостью» пространства. При этом главной отличительной чертой затерянного мира является его принципиальное несоответствие пространству всего остального мира. Несоответствие это выражается в ряде фантастических элементов, таких как: хищные травы, летающие существа с большими глазами и серой кожей, «безумный ученый», разгадавший загадку воскрешения людей.

Образная система произведения характеризуется тем, что каждый из героев, попадая в пространство Зеленого острова, проходит через собственное испытание. Так, штурман Морозов в пространстве «затерянной земли» получает давно утраченное счастье, которое, однако, ускользает от него, вследствие чего герою приходится смириться со своей судьбой. Андрэ, напротив, попадая в пространство «затерянного мира», укрепляется в вере в собственное могущество и становится великим ученым, посвящая всего себя идее о спасении людей с помощью науки, но к концу повествования так и не достигнув ее, в чем и заключается его трагизм. Ван-Киркен – персонаж, который становится невольным объектом экспериментов ученого, и, сам того не понимая, страдает из-за этого. Таким образом, нахождение в пространстве «затерянной земли» у Лукаша – губительно для героев не только физически, но и психологически, оно не приносит героям счастья, а если и приносит, то это счастье оказывается ложным и, вероятно, несуществующим (как персонаж Ионгайи).

Трагическое противоречие между реальностью и мечтами, заложенное в образной системе произведения, дает нам право говорить о романтических истоках повести. На романтическую эстетику произведения указывает и мотив воскрешения Ван-Киркена, который особенно актуализируется в первой четверти XX века благодаря философским идеям Н.Ф. Федорова и фантастическим повестям М.А. Булгакова. Данный сюжет, вероятно, имеет глубокие корни, беря свое начало из европейских романтических произведений XIX века.

Усилению романтической эстетики произведения способствует любовная линия Морозова и Ионгаи, в которой заключается стремление героя к высшему Идеалу (возможно, что данный мотив основан на концепции В.С. Соловьева о стремлении человека к Вечной Женственности, как к «высшей» человеческой сущности). Все это дает нам основание говорить о том, что отличительной чертой переосмысления повествования «о затерянных мирах» у И.С. Лукаша является понимание топоса, как средоточия разнообразных философских и художественных смыслов.

Все это позволяет нам говорить о том, что, несмотря на внешнее сходство данного повествования с научной фантастикой, проявляющегося в исследованиях Андрэ и гипотезах о происхождении Зеленого острова, повесть Лукаша стоит считать авантюрно-философским повествованием в духе времени, поскольку в нем поднимаются важные вопросы о нестабильности и хрупкости бытия, силе рока, понятии Счастья в жизни человека, допустимости вмешательства человека в естественный миропорядок и вечном выборе человека между Добром и Злом. В этом и заключается главное отличие данного произведения от других разновидностей повествования «о затерянных мирах».

Библиографический список

Ковтун Е.Н. Фантастика, как объект научного исследования: проблемы и перспективы отечественного фантаствоведения // Русская фантастика на перекрестье эпох и культур: материалы междунар. научн. конф.: Москва. 21–23 марта 2006 г. М.: Изд-во Московского университета, 2007. С. 20–38.

Козьмина Е.Ю. Проблема типологии географического романа приключений // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. № 4. С. 85–88.

Козьмина Е.Ю. Романы о «затерянных мирах»: трансформация жанровой разновидности в авантюрно-философской фантастике XX века // Балтийский гуманитарный журнал, 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 48–51.

Лукаш И.С. Зеленый остров. URL: <https://traumlibrary.ru/page/lukash-zeleny-ostrov.html> (дата обращения: 12.11.2023).

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Главный. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

Чернокоз М.В. Особенности идеи всеобщего воскрешения в философии Н.Ф. Федорова // Московский Сократ. Николай Федорович Федоров: сборник научных статей. Москва: Академический проект, 2018. С. 153–156.

Юрченко Т.Г. Книга Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» и ее рецепция отечественным литературоведением // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2022. №1. С. 9–30.

U.N. Kalimullina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

**TOPOS “THE LOST WORLD” IN THE SHORT NOVEL
“THE GREEN ISLAND” BY I.S. LUKASH**

Abstract. The article analyzes the process of transformation of the classical narrative model “about the lost worlds” in the short novel of I.S. Lukash “The Green Island”. Against the background of the general principles of the narrative “about the lost worlds” – the image of the “lost world” as an inaccessible and closed space from people, opposed to the rest of the world; the presence of heroes-travelers discovering the “lost land”; the presence of fantastic elements in the narrative, the features of the topos of the “lost world” in the work of I.S. Lukash are revealed. The specific features of the story include: a combination of elements of science fiction and adventurous philosophical narrative, the presence of elements of poetics of romanticism, the disclosure of the psychology of the characters through their interaction with the space of the “Green Island”. Conclusions are drawn about the philosophical content of the plot of the hero’s journey to the “lost world”.

Key words: topos “the lost world”, I.S. Lukash, adventurous and philosophical fiction, romanticism, science fiction.

УДК 821.581-344

Софья Андреевна Карманова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
SonyaKarmanova@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ В ТРИЛОГИИ Р. КУАНГ «ОПИУМНАЯ ВОЙНА»

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу жанровых особенностей фэнтези в творчестве китайских писателей-эмигрантов на материале трилогии Ребекки Куанг «Опиумная война». Статья затрагивает такие проблемы как: мимикрия, путь «от крестьянина к диктатору», стирание культурной идентичности. В исследовании также проводятся аналогии с работами классических китайских авторов. Нами исследуется связь между событиями, описанными в трилогии и реальными историческими фактами. Основное внимание уделяется исследованию и анализу способов объединения различных поджанров фэнтези и, как следствие, формирование отличительного культурного кода Ребекки Куанг как представителя азиатско-американских писателей. Нами делается вывод о выбранном Ребеккой Куанг методе для решения проблем травматического опыта. Данное исследование может быть применено для дальнейшего обобщения и описания аутентичного стиля китайских иммигрантов.

Ключевые слова: писатели-эмигранты; азиатско-американская литература; фэнтези; grimdark; силкпанк; Р. Куанг; трилогия «Опиумная война».

Введение

Колониальные вторжения XIX–XX вв. в Китай занимают значимое место в творчестве китайских эмигрантов. Такие современные азиатско-американские авторы как Фонда Ли, Хлоя Гонг, Кен Лю, Максин Хонг Кингстон, Ребекка Куанг и др. для исследования этого травматического опыта прибегают к жанру спекулятивной фантастики. Польский литературовед М. Озиевич определил спекулятивную фантастику как «суперкатегорию для обозначения всех жанров, которые намеренно отходят от имитации “согласованной (консенсусной) реальности” повседневного опыта». В этом смысле спекулятивная фантастика включает фэнтези, научную фантастику и хоррор, а также их производные, гибридные и родственные жанры, такие как готика, антиутопия, вирд фикшен, постапокалиптическая фантастика, истории с привидениями, рассказы о супергероях, альтернативные истории, стимпанк, слипстрим и тому подобное» (здесь и далее перевод наш. – С.К.) [Oziewicz 2017: электрон.

источник]. Границы между различными жанрами спекулятивной литературы не всегда очевидны.

Если говорить о фэнтези «в чистом виде», то Т. Е. Савицкая определяет этот жанр как «неомифологические повествования о волшебных приключениях разного рода условных героев» [Савицкая 2018: 71]. Таким образом, исследователь подчеркивает, что произведение жанра фэнтези является плодом авторского самостоятельного мифотворчества, а также она отмечает присутствие в подобной литературе всевозможных допущений.

Е.Н. Ковтун определяет фэнтези как «литературу, в пространстве которой возникает эффект чудесного; в ней присутствуют в качестве основного и неустранимого элемента сверхъестественные или невозможные миры, персонажи и объекты, с которыми герои и читатель оказываются в более или менее тесных отношениях» [Ковтун 2008: 79]. Она дает максимально широкое определение термина фэнтези в связи с многообразием фантастической литературы. Этот факт оказывается решающим при попытке классифицировать фэнтези.

На сегодняшний день к фэнтези относят широкий спектр произведений, обладающих определенными особенностями. О. К. Яковенко провела обзор словарных определений этого явления и классифицировала черты жанра фэнтези на четыре категории: «1) принадлежность произведений фэнтези к возможным мирам; 2) наличие средневекового антуража; 3) высокая степень фантастичности; 4) ненаучность, иррациональность, обусловленная наличием магии» [Яковенко 2008: 167].

Целью статьи является описание специфики фэнтези в творчестве китайских мигрантов на материале трилогии Ребекки Куанг «Опиумная война». Выбор материала исследования обусловлен широким признанием романов трилогии среди американских литературных критиков¹.

1. Используемая в трилогии модель описания мифа

Как было упомянуто выше, фэнтези является плодом собственного авторского мифотворчества. В связи с этим рассмотрим способ описания мифа в трилогии Куанг. Для исследования нами была выбрана структура, предложенная Дж. Ключом в работе «Энциклопедия фэнтези». В полноценном фэнтези текст (который может представлять собой многотомное произведение) проходит через ослабление или истончение, неправильность, исцеление и признание [James, Mendlesohn 2012: 2]. К трилогии Куанг можно применить данную модель следующим образом:

1. Ослабление или истончение: после Второй опиумной войны государство Никан пребывает в экономическом и политическом упадке, одновременно с этим происходит падение нравов.

2. Появляется ощущение неправильности происходящего: главная героиня Фан Рунин начинает подозревать о существовании «истинного мира».

3. Нужда в исцелении, из-за которой герои отправляются на поиски или идут достигать цели: Фан Рунин становится частью «истинного мира» и пытается с помощью этого знания остановить армию противника, захватившего уже большую часть страны, а в последующем создать новое сильное государство.

4. В результате должно наступить признание: в трилогии под этим можно подразумевать становление Рин главой крестьянской армии, однако о подлинном признании говорить невозможно.

5. В конце герои достигают эвкатастрофу. Эвкатастрофа – термин который ввел Дж. Р. Р. Толкин для описания чуда, которое происходит вопреки ходу событий, движению реальности и т.д. Он описывал это следующим образом: «последний поворот в сюжете, который приносит «перехват дыхания, биение и подъем сердца, близкий к (или даже сопровождаемый) слезами, такими же острыми, как и в любой форме литературного искусства, и обладающий особым качеством» [James, Mendlesohn 2012: 66–67]. В романе этим «чудом» становится приход помощи со стороны третьих лиц, которые готовы спасти новую Республику. Однако за рамки повествования выносятся ответ на вопрос: что чужеземцы сделают с коренным населением Никана.

Возможность наложить события трилогии на структуру мифа доказывает, что Ребекка Куанг создает альтернативную историю Китая, благодаря чему у неё появляется возможность критически проанализировать реальные события прошлого.

Путем построения авторского мифа Куанг удастся, во-первых, обратиться к аудитории, которая, скорее всего, ничего не знает о событиях, описанных в книге; во-вторых, восполнить пробелы в знаниях, возникающие из-за сложности сбора материала по этическим (нежелание заставлять участника событий заново пережить травматический опыт) или объективным причинам (смерть участников событий); наконец, возможность взять какой-либо конкретный аспект общества, грань и преломить ее под нужным углом [Sondheimer 2018: электрон. источник]. Таким образом, Куанг и подобные ей азиатско-американские писатели-эмигранты через свое творчество стремятся поделиться переживаниями, связанными с колонизацией Китая. Данный факт становится ключевым при выявлении главенствующих проблем в трилогии.

1. Основные проблемы, описанные в трилогии

1.1. Проблема мимикрии

В центре трилогии Куанг находится проблема мимикрии и культурной идентичности [Healey 2021]. Для этого автор проводит эксперимент и вводит в сюжет двух героев, обладателей противоположных точек зрения: Рунин пытается выжить в непростых условиях путем полного неприятия всего чужого; Нэчжа пытается полностью копировать поведение, манеры и нравы захватчика, то есть мимикрировать ради выживания. Между героями закономерно происходит раскол, и Куанг подчеркивает, что лишь одна точка зрения имеет право на существование:

«Она хотела идти против Нэчжи снова и снова, до тех пор, пока, в конце концов, она не осталась бы единственной, кто выстоял» [Kuang 2019: 537].

Куанг испытывает героев, а читатель наблюдает, какая позиция победит. Результаты эксперимента весьма неоднозначны: в конце трилогии Рунин осознает, что стала для своей страны не спасителем, а палачом, вследствие чего принимает решение добровольно уйти из жизни. Момент осознания этого Куанг описывает так:

«Ей придется продолжать идти, пока она не превратит остальной мир в пепел, пока она не останется последней, кто выжил. Пока она не останется одна» [Kuang 2020: 530].

Попытка полной мимикрии также проваливается, так как Нэчжа осознает, что ему никогда не стать своим для захватчиков, однако вместе с этим к нему приходит понимание, что без колонизаторов им не восстановить страну.

Трилогия намечает единственно возможный путь в сложившейся ситуации – компромисс между радикальным неприятием и мимикрией. Нэчжа отказывается от полной мимикрии, однако, какой конкретно он находит выход, в трилогии не сообщается:

«Они оба знали, что единственный путь Никана лежит через Гесперию – жестокое, высокомерное, эксплуататорское образование, которое наверняка попытается переделать и изменить их, пока единственные остатки культуры Никана, которые еще не были уничтожены, не останутся похороненными в прошлом» [Куанг 2020: 534].

Стоит отметить, что события трилогии расходятся с историческими фактами. Так, Нэджа с отцом (как противостоящая Рунин сила) символизируют сторону Чан Кайши, которая в реальной жизни не победила.

В связи с этим невозможно предугадать, останется ли альтернативный Китай свободным от колонизаторов.

Таким образом, к концу трилогии носители полярных точек зрения полностью отказываются от своих идей и приходят к общему выводу: Китай не может продолжать существовать обособленно, но в то же время нельзя полностью мимикрировать под захватчиков.

2.2. Проблема становления диктатора

Трилогия достаточно подробно раскрывает и другую важную проблему – становление диктатора. Куанг призналась, что этими произведениями она попыталась дать ответ на вопрос: «как человек может превратиться из неумелого, захоластного крестьянина в диктатора, страдающего манией величия, способного убить миллионы людей?» [Sondheimer 2018: электрон. источник]. Для этого Куанг «уходит» в сторону гримдарка. Этот поджанр фэнтези британский писатель Джо Аберкромби определяет так: «Грязь физическая и моральная. Внимание к неприятным деталям. Серость персонажей. Цинизм мировоззрения» [Abercrombie 2013: электрон. источник]. Аберкромби также выделяет несколько путей выражения неприятных или шокирующих читателя деталей в угоду большей реалистичности, одним из которых является моральная двусмысленность. Писатель рассуждает: «Возможно, мы больше не принимаем мысль о том, что люди могут быть абсолютно хорошими или абсолютно плохими. По крайней мере, мы начинаем подозревать, что зачастую это не так. <...> Когда все это превращается в такую моральную путаницу, что уже трудно сказать, кто плохой, а кто хороший?» [Там же]. Фан Руинин является носителем свойственной гримдарку моральной двусмысленности: с одной стороны, она готова на любые жертвы ради спасения своего народа; с другой стороны, является палачом, который жестоко карает врагов, при этом неважно, выступают ли в качестве врага солдаты или мирное население, полностью копируя при этом действия тех, против кого она борется. При этом Руинин, с одной стороны, практически уничтожила страну; с другой, искоренила ту политическую систему, которая привела к ситуации колониального вторжения.

В данном случае особенно показателен эпизод, где Руинин принимает решение уничтожить остров противника вместе со всеми мирными жителями, которые там находятся (эффект от ее действий по описанию похож на последствия ядерного взрыва). При этом в романе ее действия оправдываются обстоятельствами: либо они, либо мы. С одной стороны, ее поступок помог спасти гражданское население Никана, с другой стороны, Руинин запускает замкнутый круг, где одно насилие порождает другое. Разомкнуть этот порочный круг помогает только смерть персонажа.

Куанг достаточно подробно описывает путь героя «от простого крестьянина до диктатора», рассуждая при этом над вопросом: можно ли совершать зло во благо. Куанг не дает однозначной оценки этой проблеме: Рунин действительно не выдерживает ситуацию, где ей постоянно приходится порождать насилие во благо; одновременно с этим только Рунин удалось очистить страну от всех внутренних проблем, которые превратили Никан в колонию. В интервью Куанг заявляет, что прототипом Рунина был Мао Цзэдун [Sondheimer 2018: электрон. источник], который погиб в 1976 году своей смертью. В связи с этим можно сделать вывод, что Куанг «убивает» персонажа с целью создания альтернативной истории Китая, в которой вместо коммунистов победила партия гоминьдана. Однако со смертью Рунина заканчивается трилогия, таким образом, автор не объясняет, как сложилась бы судьба Китая в сконструированных условиях.

2. «Реальное» в трилогии Куанг

Автор подробно описывает культуру, которую пытаются сохранить герои трилогии, ради которой совершаются «акты насилия». Произведение наполнено всевозможными аллюзиями и отсылками, что объясняет принадлежность к еще одному поджанру фэнтези – силкпанку. Это понятие ввел писатель Кен Лю: «когда я описываю романы как “эпическое фэнтези в стиле силкпанк”, я имею в виду, что пишу вместе с традицией эпического фэнтези, начатой Толкиным, и против нее, наполняя книги эстетикой, вдохновленной Восточной Азией» [Brady 2016: электрон. источник].

Евгений Куликов отмечает схожесть произведений трилогии с классическими китайскими романами: «Опиумная война» – аллюзия на «Путешествие на Запад»; «Республика Дракон» – своеобразная интерпретация «Речных заводов»; «Пылающий бог», финальная часть трилогии, ориентируется на самый драматичный роман «Троецарствие» [Куликов 2022: 101]. Действительно, в трилогии есть похожие сюжеты: борьба за власть («Троецарствие»), преступники, которые жаждут справедливости («Речные заводы»), странствие с товарищами в далекие края ради соприкосновения с сакральным («Путешествие на Запад») и т.д. Однако Куанг явно не стремится копировать стиль повествования китайских классических романов, она лишь делает небольшие отсылки к ним.

В трилогии также встречаются цитаты из классических философских трактатов. К примеру, на протяжении всей первой части трилогии постоянно приводятся цитаты из работы Сунь-цзы «Искусство войны», а также приводятся эпизоды, где герои воплощают эти идеи в жизнь. Одновременно с этим происходит создание мифа о непобедимости главных

героев в связи с обладанием ими секретным знанием (стратегий из «Искусства войны»). Однако уже в первом поединке с противником происходит развенчание этого мифа, когда герои понимают, что их знания не помогают им победить, а их противник, который полностью нарушает основополагающие принципы, выигрывает.

Таким образом, используемые Куанг отсылки к классическим работам китайских авторов органично вписываются в сюжетную линию трилогии. Они одновременно помогают найти причину слабости героев перед лицом врага, а также понять, что именно герои пытаются сохранить.

Заключение

Посредством использования жанра фэнтези Куанг удается осветить проблему последствий колониального вторжения, а также проблему травматического опыта участников событий. В трилогии автор затрагивает проблему мимикрии и культурной идентичности и несостоятельности пути полного копирования поведения захватчика, и пути абсолютно неприятия чужой культуры, а также намечает единственно возможный путь – частичная мимикрия. Кроме того, автор подробно рассматривает путь становления диктатора и неоднозначно отвечает на этический вопрос о допустимости использовании зла во благо. Трилогия Куанг наполнена эстетикой Востока, что является ключом к решению проблем мимикрии и культурной идентичности, поясняет особенности становления диктатора, раскрывает характерные черты страны-колонии и ее населения. Точка зрения Куанг является попыткой альтернативного описания истории Китая, которая помогает приблизить неискушенного читателя к пониманию истории колониализма и ментальных особенностей борцов за освобождение Китая.

Примечание

¹ Роман «Опиумная война» стал финалистом премии «Локус» за лучший научно-фантастический роман, премии Небьюла, и всемирной премии фэнтези. Роман «Республика Дракон» выиграл «Премия им. Уильяма Кроуфорда», премию Комптона Кроука за лучший дебютный роман и т.д.

Библиографический список

Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 406 с.

Куликов Е.А. Специфика репрезентации реальности в вымышленных художественных мирах (на примере фэнтезийных романов Ребекки Куанг и Фонды Ли) // Филология и культура. 2022. №3 (69). С. 99–105.

Савицкая Т.Е. Культура электронной эры. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 186 с.

Яковенко О.К. Жанровые особенности фэнтези (на основе анализа словарных дефиниций фэнтези и научной фантастики) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2008. № 1. С. 140–167.

Abercrombie J. The Value of Grit. // Joe Abercrombie. February 25th, 2013. URL: <https://joeabercrombie.com/the-value-of-grit/> (дата обращения 25.08.2023).

Brady A. Ken Liu Wants to Push the ‘Silkpunk’ Genre in ‘New Directions.’ // Chicago Review of Books. October 4th, 2016. URL: <https://chireviewofbooks.com/2016/10/04/ken-liu-wants-to-push-the-silkpunk-genre-in-new-directions/> (дата обращения 25.08.2023).

Healey C. Reimagining China’s Colonial Encounters: Hybridity in Stephen Fung’s *Tai Chi Zero* and R.F. Kuang’s *The Poppy War Trilogy* // *Comparative Literature and World Literature*. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 35–62.

James E., Mendlesohn F. (Eds.). *The Cambridge Companion to Fantasy Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 298 p.

Kuang R.F. *The Poppy War*. New York: Harper Voyager, 2018. 544 p.

Kuang R.F. *The Burning God*. New York: Harper Voyager, 2020, 640 p.

Kuang R.F. *The Dragon Republic*. New York: Harper Voyager, 2019. 672 p.

Oziewicz M. *Speculative Fiction* // *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. 2017. URL: <https://oxfordre.com/literature/literature/view/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-78> (дата обращения 25.08.2023).

Sondheim S.W. R.F. Kuang on the poppy war, peace, and confronting history // *Bookriot*. August 8, 2018. URL: <https://bookriot.com/r-f-kuang-on-the-poppy-war/> (дата обращения 25.08.2023).

S.A. Karmanova

Master Student of the Faculty of Philology
Perm State University

FEATURES OF FANTASY IN R.F. KUANG’S “THE POPPY WAR” TRILOGY

Abstract. The research focuses on the analysis of the fantasy genre features in Chinese immigrant writers’ works based on R.F. Kuang’s trilogy “The Poppy War”. The article is concerned with questions about mimicry, “peasant-to-dictator” path, erasure of cultural identity. The study also draws analogies with the works of classical Chinese authors. We explore relationship between the events of the trilogy and real historical facts. The main focus is on the research and analysis of ways of combining different subgenres of fantasy form the distinctive cultural code of R.F. Kuang as a representative of Asian-American authors. The conclusion is made regarding the method chosen by R. Kuang for solving the problem of traumatic experience. This study can be applied to further generalizing and describing the authenticity of the Chinese immigrants’ style.

Key words: immigrant writers, Asian American literature, fantasy, grimdark, silkpunk, R.F. Kuang, *The Poppy War* trilogy.

УДК 821.161.1(1-87)

Евгения Владимировна Катаева
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kataeva_zhenya@mail.ru

ОБРАЗЫ РОССИИ И ФРАНЦИИ В ЦИКЛЕ «РАССКАЗЫ В ИЗГНАНИИ» Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу образов России и Франции – ключевых пространств, изображенных в сборнике Н.Н. Берберовой «Рассказы в изгнании». Выделены черты традиционного для эмигрантской прозы изображения России и Парижа. Подчеркивается тесная связь образа России с мотивом памяти. Россия в сознании героев идеализируется, наделяется чертами произведений русской классики. Описана связь образа России с литературной традицией XIX века. Образ Франции связан с мотивом утраченной мечты. Н.Н. Берберова придерживается традиционной для литературы русской эмиграции концепции в изображении Парижа – это город, не принимающий переселенцев, не соответствующий их идеалистическим представлениям. В поздних рассказах цикла «Рассказы в изгнании» расширяются пространственные границы: герои путешествуют в Венецию и Стокгольм, эмигрируют в Америку. Таким образом, усиливается звучание мотива бегства.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, малая проза Н.Н. Берберовой, ключевое пространство, образ, герой, мотив, литературоцентричность.

Цикл «Рассказы в изгнании» охватывает произведения 1934–1960-х годов. В него входят десять рассказов и документально-художественный очерк «Конец Тургеневской библиотеки», сообщающий факты, которым сама Берберова была свидетелем. Само название цикла предполагает, что в его произведениях будет звучать тема изгнания.

Образ оставленной России присутствует в разной мере во всех произведениях сборника «Рассказы в изгнании» (кроме повести «Черная болезнь» и антиутопии «Памяти Шлимана»).

В цикле Н.Н. Берберовой мы можем отметить несколько интерпретаций образа России: современная, послереволюционная Россия, возвращение в которую для героев невозможно; дореволюционная Россия – идеализированное пространство памяти и культуры, существующее в сознании героев сборника.

Исключением является изображение России в повести «Плач». Для главной героини, Саши, жизнь в дореволюционной России «жесткая, холодная, не по силам темная» [Берберова 1994: 198]. В горячечном сне

Петербург представляется ей «начертанным на снегу чертежом». В восприятии Саши город на Неве – это город вечной зимы, «обледенелых мостовых», «замерзших каналов», с постоянным «колючим ветром» [Берберова 1994: 199–202].

В последних повестях сборника образ России не появляется. В повести «Черная болезнь» мы встречаем героя, давно эмигрировавшего в Париж и готового к новому переезду, в Америку.

В антиутопии «Памяти Шлимана» точное место действия не указано, но можно предположить, что это США (например, по описаниям в урбанистическом пейзаже небоскребов).

Как и во многих произведениях эмигрантской прозы, в цикле образ покинутой родины тесно связан с мотивом памяти. У большинства героев Н.Н. Берберовой Россия начала XX века, из которой они вынуждены были уехать, не вызывает тоски, ностальгии. Например, герои повести «Мыслящий тростник» или вспоминают Россию, воскрешая давно исчезнувшие реалии времени («В Россию необходимо поехать из-за няни. Она из села Курганы Лукинской волости Весьегонского уезда» [Берберова 1994: 229]), или сами застывают в России XIX века, забывая, что живут в веке XX («вокруг него лежат подушечки “времен покорения Крыма” и записные книжечки с малиновыми закладками, на которых с буквой ять вышито» [Берберова 1994: 232]). Один из героев, Дмитрий Георгиевич, носит прозвище «Девятнадцатый век». Когда он умирает, символическим и многозначным кажется восклицание («Бедный, бедный Девятнадцатый век!», [Берберова 1994: 236]). В нем слышится не только возглас утраты, но и оплакивание золотого века русской культуры, ценного для автора и героев.

Ностальгия героя повести «Роканваль», молодого эмигранта Бориса, также связана не с послереволюционной Россией, а с дворянским укладом XIX века, с дореволюционной жизнью, изображенной в произведениях русских классиков.

Парадоксальна ситуация, которая дает развитие внутреннему сюжету этой повести: рассказчик «в юго-западном углу Иль-де-Франса» находит «настоящую Россию». Еще в детстве Борис, «читая не то Толстого, не то Тургенева, не то, может быть, даже Чехова», создает в своем воображении картину старой русской усадьбы: «с того дня при слове «Россия» в уме моем непременно возникал этот волшебный, этот густой липовый угол, дорога, шедшая по диагонали – от полевых ворот к белому крыльцу нашего дома» [Берберова 1994: 54].

Приехав на каникулы в замок Роканваль, Борис видит «милую, таинственную картину» наяву. «Старая липовая аллея», «узор солнечных

пятен на заросшей дорожке, белый камень», «черная, как черный хлеб, кора деревьев» воскрешают прошлое и оказываются «единственным русским впечатлением, увезенным нечаянно и обнаруженным внезапно» [Берберова 1994: 53–54]. Не только пейзаж напоминает молодому человеку о родине. Старая графиня Прасковья Дмитриевна, говорящая по-русски, и ее внучка Кира, носящая русское имя, надпись на двери на русском языке, «икона в старых, суздальских ризах» – все это восстанавливает в памяти Бориса «забытую Россию».

Связь Бориса с родиной, тоска по культуре, традициям ушедшего века, в котором герой не жил, прослеживается в частых упоминаниях русских писателей-классиков и их героев. Себя Борис представляет «Николаем Ростовым или Германном» [Берберова 1994: 58], в разговорах с другими героями вспоминает Достоевского и Онегина, цитирует стихотворение Алексея Толстого. Образ России в сознании героя состоит из смутных детских воспоминаний и описаний, которые он встречал в произведениях знаменитых писателей. Оказавшись в Роканвале, Борис как будто бы видит прочитанное наяву.

Образ России в повести «Лакей и девка» изображается или пародийно и стереотипно, или является лишь идеализированным воспоминанием. Первый муж Таньки умирает в гостях, где «все было очень похоже на Россию»: медный самовар в саду, чай и яблочный пирог. Пародийную тональность изображению «русского сада» в Париже придают образы хозяина – «священника из гусар» – и хозяйки – «матушки с розовыми ногтями и перекистью крашенными волосами» [Берберова 1994: 89]. Для Таньки родина сужается до русского ресторана, «где поют “Чарочку”». Россия для героини оказывается «другой страной, о которой она давно забыла». Связь с родными навсегда разорвана ей самой. «Да и существовала ли вообще когда-нибудь в мире та страна, где она выходила замуж...?» [Берберова 1994: 113].

Более значима и ценна память о родине для лакея. Именно разговоры об общих знакомых в дореволюционной России сблизжают лакея и Таньку. Именно встреча с Танькой пробуждает в нем самые светлые воспоминания, «солнечные обрывки какого-то детского летнего дня», «дивная, дивная вольная воля весной» [Берберова 1994: 101]. Рядом с Танькой старый лакей вновь превращается в поручика Николаевского кавалерийского полка. Любовь к героине будит в лакее Бологовском воспоминания о детстве, о матери. Глядя в окно, Бологовский вспоминает детскую закличку: «Дождик, дождик, перестань, мы поедem в Арестань». Танька тут же поправляет его, цинично возвращая к привычной для нее действительности: «...в ресторань» [Берберова 1994: 105].

Частые отсылки к произведениям русской классики дополняют образ России в восприятии героев или служат средством характеристики самого персонажа.

Раскрывая проблему утраты дворянских гнезд в повести «Роканваль», Берберова опирается на традиции Тургенева и Чехова. Э.С. Малыгина утверждает, что для понимания произведения чрезвычайно важен чеховский код и отмечает интертекстуальную связь повести с рассказом Чехова «Дом с мезонином»: «...взаимоотношения Бориса и Киры напоминают историю художника Н. и Мисюсь. Сближает оба произведения и эмоциональный колорит: тоска по невозвратному прошлому» [Малыгина 2009: 541].

Нам же кажется более явной связь повести «Роканваль» с чеховским «Вишневым садом». Если в комедии Чехова символом счастливого прошлого для Раневской и Гаева становится «многоуважаемый шкаф», то для эмигранта Бориса напоминанием об утраченной родине становится «зеленоватое, с гнутыми ножками прескверного фасона девяностых годов» трюмо в комнате старой графини: «Я вглядывался в мутное стекло, и мне казалось, что я уже смотрел в него совсем маленьким. Я вглядывался и ждал, что сейчас в нем откроется мне Россия, та Россия, которая шумела в роканвальской липовой аллее, которая блеснула в имени Прасковьи Дмитриевны» [Берберова 1994: 59]. «Мутное стекло» старинного трюмо становится границей между миром зыбких воспоминаний и миром реальным.

Схожа с «Вишневым садом» и система персонажей повести: деление героев на старшее поколение, погруженное в прошлое, и на младшее, относящееся к прошлому и к настоящему пренебрежительно и цинично. Представителей молодого поколения Роканваля объединяют страшные черты – «равнодушие к семейному их крушению, и какая-то тайная черствость ко всему остальному миру, и злая радость, и нежелание ничего поправить и изменить даже для самих себя» [Берберова 1994: 67]. Пятнадцатилетняя Кира лишена светлых надежд на будущее, лишена связи с семьей и родиной: «Не все ли равно, где жить?», «Пусть не будет ничего», «я ничего не люблю», «мне ничего не жалко» [Берберова 1994: 66–67]. Именно Кира описывает страшное будущее Роканваля, сопоставимое с судьбой чеховского вишневого сада: «Роканваль... продадут. ... Продадут!... Сперва продадут деревья, – с этого начнут. ... Потом – дом с кусочком сада – под богодельню или санаторию. Потом разрушится сама собой каменная ограда, и землю разобьют на маленькие участки и продадут в рассрочку» [Берберова 1994: 65].

Другой представитель младшего поколения – лицейский друг Бориса Жан-Поль, сбегает «странствовать», унося для продажи из комнаты графини один из старинных гобеленов. На стене появляется второе пятно: первый гобелен вырезал дядя Жан-Поля, Роберт, «человек без национальности». Таким образом, разрыв с семьей, отделение от корней повторяется.

Повести «Роканваль» и «Лакей и девка» контрастны. Если в первом произведении мы можем отметить ностальгию по уходящим «дворянским гнездам», элегические настроения, традиции и образы тургеневских романов и чеховской драматургии, то в повести «Лакей и девка» автор перемещает нас в мир бедности, грязи и отчаяния, в атмосферу, схожую с миром романов В. Гюго, Ф.М. Достоевского или Г. Флобера. Противопоставление этих произведений очевидно проявляется уже на уровне заголовка: мелодичное название старинного замка «Роканваль» и сниженная лексика в названии «Лакей и девка», которая обезличивает героев, указывая только на род их деятельности, стирая индивидуальность.

Неслучайно название другой повести – «Мыслящий тростник». О том, что это отсылка к творчеству Ф.И. Тютчева, героиня повести говорит сама: «...здесь ходят люди, которым весело, но мне не весело, и... «ропщет мыслящий тростник» [Берберова 1994: 256]. И даже упоминает о заимствовании образа Ф.И. Тютчевым у Б. Паскаля («...наш великий поэт Тютчев свою лучшую строку украл у одного француза») [Берберова 1994: 256].

Паскаль в работе «Мысли» утверждает: «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает» [Паскаль 1995: 136–137]. Способность мыслить – то, что выделяет человека из природного мира и составляет его главное достоинство: «Постараемся же мыслить как должно: вот основание морали» [Там же: 137].

Метафора мыслящего тростника подчеркивает парадоксальную природу человеческого существования. Хотя человек хрупок и уязвим, он обладает интеллектуальными, познавательными способностями, которые позволяют ему размышлять о тайнах жизни и Вселенной. Таким образом, концепция мыслящего тростника отражает как смирение, так и величие человека: когда сильное дерево ломается, слабый и гибкий тростник выживает и спасается.

Образ главной героини соответствует философскому пониманию метафоры Паскаля. Так же, как и тростник, героиня не сломилась под натиском обстоятельств, а лишь согнулась, чтобы вновь гордо распрямить спину и обрести свободу в своем *roman'sland'e*. Она сумела «разумно построить» жизнь во время войны и после. Крах любви не оказался крахом жизни.

В повести «Воскрешение Моцарта» символом приближающейся беды становится метеор («молодая женщина, гостя, рассказала про виденный ею недели полторы тому назад метеор» [Берберова 1994: 167]). Этот символ, на наш взгляд, является отсылкой к роману-эпосе «Война и мир». Пьер Безухов видит комету («стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света» [Толстой 1983: 647]). Но, в отличие от главного героя Л.Н. Толстого, герои Н.Н. Берберовой не испытывают радости от предчувствия «расцвета новой жизни», а относятся к небесному явлению скептически («Год назад вы бы его, наверное, и не заметили» [Берберова 1994: 168]).

Таким образом, мы приходим к выводу, что для героев ценен и значим образ России XIX века, с ее богатой культурой, традициями и укладом жизни. С этим связаны и частые реминисценции к классической русской литературе. Персонажи нередко ассоциируют себя с литературными героями русской классики. Россия становится для героев цикла культурным кодом. Современная героям, покинутая Россия не вызывает у них тоски.

Образ Франции также встречается во всех произведениях цикла (кроме антиутопии «Памяти Шлимана»). В большинстве повестей сборника «Рассказы в изгнании» изображен образ Парижа. Однако в цикле местом действия становится и пригород Франции. Например, в повести «Роқанваль» описывается замок Роқанваль («в юго-западном углу Ильде-Франса»), а в повести «Воскрешение Моцарта» события происходят за городом, «в ста верстах от Парижа» [Берберова 1994: 56, 167]. Образ Франции – в большей степени образ Парижа – во всех произведениях сохраняет негативный облик. Он так и не становится новой родиной для большинства героев цикла.

Так, в повести «Лакей и девка» образ Парижа традиционен в своем изображении в поэтике младоэмигрантской прозы – это город, не принимающий переселенцев. Город, враждебный к ним: «Работы никакой не было, а были лишь осложнения с визой и паспортами, и с языком французским, которого из них обоих ни один не знал» [Берберова 1994: 88],

«проезжий автомобиль обдал ее водой», «в ресторан ее, однако, не впустили» [Берберова 1994: 91].

Изображение Парижа в повести «Мыслящий тростник» также типично для сборника «Рассказы в изгнании». Город отвергает эмигрантов. Это отторжение подчеркивается путем сравнения с другими городами.

Героиня повести путешествует в Стокгольм и Венецию. Образы этих городов противопоставлены изображению Парижа. Эта антитеза выражена, прежде всего, при помощи цветowych эпитетов. Основным оттенком в изображении парижского пейзажа является темно-зеленый: «Темный Париж, мертвый Париж, но не черный в ту ночь, а какой-то темно-зеленый, весь город, и небо над ним, и река, и то, что было внутри автобуса, – все было темно-зеленым, бутылочного цвета», «улицы принадлежали к темно-зеленому миру», «темно-зеленый мрак», «Северный вокзал, темно-зеленый в темной зелени бульвара» [Берберова 1994: 226–228]. Цветовой эпитет переходит в метафору: героиня чувствует себя пойманной в ловушку, попавшей в «бутылку темно-зеленого цвета и толстого стекла» [Берберова 1994: 227].

Иная палитра возникает при описании Венеции: «каналы бледно-розовые в розовом воздухе, волшебные звездно-зеленого цвета огни» [Берберова 1994: 251]. Если Париж для героини – «темный», «мертвый» город, то Венеция – «иное измерение, где все вокруг стало легким, кружевным, воздушным» [Берберова 1994: 251].

Париж для героини повести «Мыслящий тростник» – город «русского страдания»: «сколько здесь было страданий, мировых и русских страстей; есть тут капля и моего, самого маленького и самого большого страдания» [Берберова 1994: 256]. А образ Венеции связан в памяти героини с детством и, как ни странно, с образом России. В Венеции героиня впервые слышит поэму «Руслан и Людмила», и в детском сознании образ Венеции сплетается со сказочным Лукоморьем, «кот ученый жил в Венеции» [Берберова 1994: 256]. Для взрослой героини этот город также остается «колдовским» миром. Символично, что Венеция дарит героине окончательное освобождение от неразделенной любви. В этом городе героиня чувствует себя счастливой.

Не столь явно противопоставлен Парижу Стокгольм. Цвет Стокгольма – серый: «северный рассвет», «вода была темно-серая», «воздух осторожно из черного стал серым», «шел дым из труб», «сырой осенний туман» [Берберова 1994: 240]. «Суровая, гранитная, строгая красота Стокгольма» напоминает героине о Петербурге, вызывает теплые чувства, ностальгию, в то время как Париж – только «чувство отрешенности, холода» [Берберова 1994:227].

В повести «Плач» образы двух разных, но таких похожих городов – Парижа и Петербурга – вновь тесно переплетены. В восприятии главной героини эти города обретают общие неприглядные черты. Сначала Петербург, а затем и Париж связаны для Саши с тяжелой работой, с однообразностью жизни, с голодом и нищетой, с безысходностью. Ежедневный бесконечный труд в обоих городах показан с помощью глаголов, передающих значение тяжелой работы, описывающих рутинные действия главной героини. В Петербурге Саша «мыла пол, стояла в очередях, бегала за пайками, готовила и стирала», «принималась что-то чистить и скрести» [Берберова 1994: 190]. В Париже она «в течение девяти лет гладила чужое белье», «все стояла и гладила, стояла и гладила у белой стены, у белого стола, в белом своем фартуке» [Берберова 1994: 202, 206].

До отъезда Париж был в мечтах Саши чем-то сказочным, праздничным, нарядным. Реальный же образ Парижа в повести контрастирует с представлениями героини о красивой жизни. В восприятии героини Париж ничем не отличается от Петербурга: «Когда я выглянула в окно парижского своего жилища, мне показалось, что здесь все совсем то же, что и у нас в Ротах» [Берберова 1994: 204].

Военный Париж в сознании героини – «клетка», «западня, в которую мы попадали опять» [Берберова 1994: 211]. Саше даже начинает казаться, что она никуда не уезжала: «И надо было внушать себе... что это Париж – шелк, кружево, шампанское – а не Обоянь, не Чебоксары между властью белой и властью красной» [Берберова 1994: 215].

В документально-художественном очерке «Конец Тургеневской библиотеки» Н.Н. Берберова изображает Париж во время Второй мировой войны, также лишая его образ поэтизации: «других способов передвижения, кроме велосипеда в те месяцы не было», «самое трудное было передвигаться по городу с грузом – картофеля, молока, книг, – привозимых в город» [Берберова 1994: 304, 305].

В повести «Черная болезнь» образ Парижа изображается менее подробно. Лишь по нескольким деталям мы понимаем, что город остается все таким же неприветливым для эмигрантов. Все так же герои выживают в бедности, закладывая вещи в ломбард, постоянно размышляя, где бы взять денег. Сам герой повести дает своей «одиноким парижской жизни» краткое определение: «дальше так жить нельзя» [Берберова 1994: 274].

Стоит отметить, что детальное описание Парижа в этом произведении сменяется описанием другого города – пристанища русских эмигрантов – Чикаго. Так же, как и Саша в повести «Плач», и Борис в «Роканвале», главный герой «Черной болезни» рисует город мечты в своем воображении, дополняя деталями информацию из найденной когда-то

«книжки с картинками». В отличие от Саши, герой не разочаровывается, приехав в реальный город. Чикаго оказывается таким же ярким, «непохожим на всамделишный», «как на детской картинке» [Берберова 1994: 297].

Таким образом, хронологическое расположение повестей цикла «Рассказы в изгнании» и отразило новое направление движения эмигрантского потока (в Америку вместо Парижа), и стерло эмигрантскую ностальгию по родине, как будто бы примирило русских эмигрантов с их судьбой. «Мне, в сущности, все равно, где жить», — утверждает один из героев сборника рассказов Н.Н. Берберовой. [Берберова 1994: 302]. Вектор внимания героя теперь направлен не на внешние изменения, а на внутренние переживания («приспособиться к катастрофе личной, до мировых мне дела нет» [Берберова 1994: 300]).

Подтверждением этой трансформации является и изображение условного города будущего в финальной повести-антиутопии «Памяти Шлимана».

Образы России и Франции являются ключевыми для сборника «Рассказы в изгнании», становятся одной из его циклообразующих черт.

Образ России тесно связан с другой циклообразующей чертой — мотивом памяти. В воспоминаниях героев образ России идеализирован, наделен очарованием детства или чертами русских классических романов. Россия для героев «Рассказов в изгнании» — это страна Чехова и Тургенева, ее изображение в рассказах цикла литературоцентрично, овеяно тоской по ушедшему золотому веку «дворянских гнезд».

Изображение Франции в сборнике чаще всего связано с мотивом утраченных иллюзий. Мечты героев о городе-празднике сталкиваются с реальностью: Париж оказывается недружелюбным, не принимающим эмигрантов пространством. В ряде произведений («Воскрешение Моцарта», «Конец Тургеневской библиотеки») мечту героев-эмигрантов об идеальной жизни во Франции разрушает приближающаяся Вторая мировая война.

Сохраняя традиционное для эмигрантской прозы изображение ключевых пространств, Н.Н. Берберова подчеркивает, что Париж перестает быть единственным пристанищем для эмигрантов. Пространственные границы в сборнике расширяются: герои путешествуют в Венецию и Стокгольм, эмигрируют в Америку. Но с расширением географических границ расширяется и чувство бездомности, отторженности в душе героев. Таким образом, звучание мотива бегства, характерного как для сборника «Рассказы в изгнании», так и для всей эмигрантской литературы, усиливается: герои эмигрируют повторно, убегая от войны или ища лучшей жизни.

Библиографический список

Берберова Н.Н. Рассказы в изгнании. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 334 с.

Малыхина Э.С. Символика звука в повести Н. Берберовой «Роқанваль» // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009». М., 2009. С. 539–541.

Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.

Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Художественная литература, 1983. 702 с.

E.V. Kataeva

Postgraduate Student of Philological Faculty

Perm State University

IMAGES OF RUSSIA AND FRANCE IN THE CYCLE “STORIES IN EXILE” N.N. BERBEROVA

Abstract. The article is devoted to the analysis of images of Russia and France – key spaces depicted in the collection of N.N. Berberova “Stories in Exile”. The features of the traditional image of Russia and Paris for emigrant prose are highlighted. The close connection between the image of Russia and the motif of memory is emphasized. Russia in the minds of the heroes is idealized, endowed with the features of works of Russian classics. The connection between the image of Russia and the literary tradition of the 19th century is described. The image of France is associated with the motif of a lost dream. N.N. Berberova adheres to the concept traditional for the literature of Russian emigration in depicting Paris – this is a city that does not accept immigrants and does not correspond to their idealistic ideas. In the later stories of the “Stories in Exile” series, spatial boundaries expand: the heroes travel to Venice and Stockholm, and emigrate to America. Thus, the escape motif intensifies.

Key words: literature of Russian emigration, short prose N.N. Berberova, key space, image, hero, motive, literary-centricity.

УДК 821.161.1(581)

Чжу Хой
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
724488264@qq.com

**«ЛОШАДЬ, НАРУШАЮЩАЯ ТИШИНУ»:
В.С. МАКАНИН В КИТАЕ**

Аннотация. В статье исследуется история издания произведений В. Маканина в Китае и процесс формирования представлений о его творчестве у китайских литературоведов и критиков. Анализируются диссертации, статьи и рецензии, посвящённые произведениям писателя, выявляются этапы истории изучения его творчества, выявляются проблемы, которые требуют дополнительного изучения. В работе делается вывод, что особое внимание китайские литературоведы уделяли проблеме творческого метода писателя и его связи с традициями классического реализма русской литературы, постмодернизмом и постреализмом.

Ключевые слова: Владимир Маканин, современная русская литература, китайское литературоведение, постреализм.

Конец XX века в русской культуре был ознаменован кризисом, вызванным изменением существовавшей ранее культурной парадигмы, что, в частности, выразилось в исчезновении характерного для России литературоцентризма. После распада СССР искусство получило некоторую свободу, однако литературные произведения перестали находиться в центре внимания общества (как это было ранее), и перекратили получать поддержку читателей. Однако такие кардинальные изменения, происшедшие в пространстве культуры, не помешали творческому развитию российских писателей.

Среди писателей, заявивших о себе ещё в «советский» период и продолживших активную литературную деятельность в 1990–2000-е гг., можно с уверенностью назвать В.С. Маканина. За свою полувековую творческую карьеру он опубликовал более 60 романов, повестей, рассказов и эссе. Известные российские литературоведы – А. Агеев, Н. Иванова, А. Латынина, А. Марченко, И. Роднянская, Л. Сараскина и И. Соловьева и др. – признали В. Маканина «одним из самых выдающихся представителей русской литературы» [Буйда 1998: 6].

Для многих китайцев лучшим способом по-настоящему понять Россию является изучение литературы. Известный литературовед и

мыслитель Лю Вэньфэй в 2016 г. писал: «...Самое ценное в России – это не нефть, газ или оружие, а литература: изучая историю культуры России, нетрудно ощутить давний феномен “литературоцентризма” в русской культуре. На протяжении почти двух столетий литература всегда оставалась самой популярной “визитной карточкой” России»¹ [Лю 2016: электрон. источник].

Когда китайские учёные исследуют российскую литературу, они обычно анализируют творчество писателей XIX–XX вв. (от Пушкина до Солженицына), однако современная российская литература во многом до сих пор остаётся неизученной. Творчество В. Маканина – общепризнанного мастера психологических романов и повестей – помогает понять реальность конца XX – начала XXI вв. В его произведениях раскрывается жизнь современного города и его обитателей – типичных представителей советского (а потом и российского) общества, живущих в эпоху научно-технической революции в условиях ускоренного темпа жизни и жесткой конкуренции. Большинство персонажей принадлежит к интеллигенции: это инженеры, врачи, учителя, экономисты или журналисты, – но среди них есть и солдаты, пенсионеры, дворники, душевнобольные, фрилансеры и другие «обычные» люди. Именно этим, наверное, его произведения привлекли китайских читателей, интересующихся жизнью соседней страны.

В истории изучения творчества В. Маканина в Китае можно выделить два этапа – период с 1980 по 2000 гг. (этап «перевода и знакомства») и период с 2000 г. по настоящее время (этап «углубленного исследования»).

«Первое знакомство» китайской публики с творчеством русского писателя состоялось ещё до того, как его произведения были переведены на китайский язык. В 1983 г. исследовательница Пан Гуйчжэнь опубликовала в журнале «Советская литература» статью под названием «О писателях поколения сорокалетних», в которой раскрыла основные тенденции и особенности художественного стиля поколения, и, в частности, назвала некоторые художественные приёмы, характерные для ранних произведений В. Маканина. В статье отмечалось, что тематика произведений «сорокалетних» относительно узка: в основном в них показывается повседневная жизнь обитателей крупных городов, а также тривиальные вопросы, которые люди вынуждены решать, – любовь, брак и т. п. Пан Гуйчжэнь отметила, что среди «поколения сорокалетних» настоящим мастером можно считать Маканина. По её мнению, писатель, создавая образы интеллектуалов, следовал традиции писателя предшествующего поколения – Ю.В. Трифонова [Пан 1983: 61].

По мнению литературоведа Хоу Вэйхун, в творчестве В. Маканина можно выделить три этапа: 1) начало 1960-х – начало 1980-х гг.; 2) середина 1980-х гг.; 3) 1990-е и последующие годы. В ранних произведениях писатель создал образ современного «маленького человека» – обитателя города, который не имеет собственных идей и потерял индивидуальность; в работах «промежуточного» этапа появляются образы героев-«чудаков», которые пытаются пробиться сквозь серость и посредственность, но оказываются бессильны перед обстоятельствами; в 1990-е гг. художник исследовал исторические и социальные причины потери человеком индивидуальности и размышлял об особенностях развития социальной системы [Хоу 2001]. Для китайских читателей и переводчиков ближе оказались произведения 1990–2000-х гг.

Первые переводы произведений В.Маканина на китайский язык были опубликованы в 1980-е гг. Это были повести «Где сходилось небо с холмами» (1984) в переводе Ван Шисе [Маканин 1987] и «Старые книги» (1985) в переводе Лю Жо [Маканин 1985]. В 1990-е гг. Янь Юнсин перевёл рассказ «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993) [Маканин 2003], который произвёл большое впечатление на писателю и критиков. В 2000-е гг. на китайском языке были опубликованы романы «Один и одна» (1987) в переводе Лю Жомэй [Маканин 2003] и «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) (переводчик Тянь Давуй) [Маканин 2002], а также повести «Предтеча» (1983) (переводчица Кун Сявэй) [Маканин 2006], «Лаз» (1991) (переводчица Дун Сяо) [Маканин 1999] и «Отдушина» (1979) (переводчица Хоу Вэйхун) [Маканин 2006]. При этом следует отметить, что до сих пор остаются непереведёнными такие значимые произведения писателя, как «Испуг», «Асан», «Две сестры и Кандинский», «Сюжет усреднения», «Долог наш путь», «Гражданин убегающий», «Голоса», «Голубое и красное», «Отставший», «Кавказский пленный», «Буква А», «Последний лагерь» и т. д.

В 2010-е гг. новые переводы произведений В. Маканина в Китае не издавались. Этот факт, с нашей точки зрения, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, для китайских издателей современная европейская и американская литература (ранее издававшаяся весьма редко) оказалась более интересной (по сравнению со «стареющей» в сознании китайских читателей русской и советской литературой): она несла в себе новые литературные формы и художественные концепции, которые привлекали молодёжь. Кругозор китайских читателей в начале XXI в. расширился, и «свежая» литература Европы и Америки оказалась более интересной (в отличие от привычного «единственного выбора

прошлого» – литературы Советского Союза). В результате сокращения количества читателей издательства стали неохотно публиковать переводы с русского языка, предпочитая издавать переводы англоязычных книг. Во-вторых, заработки переводчиков стали слишком низкими: гонорар за перевод текста, над которым приходится работать 1–2 года, не оправдывает затраченных усилий. В-третьих, издательствам не хватает высококвалифицированных русскоязычных редакторов и переводчиков. В-четвёртых, китайские литературоведы и критики считают, что картина современной русской литературы не обрела ясность: многое из литературы «советского» периода было ниспровергнуто, а новые тенденции в полной мере пока ещё не проявились. Исходя из этих обстоятельств, мы можем сделать вывод, что современные российские писатели нередко остаются известными лишь узкому кругу русистов.

Современные китайские издатели предпринимают определённые усилия, направленные на то, чтобы читатели познакомились с новыми российскими писателями и их произведениями. Известный переводчик Лю Вэньфэй, заявил: «Я думаю, что китайцы хорошо воспримут современную русскую литературу. В последнее время мы ежегодно переводим около 20 произведений современной русской литературы. Я полагаю, что должен соблюдаться баланс, и количество переводов произведений русской литературы в Китае, не должно быть примерно таким же, как и произведений других стран. Поэтому я думаю, что статус, масштаб и распространённость современной русской литературы в Китае не меньше, чем в любой другой стране. Поэтому, по моему мнению, ситуация с публикацией в Китае современной русской литературы, масштаб распространения и степень её воздействия на читателей ничуть не ниже, чем в любой другой стране мира» [Ли 2015: электрон. источник].

Исследование творчества В. Маканина в Китае протекало в разных направлениях. Произведения писателя позволили китайским исследователям рассмотреть ряд важных вопросов: 1) Проанализировать типичные образы персонажей, появляющихся в творчестве писателя, – например, образов «героев» и «не-героев» своего времени, «подпольных людей», «привратников» и «посредников» и т. п. (Лю Жомей, Чэнь Цзин); 2) Исследовать идейное содержание произведений, – в частности, сформулированные в них антиутопические идеи (Тянь Хунмин, Чэнь Цзин); 3) Описать национальные, социальные и культурные традиции России (Тянь Хунмин, Чжао Сюэхуа); 4) Изучить общие особенности искусства постмодернизма (Ван Лидан, Хоу Вэйхун).

Следует отметить, что, несмотря на большой интерес к творчеству В. Маканина, до начала XXI в. количество опубликованных в Китае ста-

тей и защищённых диссертаций, посвящённых его произведениям, было невелико. В Китае до сих пор не появилось ни одной специальной монографии, посвященной творчеству В. Маканина, однако некоторые учёные посвятили его творчеству разделы своих обобщающих работ о русской литературе, опубликованных в 2000-е гг. Среди таких изданий можно назвать монографию профессора Чжан Цзе «Основы теории литературы» [Чжан 2007], книгу Чжоу Сяопина «Литературные вершины: диалоги с 22 гигантами мировой литературы» [Чжоу 2010], учебники по истории русской литературы Жэнь Гуансюань [Жэнь 2006], Чэнь Цзяньхуа [Чэнь 2007] и Чжэн Тиу [Чжэн 2006]. Авторы этих книг познакомили китайских читателей с творчеством писателя и проанализировали отдельные его произведения.

Особый интерес у китайских исследователей вызывали произведения В. Маканина, написанные в 1990-е и 2000-е гг. Отметим наиболее интересные работы: это статьи «Осмелюсь спросить, где путь: краткий анализ повести Маканина “Долог наш путь”» Дун Сяо [Дун 1995], «Миф об обычном человеке – оценка нового произведения Маканина “Асан”» Сюэ Жанжан, «О художественном стиле романа Маканина» Хоу Сихун [Сюэ 2009], «Нарративная стратегия мета-романа Маканина “Андеграунд, или герои нашего времени”» Ван Лидана [Ван 2005] и т. д. В этих статьях отмечается, что в 1990-е гг. В. Маканин на основе обобщения проблем, над которыми он размышлял в 1970-е и 1980-е гг., создал серию «рефлексивных романов». С одной стороны, он, размышляя об истории человечества, продолжал исследовать «вечную» проблему добра и зла. С другой стороны, в ответ на сформировавшуюся в 1980-е гг. проблему личностной депрессии и спутанности сознания, писатель обратился к исследованию социальных причин этого явления и задумался о проблеме создания «идеального общества». До начала 1990-х гг. В. Маканин, стремясь исследовать природу человека и отразить моральные и духовные проблемы, прежде всего обращал внимание на конкретных «людей»; в 1990-е гг. писатель начал обращать внимание на «группы». В его работах всё чаще изображались не личная жизнь конкретного человека (как это было в ранних творениях), а исторические сцены, раскрывающие в философском контексте прошлое, настоящее и будущее человеческого общества. Структура творчества писателя в этот период усложняется, а художественное время и пространство его произведений постоянно расширяются.

Китайские критики особо высоко оценили повесть «Лаз», рассматриваемую ими как «уникальную антиутопию». В произведении представлено два мира: земной, окутанный тьмой и безмолвием, где лич-

ность и свобода постоянно попираются и уничтожаются; – и подземный (то есть общество эмигрантов), который ярко освещён и позволяет людям говорить свободно, однако из-за нехватки кислорода люди, обитающие в нём, постоянно испытывают удушье. «Верхний» мир, ужасен, но не менее страшен и «нижний» мир; «лаз», соединяющий два мира, настолько узок, что его легко перекрыть, и главный герой, перемещающийся между мирами, испытывает физические страдания, а «промежуточное состояние», в котором он находится, усугубляют испытываемые им страх и боль. Такая яркая метафора заставляет читателя глубоко прочувствовать противоречивое мироощущение писателя.

Подобную ситуацию нахождения человека между двумя типами культуры ярко описал Лу Синь: «Одинокий новый мир, безопасное старое поле. В двух комнатах одна пешка в одиночестве держит алебарду» (寂寞新文苑, 平安旧战场。两间余一卒, 荷戟独彷徨) [Лу 1973]. Анализируя ситуацию в китайской культуре в 1920-е гг., китайский классик (сам являвшийся сторонником инноваций в литературном мире) сравнивает положение писателя «в эпоху перемен с солдатом, который в одиночку бродит с оружием между лагерями новой и старой культуры: очень мало людей оказываются сторонниками борьбы за «новую культуру», поскольку они полагают, что придерживаться принципов «старого» безопаснее.

Одна из проблем, активно обсуждавшаяся китайскими литературоведами, – *творческий метод* русского писателя. Некоторые китайские исследователи относят В. Маканина к числу *реалистов*, другие называют его *модернистом*, третьи – *постмодернистом*, четвёртые – *постреалистом*.

Литературовед Юй Ичжун, характеризуя творчество В. Маканина, писал: «...Когда вы прочтёте “Сюжет усреднения”, то почувствуете, что безжалостные строфы, фрагментарность текста, использование нескольких разнородных стилей, саморефлексия и интертекстуальность – всё это заставляет людей думать, что они имеют дело с постмодернистским произведением; когда вы прочтете роман “Испуг”, то почувствуете, что это традиционный реалистический роман; когда вы прочтете повесть “Долог наш путь”, то поймёте, что использованный в нём творческий метод очень трудно определить, потому что одним из ключей к решению этого вопроса является реализм, но есть и другой ключ к разгадке – это модернизм» [Юй 2010].

По мнению литературоведа Ся Цюфэнь повесть «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» сочетает приёмы как модернизма, так и постмодернизма. Хотя произведение имеет очевидный постмодер-

нистский подтекст, из его содержания мы можем заключить, что основное внимание автор уделяет теме человеческой личности и размышлениям о принципах выживания человека в сложнейших условиях, что демонстрируют чувство тревоги по поводу нравственного упадка людей [Ся 2007].

Большое количество китайских исследователей рассматривают В. Маканина как *постмодерниста*. Ван Цзечжи в книге «История европейской и американской литературы в XX веке» заявил, что репрезентативным произведением постмодернизма является не только рассказ «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», но и роман «Андеграунд, или Герой нашего времени», а также повесть «Долог наш путь» [Ван 2009].

С этой точкой зрения не полностью согласился Ли Хаочжи, который дал высокую оценку рассказу «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» за его постмодернистский стиль: это произведение, которое в первую очередь передаёт *атмосферу ужаса*, – так же, как и «Приговор» Ф. Кафки. Смысл текста произведения, очевидно, рождается не из действительности, а из *сознания* «всеведущего и всемогущего» автора. Традиционная концепция текста утверждает, что сознание предшествует языковому выражению. Литературная теория постмодернизма заявляет, что языковое значение не связано напрямую с внешним по отношению к языку изображаемым *объектом*; поэтому можно утверждать, что творческая практика Маканина противоречит теории постмодернизма [Ли Хаочжи 2006: 593–594].

Литературовед У Цзэлин позиционировал В. Маканина как *неореалиста*, а его произведения – как «неореалистические» [У 2004: 56]. В 2014 г. литературовед Фу Сяопин опубликовал статью «Русская литература: любовь и страх, уходящие корнями в реальность», в которой также связал творчество В. Маканина с неореализмом. По его мнению, в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» реалистическое содержание соединяется с приёмами постмодернизма, в результате чего формируется так называемый стиль «нового реализма» (или «постреализма») [Фу 2014: 2].

Всё больше и больше китайских исследователей относят В. Маканина к *постреалистам*. В 2014 г. Юй Шуанянь в докторской диссертации «Постреалистическое творчество В.С. Маканина», защищённой в Пекинском университете иностранных языков, отметила, что начиная с рассказа «Где сходилось небо с холмами» (1984), творчество писателя следует относить к постреализму. В своих последующих произведениях – в отличие от ранних – В. Маканин уже не фокусировался на пе-

реживаниях главного героя, определяемых его поведением, характером и объективными обстоятельствами и стал широко использовать в своем творчестве такие художественные приёмы, как ирония, интертекстуальность, и другие, характерные для постмодернизма [Юй 2014].

Китайские исследователи отметили огромную роль, которую играют в произведениях писателя отдельные предметы – «конкретные вещи». В 2009 г. исследовательница Чэнь Цзин в докторской диссертации «Наблюдение за индивидуальной волей: о создании романов В. Маканина с 1990-х годов», защищённой в Нанкинском университете, исследовала системы образов и стиль произведений писателя 1990-х гг. и пришла к выводу, что в его творчестве *предметы* («стол», «дом», «пишущая машинка», «щель» и др.) нередко имеют собственный уникальный статус «повествователя» и становятся носителями выражения некоторых идей автора.

Эту мысль в дальнейшем развивал профессор Тянь Хунмин из Университета Фудань в статье «“Конкретная вещь” в современной русской литературе: на материале творчества В. Маканина». Исследовательница отметила, что в повести «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» предмет «стол» собственной уникальной памятью, которая имеет «онтологическую природу»: он оказывается не только “рассказчиком” произведения, но и его “субъектом”, обладающим экзистенциальной природой. Писатель сознательно ставит “конкретную вещь” в положение, позволяющее ей говорить самим за себя, и тем самым восстанавливает её предметный статус, что придаёт ей особую текстуальную значимость и помогает раскрыть философский смысл произведения [Тянь 2017].

Интерес китайских исследователей вызывали принципы отражения социальной действительности. Профессор У Цзэлин заявил, что писатель не только обращается к современной реальности, но и рассматривают десятилетия жизни советского (а затем и российского общества) как непрерывный эволюционный процесс, который позволяет понять судьбу русской нации и причины происходящих в ней изменений. Мышление автора и главных героев, по мнению учёного, полностью метафизично. Мысль героев следует традиционному для русских интеллигентов пути от социальных проблем к духовной сфере. Это соответствует определённым традициям русской мысли – решать проблемы на высшем, философском и даже религиозном уровне [У 2001]. Проницательные выводы Тянь Хунмин и У Цзэлина открыли новые горизонты исследований, пробудив у многих литературоведов желание понять «метафизику жизни».

Творчество В. Маканина рассматривалось в ряде докторских (PhD) исследований, выполнявшихся в китайских вузах. В 2000 г. в Пекинском университете иностранных языков была защищена диссертация Лю Жомэя из «Взгляд на проблему автора в творчестве Маканина в 1990-х годах с точки зрения эстетического конструирования Бахтина». Основываясь на таких произведениях, как «Лаз», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», «Андеграунд, или Герой нашего времени», автор проанализировал структуру образов, авторскую позицию, язык и основную идею произведений, и сделал вывод о том, что их текст является идеальным художественным воплощением авторской позиции, в результате чего читатель находит у автора ответ на свои сомнения [Лю 2000].

В 2008 г. Тянь Хунмин защитил в Восточно-Китайском педагогическом университете докторскую диссертацию на тему «Творчество В. Маканина в 1990-е годы». В этой работе творчество писателя рассматривается с трёх сторон. *Во-первых*, в ней исследуются культурные и исторические контекста произведений (в основном, анализируются контексты, связанные с «утопическим» и «антиутопическим» содержанием произведений). *Во-вторых*, анализируется индивидуальный выбор персонажей, совершаемый ими в «утопических ситуациях». Используя в качестве материала романы «Лаз» и «Андеграунд, или Герой нашего времени», диссертант раскрыл отношение писателя к поведению индивидов в ситуации выбора между «коллективным» («конформистским») поведением, и стремлением к осуществлению своей «независимой» воли. *В-третьих*, в диссертации раскрываются индивидуальные особенности повествования, которые характерны для «постутопической» эпохи (с этой целью обстоятельно анализировался роман «Испуг», на примере которого раскрывалась сложная человеческая природа и индивидуальная воля персонажей). Автор диссертации высказал гипотезу, что в XXI в. Россия вступила в «постутопическую эпоху», которая сформировалась на основе существовавшей ранее утопической тоталитарной системы. На первый взгляд эти две социальные системы функционирования государства могут показаться противоположными, однако по сути они связаны единым механизмом развития и общим духовным «стерженьем» [Тянь 2008].

В 2000-е гг. развитие получили и сравнительно-сопоставительные (историко-типологические) исследования. Китайский литературовед и критик Юй Ичжун в одной из своих статей сопоставил писателей В. Маканина и В. Распутина. По его мнению, творческий путь обоих писателей, начавшееся в период советской «оттепели» 1960-х гг., по сути завершал развитие «советской» литературы – литературы «железно-

го», или, как её ещё иногда называют, «бронзового» века. Оба писателя родились в 1937 г.; оба начали публиковать свои произведения почти одновременно – в первой половине 1960-х гг.; обоим писателям оказались особенно близки проблемы истинного гуманизма и экологии, важные также и для китайских читателей. Творчество В. Распутина стало известно в 1960-е гг., когда он вошёл в число наиболее ярких писателей-«шестидесятников» (китайские читатели познакомились с его произведениями только в 1970-е гг.). Творчество В. Маканина стало привлекать внимание российских критиков только через десять лет, поэтому он был причислен к следующему поколению – «семидесятникам» (китайским же читателям он стал известен лишь в 1990-е гг.) [Юй 2010].

Литературовед Хоу Вэйхун сравнил творчество В. Маканина и Ю. Козлова. Он сопоставил два наиболее известных «антиутопических» произведения: повесть В. Маканина «Лаз» (1991) и роман Ю. Козлова «Ночная охота» (1996). По мнению исследователя, оба художника смело смотрят в лицо реальности, глубоко анализируют современность и соотносят сегодняшний день с историческим прошлым, что помогает им раскрыть проблемы «идеального» общества и смысл настоящей свободы. В их произведениях широко используются метафорические приёмы, которые типичны для жанра антиутопии, и одновременно необходимы для корректного выражения позиции автора [Хоу 2021].

С нашей точки зрения глубокое изучение творчества В. Маканина в Китае ещё только начинается. Значительная часть комментариев китайских исследователей была сосредоточена на их социальных и культурных аспектах произведений; гораздо меньшее внимание было уделено особенностям поэтики. Произведения российского писателя, будучи переведёнными более чем на 10 языков, вошли в историю мировой литературы, и их изучение может стать предметом анализа сравнительного литературоведения. Напрашивается сопоставление его произведений с работами ряда современных китайских писателей (особенно тех, которые обращались к философским проблемам, поставленным историей XX и XXI вв.), – например, Юй Хуа или Мо Яня (например, напрашивается сопоставление романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина с романом «Жить» Юй Хуа, а повести «Лаз» – с романом «Устал рождаться и умирать» Мо Яня). Сходство в произведениях этих писателей проявляется в особенностях интерпретации истории и определении места человека в современном мире, в принципах создания образов; общее в позиции писателей – это сочувствие к людям, поиск у них совести, поскольку только наличие совести даёт человеку возможность преодолеть состояние потерянности и найти в душе гармонию.

В 2006 г. в связи с проведением в Китайской Народной Республике Года России количество изданий произведений современных российских писателей возросло. В этом году проводилась 13-ая Пекинская международная книжная ярмарка, среди почетного участников которой была российская делегация. В число делегатов входил и хорошо знакомый китайским читателям В. Маканин. Во время этой поездки в Пекин, помимо участия в различных конференциях и иных мероприятиях, писатель посетил Запретный город, увидел Храм Неба, прокатился на рикше и попробовал утку по-пекински. Китайский переводчик Хоу Вэйхун, сопровождавший писателя, поделился своими впечатлениями об этой встрече: «...Маканин спросил меня об откликах на его произведения в Китае и сообщил мне, что в России вот-вот будет опубликован его новый роман “Испуг” <...>. Говоря об этом, он внезапно сделал паузу <...> и произнёс чрезвычайно серьезно: «Жизнь закончится, любовь исчезнет, а книги могут остаться». Перед отъездом Маканин сказал: “Пекин, я надеюсь, что смогу приехать сюда снова!”» [Хоу 2007].

Перед возвращением домой писатель попросил Хоу Вэйхуна объяснить значение китайских иероглифов, использованных для транслитерации его фамилии “Маканин” – ‘马卡宁’ (иероглиф ‘马’ [mǎ] имеет значение ‘лошадь’, ‘конь’, то есть символизирует связь человека с землей и трудолюбие; иероглиф ‘宁’ [níng; nìng] имеет значение ‘спокойный’, ‘тихий’, ‘мирный’, ‘умеренный’, ‘уравновешенный’; иероглиф ‘卡’ [kǎ] имеет значения ‘застрывать’ и ‘нарушать’). Сочетание этих иероглифов Хоу Вэйхун перевёл таким образом: «Лошадь, нарушающая тишину». В дальнейшем в разговорах с другим русскими писателями о китайском значении своего имени В. Маканин отмечал: «Мое китайское имя такое красивое!» [Хоу 2007].

Да, Маканин – это та лошадь, которая нарушила тишину! Он поставил точный диагноз современному обществу и убедительно объяснил причины кризиса. Свой литературный талант писатель использовал для того, чтобы найти способ, как выйти из кризиса и создать «духовный дом» для своих читателей. В. Маканин использовал свой литературный талант для помощи людям, живущим в хаотичном и неупорядоченном мире, чтобы помочь каждому из них найти собственный духовный «лаз» к лучшей жизни и построить мир, наполненный смыслом жизни!

Примечание

¹ Здесь и далее перевод на русский язык работ китайских литературоведов выполнен автором статьи – Чжу Хой.

Библиографический список

- Буйда Ю. Маканин в «Известиях» // Известия. 1998. 2 июня. С. 6.
- Ван Лидан. Мета-роман В. Маканина: обзор нарративной стратегии «Андеграунд, или герой нашего времени» // Русская литература и искусство. 2005. № 1. С. 36–40. (王丽丹: 《弗马卡宁的元小说》叙事策略一评〈地下人, 或者当代英雄〉) [J], 载《俄罗斯文艺》, 2005年第1期, 第36–40页).
- Ван Цзечжи. История европейской и американской литературы в XX веке. Нанкин: Изд-во Нанкинского педагогического университета, 2009. 495 с. (汪介之. 20世纪欧美文学史[M]. 南京师范大学出版社. 2009. 495).
- Дун Сяо. Осмелюсь спросить, где путь: Краткий анализ повести В. Маканина «Долог наш путь» // Современная зарубежная литература. 1995. № 4. С. 103–107. (董晓: 《敢问路在何方——浅析弗马卡宁的中篇小说〈路漫漫〉》[J] 载《当代外国文学》, 1995年第4期, 第103–107页).
- Жэнь Гуансюан. Краткая история русской литературы. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. 487 с. (任光宣. 《俄罗斯文学简史》[M], 北京大学出版社. 2006年. 487页).
- Ли Чанвэй. Переводчик Лю Вэньфэй награжден российской медалью дружбы: литература не может улучшить общество [интервью с Лю Вэньфэйем 5 ноября 2015 г.]. (李昶伟 俄语翻译家刘文飞获得俄罗斯友谊勋章 文学无法改良社会 2015. 11. 05). URL: https://www.guancha.cn/art/2015_11_05_340175_s.shtml (дата обращения: 11.10.2023).
- Ли Хаочжи. Тенденции в русской литературе и мысли в 20 веке. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. С. 593–594. (黎皓智. 20世纪俄罗斯文学思潮[M]. 北京大学出版社. 2006年. 593–594).
- Лу Синь. Нерешительность. Пекин: Изд-во литературы народа, 1973. (鲁迅. 《彷徨》[M]. 人民文学出版社. 1973年).
- Лю Вэньфэй. Возможности китайско-российской литературной дипломатии // Газета для чтения Чжунхуа. 2016. 6 июня. (刘文飞. 中俄文学外交的可能性. 中华读书报. 2016. 06. 29). URL: https://epaper.gmw.cn/zhdsb/html/2016-06/29/nw.D110000zhdsb_20160629_1-05.htm (дата обращения: 11.10.2023).
- Лю Жомэй. Взгляд на проблему автора в творчестве Маканина 1990-х годов с точки зрения эстетического конструирования Бахтина: дис. ... докт. филос. (PhD). Пекин: Пекинский университет иностранных языков, 2000. (柳若梅. 《从巴赫金的审美建构说看马卡宁九十年代创作中的作者问题》(博士学位论文). 北京外国语大学. 2000年).
- Маканин В. Андеграунд, или герой нашего времени / Пер. на кит. яз. Тянь Давуй. Пекин: Изд-во иностранной литературы, 2002. (田大畏译. 弗. 马卡宁. 《地下人, 或当代英雄》[M]. 外国文学出版社. 2002).
- Маканин В. Где сходилась небо с холмами / Пер. на кит. яз. Ван Шисе. Пекин: Изд-во иностранной литературы, 1987. (王士燮译. 弗. 马卡宁. 《在天空跟群山相连的地方》[M]. 外国文学出版社. 1987).
- Маканин В. Отдушина / Пер. на кит. яз. Хоу Вэйхун. Наньхай: Наньхайская издательская компания, 2006. (侯玮红译. 弗. 马卡宁. 《透气孔》[M]. 南海出版公司. 2006).

Маканин В. Лаз / Пер. на кит. яз. Дун Сяо. Цинхай: Изд-во Куньлунь, 1999 (серия «Новая русская литература»). (董晓译. 弗. 马卡宁. 《豁口》[M]. 昆仑出版社. 1999).

Маканин В. Один и одна / Пер. на кит. яз. Лю Жомей. Пекин: Изд-во китайской молодёжи, 2003. (柳若梅译. 弗. 马卡宁. 《一男一女》[M]. 中国青年出版社. 2003).

Маканин В. Предтеча / Пер. на кит. яз. Кун Сявэй. Наньхай: Наньхайская издательская компания, 2006. (孔霞蔚译. 弗. 马卡宁. 《先驱者》[M]. 南海出版公司. 2006).

Маканин В. Светлана на книжном рынке / Пер. на кит. яз. Лю Жо. Тяньцзинь: Изд-во литературы и искусства «Байхуа», 1985. (刘若译. 弗. 马卡宁. 《书市上的斯薇特兰娜》[M]. 百花文艺出版社. 1985).

Маканин В. Стол, покрытый сукном и с графином посередине / Пер. на кит. яз. Янь Юнсин. Лицзян: Лицзянское изд-во, 2003. (严永兴译. 弗. 马卡宁. 《审讯桌》[M]. 漓江出版社. 2003).

Пан Гуйчжэнь. Обсуждение и комментарии к “Сорокалетнему поколению писателей” // Советская литература. 1983. № 5. С. 61–63. (潘桂珍: 《关于“四十岁一代作家”的讨论评述》, 载《苏联文学》, 1983年第5期, 第61–63页).

Сюэ Жаньжань. Миф об обычном человеке – оценка нового произведения Маканина «Асан» // Тенденции развития зарубежной литературы. № 6. 2009. С. 16–18. (薛冉冉: 《一个平凡人的神话——马卡宁新作〈阿桑〉赏析》, 载《外国文学动态》, 2009年第6期, 第16–18页).

Ся Цюфэнь. Краткий обзор повести Маканина «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» // Филологический журнал. 2007. № 17. С. 153–155. (夏秋芬. 简评马卡宁的中篇小说《审讯桌》[J]. 语文学刊, 2007年第17期).

Тянь Хунмин. «Конкретная вещь» в современной русской литературе: Творчество В. Маканина как центр // Исследование зарубежной литературы. 2017. № 6. (田洪敏: 《当代俄罗斯文学中的物性书写: 以弗. 马卡宁为中心》[J]. 外国文学研究, 2017年第6期).

Тянь Хунмин. Творчество В. Маканина в 1990-е годы: дис. ... докт. филос. (PhD). Шанхай: Восточно-Китайский педагогический университет, 2008. (田洪敏: 《弗马卡宁年代创作研究》(博士学位论文). 华东师范大学, 2008年).

У Цзэлин. Поиск «Я» в кошмаре конца: впечатления от нескольких важных произведений русской литературы 1990-х годов // Современная зарубежная литература. 2001. № 4. (吴泽霖: 《末日梦魇中“自我”的寻求——几部九十年代俄罗斯文学重要作品印象》, 载《当代外国文学》, 2001年第4期).

У Цзэлин. Русская постмодернистская литература и русские национальные культурные традиции // Зарубежная литература: комментарии. 2004. С. 56. (吴泽霖. 俄罗斯后现代主义文学与俄罗斯民族传统文化传统[J]. 外国文学评论, 2004年. 第3期. 第56页).

Фу Сяопин. Русская литература: любовь и страх, уходящие корнями в реальность // Литературный журнал. 2014. С. 2. (傅小平. 俄罗斯文学: 根植于现实的爱与怕[J]. 文学报, 2014年9月. 第2版. 第2页).

Хоу Вэйхун. Десятилетие русских романов // Тенденции развития зарубежной литературы. 2021. № 6. С. 12–15. (侯玮红. 《俄罗斯小说十年回顾》[J]. 外国文学动态, 2021年第6期, 12–15页).

Хоу Вэйхун. Маканин находится в Пекине // Тенденции развития зарубежной литературы. 2007. № 2. С. 29–31. (侯玮红. “第一印象是最深刻的” —马卡宁在北京[J]. 外国文学动态. 2007年第2期, 29–31页).

Хоу Вэйхун. О художественном стиле создания романа Маканина // зарубежной литературы: комментарии. 2001. № 2. С. 60–66. (侯玮红. 论马卡宁小说创作的艺术风格[J]. 外国文学评论, 2001第2期, 60–66页).

Чжан Цзе. Избранные эссе по литературе. Шанхай: Изд-во Университета Фудань. 2007. С. 316. (张杰《文学选论》复旦大学出版社. 2007. 316).

Чжоу Сяопин. Литературные вершины: диалоги с 22 мировыми литературными гигантами. Пекин: Центральное изд-во переводов, 2010. (周晓萍《文学峰景: 与22位世界文学巨擎的对话》[M]. 中央编译出版社, 2010).

Чжэн Тиу. Краткая история русской литературы. Шанхай: Изд-во литературы по методике изучения иностранных языков, 2006. С. 289. (郑体武. 俄罗斯文学简史[M]. 上海外语教育出版社, 2006年. 第289页).

Чэнь Цзяньхуа. История исследований китайской русско-советской литературы. Чунцин: Чунцинское изд-во, 2007. (陈建华. 中国俄苏文学研究史论[M]. 重庆出版社, 2007).

Юй Ичжун. Читайте романы Маканина: интервью. 03.03.2010. (余一中: 《读一读马卡宁的小说吧》. 载《经济观察报》, 2010. 03. 03). URL: <http://www.eeo.com.cn/observer/yuedu/2010/03/03/164023.shtml>. (дата обращения: 13.10.2023).

Юй Шуанянь. Постреалистическое творчество В.С. Маканина: дис. ... докт. филос. (PhD). Пекин: Пекинский университет, 2014. (于双雁. 《马卡宁后现实主义创作研究》(博士学位论文). 北京大学. 2014年).

Zhu Hui

Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

V.S. MAKANIN'S WORKS IN CHINA

Abstract. The article examines the history of the publication of V. Makanin's works in China and the process of forming ideas about his work among Chinese literary scholars and critics. Dissertations, articles and reviews devoted to the writer's works are analyzed, stages in the history of the study of his work are identified, problems that require additional study are identified. The paper concludes that Chinese literary scholars paid special attention to the problem of the writer's creative method and its connection with the traditions of classical realism in Russian literature, postmodernism and post-realism.

Key words: Vladimir Makanin, modern Russian literature, Chinese literary criticism, post-realism.

УДК 801.83:27-28(470.53)

Мария Анатольевна Брюханова
главный библиотекарь научно-методического отдела
Научной библиотеки
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
bruhanova94@yandex.ru

Елена Михайловна Четина
доцент кафедры русской литературы
заведующий лабораторией культурной
и визуальной антропологии
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
chetina@mail.ru

СЕМЕЙНЫЙ СБОРНИК РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ КАК ПРИМЕР РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рукописному сборнику, который хранится в семейном архиве потомков пермского купца И.А. Зырянова. В блокноте представлены тексты известных апокрифов и фрагментов неканонических молитв. Богородичные апокрифы и пятничный календарь отражают ценностные ориентиры и календарные маркеры народного религиозного сознания.

Ключевые слова: семейная память, народное православие, рукописная традиция, апокрифы.

Введение. Авторам данной статьи был предоставлен рукописный блокнот, хранящийся в одном из пермских семейных архивов. Рукопись оказалась сборником религиозных текстов, распространенных в рукописной традиции в XIX–XX вв. Подобные рукописные сборники вызывают особый исследовательский интерес, поскольку возникли на стыке письменной традиции и устного народного творчества. Ю.М. Шеваренкова отмечает, что форма распространения («из рук в руки» как «из уст в уста» в фольклоре) таких рукописных религиозных текстов делает их объектами фольклористических и, шире, антропологических исследований [Шеваренкова 2010].

Описание. Блокнот представляет собой рукопись объёмом 58 листов, формат «в восьмерку» (16×10,5 см). Листы сброшюрованы нитками, бумага вержированная, обложка отсутствует. Скорее всего, блокнот

вел один человек, все записи сделаны одним почерком. Рукопись написана скорописью, для основного текста использованы чернила коричневого цвета. Следует отметить многочисленные ошибки в правописании, правила пунктуации практически не соблюдаются. Некоторые орфографические ошибки позднее исправлены переписчиком. В блокноте наблюдаются небольшие пометки карандашом, а также чернилами коричневого и черного цветов. В некоторых местах заметны остатки ровной разлиновки. Имеются поля в виде рамки, очерченной коричневыми чернилами. Сохранность блокнота неудовлетворительная, листы потрепанные и загрязненные, имеется поражение грибком, отдельные листы выпадают. Важно отметить, что на блокноте имеются следы затертости и зачитанности. Датировать рукопись можно концом XIX – началом XX вв. В настоящий момент оригинал блокнота находится в частном семейном архиве, а его фотокопия хранится в фольклорном архиве филологического факультета ПГНИУ.

Семья Зыряновых. Блокнот был обнаружен среди документов и фотографий Владимира Ивановича и Надежды Константиновны Зыряновых. Их дочь Наталья Владимировна Конюхова (1908 г. р.) долгие годы бережно хранила семейный архив, который теперь упорядочивают и изучают ее внучатые племянники.

Семейство Зыряновых происходило из династии соликамских купцов. Владимир Иванович был сыном купца 2-ой гильдии Ивана Андриановича Зырянова (ок. 1836–1910 гг.), который владел пассажирскими и буксирными судами и в свое время перебрался из города Соликамска в столицу Пермской губернии [Купцы Пермского края 2023: 312]. Историк и краевед А.А. Дмитриев в своем известном труде «Очерки из истории губернского города Перми», комментируя навигацию судов по Каме до Усолья и Чердыни за 1889 год, упоминает пароход «Помощник», принадлежащий Зырянову [Дмитриев 1889: 359]. Исследователи истории камского пароходства Р.В. Лапшин, Н.В. Митюков, А.В. Коробейников отмечали, что «в отличие от других семей, Зыряновы имели несколько самостоятельных флотов, нередко конкурировавших друг с другом. <...> Ввиду большого количества собственников, суммарный флот семьи Зыряновых был довольно значительным по камским меркам» [Лапшин, Митюков, Коробейников 2020: 254]. Умер купец И.А. Зырянов в 1910 году, однако в метрической книге в записи о смерти он значился уже мещанином¹. Переход в мещанское сословие, возможно, связан с тем, что семья разорилась и потеряла свое состояние в начале XX века. О семейном разорении упоминают и потомки Зыряновых, до сих пор проживающие в Перми.

Сейчас уже невозможно определить, кому именно принадлежала найденная рукопись. Можно предположить, что это могла быть одна из сестер или дочерей Владимира Ивановича Зырянова. Хозяйкой блокнота, возможно, была и его жена Надежда Константиновны Зырянова (в девичестве Лаптева). По семейным воспоминаниям, в конце жизни она тяжело болела, это могло ее подтолкнуть к созданию такого блокнота.

Вопрос о среде бытования переписываемых религиозных текстов ставит Ю.М. Шеваренкова: ограничены ли они хождением в собственно в крестьянской среде или в монастырской и прицерковной (в том числе городской) среде [Шеваренкова 2016: 14]. Обращаясь к сборнику семьи Зыряновых, мы наблюдаем, что корпус религиозных текстов популярных в сельских общинах, транслируется также в среде городского купечества и мещанства.

Исследователи отмечают, что обычно подобные рукописи, включающие апокрифические тексты и неканонические молитвы, циркулируют в старообрядческой среде. Однако изучая оцифрованные метрические книги Государственного архива Пермского края, где имеются записи о семье Зыряновых, можно убедиться, что они были представителями православной церкви. К примеру, Андриан Васильевич Зырянов, отец Ивана Андриановича, родился в Соликамске в 1806 году и был крещен в православном Свято-Троицком соборе². Известно также, что дочь Ивана Андриановича Зырянова Лидия Ивановна родилась в 1883 году, ее крестили в Спасо-Преображенском соборе в г. Усолье³. Замуж она выходила в 1902 году в г. Пермь, венчание проходило в Петропавловском соборе, в метрической книге указано, что вероисповедание невесты – православие⁴. Интересно, что Надежда Константиновна также была дочерью купца – Константина Артемьевича Лаптева, который значится в списках духовенства Пермской епархии за 1898 год. По данным этих документов он входил в Комитет Православного Миссионерского Общества и в Православное церковное братство св. Стефана, епископа Пермского [Список духовенства... 1898].

Структура сборника. Поскольку у блокнота нет обложки, а из-за потертостей не удастся расшифровать все строчки записей, сложно точно определить, какой именно текст начинает рукопись, а какой заканчивает. Предположительно в блокноте наблюдается следующая последовательность: «Слово о муках поканная михаиломъ Архангеломъ пресвятой Богородицы» («Хождение Богородицы по мукам»), «СОНЪ 1» («Сон Богородицы»), «Молитва» («Сказание о 12 пятницах») и 16 коротких текстов, каждый из которых имеет заглавие «Молитва»⁵. Плохая сохранность рукописей не позволяет расшифровать большую часть мо-

литв. «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», «Сказание о 12 пятницах» – это широко распространенные апокрифы, известные по многочисленным спискам. Более того, в народном сознании эти тексты нередко воспринимались неразрывно, что отмечают исследователи отечественной литературы: «в поздних рукописях апокрифы “Хождение”, “Сон Богородицы”, “Сказание о двенадцати пятницах” и “Иерусалимский свиток” (или “Елистолия о Неделе”) часто переписывались вместе как единый цикл и даже как одно произведение» [Апокрифы 2002: 13].

Использование блокнота. Не вызывает сомнений, что в блокнот переписывались тексты из других источников. Об этом свидетельствует характер записей, в них имеются ошибки, как будто переписывая, хозяйка блокнота понимала не все слова оригинального текста. Более того, ошибки могли быть уже и в первичном источнике, особенно в том случае, если он был рукописным. Основной текст писался коричневыми чернилами и переписывался чаще всего целиком, без деления на абзацы. Видимо, позже хозяйка сборника заметила неточности и карандашом поставила пометки, обозначающие начало абзацев. Может быть, она даже сравнила тексты из своего блокнота с оригинальным источником.

Таким образом, по внешнему виду блокнота можно предположить, что он находился в активном пользовании, тексты не раз просматривались и перечитывались. Об этом в том числе свидетельствуют исправления орфографических ошибок карандашом и чернилами черного цвета, тогда как изначальный текст был написан коричневыми чернилами.

В блокноте также был обнаружен лист из перекидного календаря за 1 октября 1913 года, который, скорее всего, служил закладкой. В этот день отмечают Покров Пресвятой Богородицы. Нам кажется, что богородичные апокрифы («Сон Богородицы», «Хождение Богородицы по мукам») и закладка, связанная с праздником Покрова, отражают распространенное в народной среде особое почитание Богородицы как заступницы и спасительницы. Возможно, хозяйка блокнота, немолодая женщина, пекущаяся о спасении души, выделяет эту дату церковного календаря для маркирования начала усиленного домашнего моления. Покровская суббота открывает ряд осенних поминальных суббот. Во время экспедиционных выездов мы неоднократно фиксировали поминальные обряды, связанные с «широкими субботаами». Пожилые женщины, которые, как правило, являются хранительницами семейной памяти в этот период – от Покрова до Дмитриевской субботы – поминают родных.

Подобный механизм бытования текстов народного православия до сих пор актуален в сельской местности. Наши информанты, женщины 1930 – 1940-х гг. рождения, хранят рукописные «тетрадоочки» с молит-

вами и духовными стихами. Эти записи передаются по наследству: «бабушкины тетради» воспринимаются как своего рода транслятор святости. Примечания к текстам молитв также носят осторожный и назидательный характер. Такие тетради – необходимый атрибут местных «знающих», организующих поминальную ритуалистику.

Рукописная традиция. Во второй половине XIX века среди населения Перми имела популярность разного рода лубочная литература, в том числе магического и религиозного содержания. Об этом упоминает в своей работе «Город Пермь, его прошлое и настоящее» краевед В.С. Верхоланцев. Он отмечает, что до 60-х гг. XIX века в Перми практически не было культурных учреждений, горожане мало читали серьезную литературу, а у услужливых коробейников «бойко расходились молитвенники, поминальнички, песенники, оракулы, сонники и т. п.» [Верхоланцев 1994: 176–177].

В это время в сельской и городской среде активно бытовала рукописная традиция⁶. Об этом свидетельствует наблюдение В.С. Верхоланцева, он пишет, что в Перми получила распространение «нелепая молитва» с надписью: «Кто переписет эту молитву, будет ежедневно читать и даст другим списать, получит отпущение грехов» [Верхоланцев 1994: 177].

В рукописном блокноте семьи Зыряновых имеется подобное предписание:

«...кто всю Молитву Будеть переписывать по три раза въ день читать тотъ Будеть Ухриста въ Раю Спасень и помилованъ на каждый часъ накаждую минуту».

Часто встречается предписание переписывать молитву, повторять несколько раз, носить с собой, искренне верить. Переписчику также обещается отпущение грехов, защита от пожара, наводнения, злых зверей. А.Л. Топорков, комментируя рукописи «Сна Богородицы», также пишет о такой особенности. «В этих текстах сам Христос призывал людей к тому, чтобы они копировали, хранили и распространяли рукописи СБ («Сна Богородицы». – прим. М.Б. Е. Ч.), обещая за это защиту от всяческих бед и болезней. Таким образом, в СБ включен определенный алгоритм, благодаря которому тексты превращаются в своеобразные "святые письма"...» [Топорков 2023: 271].

Комментарии к текстам. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» широко известен в древнеславянской письменности с XI в. Он является переводом греческого текста «Откровения пресвятой Богородицы», возникшего в IV–V вв. Текст особенно был распространен в ста-

рообрядческой среде. Весь сюжет «Хождения» строится на диалоге Богородицы и архангела Михаила, который водит ее по аду, показывая различные «муки» грешников. Такая подвижная вопросно-ответная форма «позволяла русским переписчикам этого текста добавлять к нему новые эпизоды, вводить новых персонажей и даже социально характеризовать их, в зависимости от того, в какой среде книжников переписывался апокриф» [Апокрифы 2002: 231].

В некоторых вариантах «Хождения» встречается обращение Богоматери к своему Сыну, которого она молит о даровании грешникам хотя бы временного покоя от невыносимых посмертных мучений. Однако в рукописном сборнике семьи Зырянова такая просьба отсутствует. Зато в конце текста обращает на себя внимание наставление:

«...аще Братич мои должно всякому Христианину отъ худыхъ дѣлъ хранить себя въ нижепоказанья».

Внимание заслуживает также апокриф «Сон Богородицы», достаточно широко распространенный в народной среде и в настоящее время. Сюжет этого апокрифа посвящен вешему сну Богородицы, в котором описывается распятие Христа и его воскресение. Этот апокриф бытует в устной и письменной форме и известен как духовный стих, неканоническая молитва и заговор. К примеру, в статье С.Ю. Королёвой и Е.А. Ключиковой показано, как на сравнительно небольшой территории Юрлинского района Пермского края «Сон» имеет высокую степень жанрово-функциональной вариативности [Королёва, Ключикова 2017].

А.Л. Топорков, отмечает, что сюжет «Сна» в наиболее полном виде представлен именно в прозаических апокрифических статьях [Топорков 2023: 272]. Ученый пишет, что начиная с XVII века «Сон Богородицы» «записывали на отдельных листках, столбцах, свитках, которые хранили дома или брали с собой в дорогу (например, отправляясь на войну или в суд) в виде письменного амулета» [Там же].

Интерес вызывает один из примечательных религиозных текстов «Сказание о 12 пятницах». Специалисты предполагают, что этот апокриф возник в начале христианской эпохи, а на Русь попал через южнославянское посредство [Апокрифы Древней Руси 2002: 227]. А.Н. Веселовский выделил две славянские редакции этого текста – «элевтериеву» и «климентову». Вторая редакция известна в русской устной и письменной традиции, ее авторство якобы принадлежит папе римскому Клименту [Веселовский 1876]. Как отмечает С.Н. Амосова, структура восточнославянской редакции «Сказания...» имеет обязательные элементы – перечисление 12 пятниц и формула вознаграждения – и дополнительные –

зачин и концовка. При этом концовка является наиболее устойчивым компонентом [Амосова 2015: 238].

Хозяйка блокнота особо выделяет дни, когда необходимо соблюдать строгий пост. Пятничный календарь помогает организовать жизнь в соответствии с церковными правилами. В блокноте Зыряновых представлены 12 пятниц накануне церковных праздников, которые нужно почитать постом и молитвой. Завершается пятничный цикл упоминанием о пятнице перед праздником Богоявления и обещанием вознаграждения:

«Предь Богоявленіемъ господни мь кто вту пятницу постится утого челоувька имя самъ Господь начнетъ держать въ рукахъ Своихъ и написано Будеть въ книгъ Животной Аминь».

Мотивы наказания за грехи и покаяния доминируют в содержании переписанных текстов:

«Должно всякому христианину от худых дел хранить себя», «Прости ми грехи», «очисти мою душу от всякой скверны».

Вывод. Итак, можно сказать, что рассмотренный блокнот семьи Зыряновых является типичным примером рукописного сборника, функционирующего в рукописной традиции в конце XIX – начале XX вв. В нем содержатся широко известные апокрифы, популярность которых можно объяснить использованием близких к народному религиозному мировоззрению наглядных и ярких образов. Подобного рода рукописные сборники использовались как своего рода руководство для христианина, которое помогало ему в повседневной жизни.

Примечания

¹ ГАПК Ф. 37. Оп. 6. Д. 905. Л. 124.

² ГАПК Ф. 37. Оп. 2. Д. 261. Л. 21.

³ ГАПК Ф. 37. Оп. 6. Д. 457. Л. 3.

⁴ ГАПК Ф. 37. Оп. 6. Д. 899. Л. 116.

⁵ В начале представлены названия текстов в соответствии с тем, как они подписаны в рукописном блокноте семьи Зыряновых. Далее в скобках общепринятые названия этих текстов.

⁶ Исследование пермской рукописной традиции, находящейся на стыке письменного и устного фольклорного текста впервые предпринял фольклорист и этнограф П.С. Богословский. Публикуя рукописные заговоры-молитвы Кунгурского уезда, Павел Степанович писал, что они служат «ценным материалом при исследовании вопроса о взаимодействиях народной поэзии и древнерусской письменности» [Богословский 1925: 26].

Библиографический список

- Амосова С.Н. Восточнославянская «климентовская» редакция «Сказания о 12 пятницах»: структура // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 236–245.
- Апокрифы Древней Руси / сост., авт. предисл. М. Рождественской. СПб.: Амфора, 2002. 239 с.
- Богословский П.С. Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение // Кунгуро-Красноуфимский край. Кунгур: Искра, 1925. № 3. Отд. 5. С. 25–28.
- Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь: Пушка. 1994. 255 с.
- Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды: IV. Сказание о 12-ти пятницах // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. № 185 (июнь). С. 326–367.
- ГАПК Ф. 37. Оп. 2. Д. 261. Л. 21. Метрическая книга за 1806 г. Свято-Троицкий собор, Церкви Соликамского уезда. URL: <https://pokolenia.permkrai.ru/records/view/972865> (дата обращения: 24.11.2023).
- ГАПК Ф. 37. Оп. 6. Д. 457. Л. 3. Метрическая книга за 1883 г. Спасо-Преображенский собор, с. Усолье Новое. URL: <https://pokolenia.permkrai.ru/books/view/29040> (дата обращения: 24.11.2023).
- ГАПК Ф. 37. Оп. 6. Д. 899. Л. 116. Метрическая книга за 1902 г. Петропавловский собор, г. Пермь. URL: <https://pokolenia.permkrai.ru/records/view/475562> (дата обращения: 24.11.2023).
- ГАПК Ф. 37. Оп. 6. Д. 905. Л. 124. Метрическая книга за 1910 г. Петропавловский собор, г. Пермь. URL: <https://pokolenia.permkrai.ru/records/view/462606> (дата обращения: 24.11.2023).
- Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года: С прил. летописи г. Перми с 1845 до 1890 г. Пермь: Изд-во П.Ф. Каменского, 1889. 363 с.
- Королёва С.Ю., Ключикова Е.А. «Сны Богородицы» и Богородский сон (фольклорные материалы из Юрлинского района Пермского края) // Живая старина. 2017. № 2(94). С. 28–32.
- Купцы Пермского края // Пермский сборник. Кн. 7.: Материалы 18-х Смышляевских чтений, 24 мая 2023 г. Пермь: ПГКУБ им. А. М. Горького, 2023. С. 293–369.
- Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Коробейников А.В. Камские пароходные магниты (1846–1918 гг.) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2020. № 1 (39). 320 с.
- Список духовенства Пермской епархии на 1898 год. URL: <http://petergen.com/bovkalosp/perm1898.html> (дата обращения 24.11.2023).
- Топорков А.Л. «Сон Богородицы» в русских рукописных и фольклорных традициях (XVII – начало XXI в.) // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 2. С. 268–287.
- Шеваренкова Ю.М. Рукописная религиозная проза Нижегородского края: тексты и комментарии. Нижний Новгород: Растр-НН, 2008. 294 с.
- Шеваренкова Ю.М. Рукописный религиозный фольклор: методы подхода к текстам, способы анализа и комментирования // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Весенняя школа – 2010 «Анализ фольклорного текста: прагматика, семантика, морфология». URL: https://ruthenia.ru/folklore/l10_program_shevarenkova.htm (дата обращения: 24.11.2023).

M.A. Brukhanova

Chief librarian of the Scientific and Methodological Department
Science Library
Perm State University

E.M. Chetina

Associate Professor of the Department of Russian Literature
Head of the Laboratory of Cultural and Visual Anthropology
Perm State University

**FAMILY COLLECTION OF RELIGIOUS TEXTS
AS AN EXAMPLE OF HANDWRITTEN TRADITION**

Abstract. The article is devoted to hand-written collection kept in the family archive of the Perm merchant I.A. Zyryanov's descendants. The notebook contains the texts of famous apocrypha and non-canonical prayers. The Virgin Apocrypha and the Friday calendar reflect the value orientations and calendar markers of folk religious consciousness.

Key words: family memory, folk orthodoxy, hand-written traditions, apocryphal writings.

УДК 801-83(470.53)

Маргарита Александровна Тихонова

магистрант

Центр типологии и семиотики фольклора

Российский государственный гуманитарный университет

novatikho@gmail.com

**МЕЖДУ СТИХАРНИКОМ И ПЕСЕННИКОМ.
О ДВУХ РУКОПИСНЫХ ТЕТРАДЯХ
ИЗ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА¹**

Аннотация. В статье описываются два рукописных собрания, принадлежащих ритуальным специалистам из русской д. Пож Юрлинского района и коми-пермяцкой д. Кукушка Кочевского района Пермского края. Один из сборников представляет собой достаточно своеобразный для юрлинско-кочевской рукописной традиции случай: он включает в себя не только духовные стихи, но и песенные формы – частушки, свадебные и календарные песни. Второе собрание состоит из сборника духовных стихов и песенника. Возможная причина появления таких «комбинированных» собраний – ансамблево-сценическая и ритуально-обрядовая деятельность их владельцев. В работе охарактеризованы особенности функционирования этих рукописных тетрадей, в виде инципитного списка представлен корпус обнаруженных в них духовных стихов, приведены параллели из других рукописных сборников, бытующих на юрлинско-кочевском пограничье.

Ключевые слова: русские-юрлинцы, кочевские коми-пермяки, похоронно-поминальная обрядность, рукописные тетради, духовные стихи.

Бытование духовных стихов как жанра народной поэзии зафиксировано исследователями на нескольких территориях Пермского края. Самой известной из них можно назвать Верхокамье: сразу несколько обобщающих работ посвящено локальной традиции старообрядцев, проживающих здесь (например, [Никитина 1993, 253–254; Никитина 2013; Поздеева 2007] и др.). Гораздо меньше известно специалистам пограничье Юрлинского и Кочевского районов Пермского края – территории, где духовные стихи на русском языке по сих пор активно бытуют в двух этнических группах: у русских-юрлинцев и соседствующих с ними на севере кочевских коми-пермяков². Несмотря на то, что между ними проходит языковая и этнокультурная граница, различия в репертуаре фольклорноносителей оказываются незначительными.

Термин «юрлинско-кочевское пограничье» ввела в научный оборот этномузыковед Н.И. Жуланова, используя его для описания особой культурной ситуации, сложившейся в этой контактной зоне. Исследова-

тель отмечает, что в течение четырех веков тесного соседства (начало русского освоения юрлинского края относят к XVII веку [На путях... 1989: 19–21, 24]) фольклорные элементы активно циркулировали между представителями двух этносов, при этом процесс заимствования активнее шел в направлении с юга на север, от юрлинцев к кочёвцам. Этот процесс на южной границе юрлинского русского «острова» был развит гораздо слабее [Жуланова 1995: 82–84].

В экспедициях 2022–2023 гг. коллектив исследователей из ПГНИУ (г. Пермь) и РГГУ (г. Москва) и подтвердил наблюдение Н.И. Жулановой о том, что, проникая от юрлинцев вглубь коми-пермяцкой территории, элементы русской песенно-музыкальной культуры постепенно там «растворяются», а также уточнил ареал распространения интересующего нас похоронно-поминального фольклора. На сегодняшний день очагами живой традиции исполнения духовных стихов в Юрлинском районе являются с. Юрла и д. Пож, в Кочевском районе – с. Большая Коча, дд. Сеполь и Отопково (все они находятся не дальше 30 км от границы с Юрлинским районом). При этом в двух последних деревнях рукописные тетради бытуют наиболее активно.

В населенных пунктах, расположенных севернее кочёвского с. Юксеево (43 км от границы районов), традиция исполнения духовных стихов, а также создания рукописных тетрадей затухает. Элементы обряда, которые обслуживаются духовными стихами, на севере Кочевского района упрощаются, трансформируются или вовсе отсутствуют. Например, обряд сбора котомочки и проводов души³, распространенный практически повсеместно на юрлинско-кочёвском пограничье и обязательно сопровождающийся духовным стихом «Ты клади-ка, клади котомочку», на севере района либо не сопровождается этим произведением (иногда его заменяет чтение молитв), либо полностью отсутствует. Фигура ритуального заместителя покойного также исчезает из обряда.

Яркой особенностью юрлинско-кочёвской фольклорной традиции является бытование духовных стихов в двух формах: устной (в виде произведений, исполняемых пожилыми женщинами на похоронах и поминках) и письменной (в виде рукописных тетрадей, создающихся ими же, циркулирующих между населенными пунктами и передающихся от одного поколения к другому)⁴. Как показывают полевые исследования 2013–2023 гг., сюжетный состав, а также «ядро» и «периферия» устной и письменной традиций не совпадают. Это явление характерно для целого ряда других территорий [Рожкова 2012, Никитина 2013, Сигарева 2018]. Представление о письменной форме бытования духовных стихов дает коллекция из 28 рукописных собраний, хранящихся в архиве ЛКиВА⁵

и ЛТПФ⁶ ПГНИУ. Из них 10 относится к традиции юрлинцев, 16 – кочёвцев, еще 2 – косинских коми-пермяков.

Тетради с духовными стихами на юрлинско-кочёвском пограничье нередко являются составной частью более крупных рукописных собраний, включающих семейные помянники, сборники рецептов, песенники, в отдельных случаях – дневники, стихи собственного сочинения и тексты других жанров. В таких собраниях духовные стихи почти всегда записаны в отдельную тетрадь, где они могут перемежаться другими религиозными жанрами или составляют в ней отдельный раздел. Несколько реже тетрадь оказывается моножанровым сборником, похожим на стихарник⁷. Но поскольку о стихарниках на этой территории ничего не известно, то подобный моножанровый сборник как бы изобретается внутри традиции независимо от его старообрядческого «прототипа».

Обычно в одну тетрадь записываются духовные стихи и другие тексты религиозного содержания: канонические и фольклоризованные православные молитвы⁸, списки для поминания умерших родственников, фрагменты мирской литии и панихиды. Такое объединение обусловлено, в первую очередь, нуждами похоронно-поминального обряда: в тетрадь попадают те тексты, к которым необходимо обращаться в обрядовой ситуации. Если владелица тетради интересуется «обычными» песнями, то они, как правило, записываются отдельно. Исключительно редким оказывается случай, когда духовные стихи соседствуют с частушками, лирическими, свадебными и «тюремными» песнями⁹.

Описанию двух разных по своему жанровому составу рукописных собраний посвящена эта статья. Оба они происходят из деревень, в которых сложилась яркая микролокальная фольклорная традиция, включающая в том числе традиционные песенные формы. Одна из деревень – русская, другая – коми-пермяцкая. В прошлом они относились к разным волостям. В наших полевых материалах нет свидетельств, что между этими деревнями существовала тесная празднично-обрядовая коммуникация (перекрестные гостевания и т. п.). Однако они находятся друг от друга в зоне прямой досягаемости: расстояние составляет 7 км по короткой дороге, действовавшей вплоть до недавнего времени. Выбор материала продиктован интересом к ситуации, когда владелицы тетрадью совмещают функции ритуальных специалистов и участниц фольклорного ансамбля¹⁰.

Первая тетрадь хранится в русской д. Пож Юрлинского района, которая, наряду с селами Юрла и Усть-Зула, считается историческим центром распространения русской традиции эпического пения на территории юрлинско-кочёвского пограничья [Жуланова 2001: 6]. Она принад-

лежит Валентине Петровне Селезневой, 1949 г. р. Женщина является активной участницей местного фольклорного ансамбля «Калинушка» и одновременно *учёной* – этот диалектный термин обозначает ритуального специалиста, который, как правило, хорошо знает микролокальную похоронно-поминальную традицию, выполняет роль распорядителя похорон и поминок, исполняет обрядовую поэзию, а также с согласия местного сообщества и/или священнослужителя «читает» по умершим псалтирь, проводит домашние заупокойные службы, разрешенные для мирян. Общая тетрадь с песнями и духовными стихами, представляющая собой репертуарный сборник, досталась Валентине Петровне от Анны Максимовны Пикулевой, 1937 г. р., которая более 20 лет совмещала роль авторитетного ритуального специалиста и лидера пожинского фольклорного ансамбля. Передача тетради от нее нашей собеседнице обусловлена распространенной на юрлинско-кочёвском пограничье традицией преемственности ритуальных функций по женской линии (дополнительную, хотя не главную роль, может играть родство и свойство): *«[Соб.: Она [А.М. Пикулева], получается, эту тетрадочку вела для “Калинушки”, да?] Вот эти песни она всё, она нас научила песни старинны петь. Ну, она как у нас родственница, она у меня у двоюродного брата жена»* [ВПС]. Все тексты в тетради написаны одним почерком, однако из беседы не совсем ясно, создавался ли сборник лично А.М. Пикулевой или нынешняя хозяйка записывала туда песни под ее руководством: *«И вот мало ли у нас какой праздник или что – она к нам или мы к ним собираемся, своя родня. И вот эти песни-те я и раньше знала. Я уже их и, можно сказать, не списывала. Которы токо не знала, списывала. А когда мы собирались ехать в Вологду первый раз, мы 21 песню списали!.. Ходили в клуб каждый день, списывали. <...> Вот диктует нам песню, мы списываем в тетрадку»* [ВПС].

Сборник распадается на два тематических раздела: первый, безымянный, представлен примерно 50-ю песнями различных жанров (согласно авторской описи: плясовые, протяжные, свадебные, тюремные, русские народные), а также описанием хода свадебного обряда. Второй раздел озаглавлен «Духовные стихи» и насчитывает 11 произведений. Первый раздел превышает по объему второй более чем в два раза.

Практически все духовные стихи из сборника до сих пор исполняются в обрядовой ситуации, что говорит о хорошей сохранности местной похоронно-поминальной традиции. Корпус пожинской религиозной поэзии, как «звучащей» (исполняемой), так и извлеченной из тетради Валентины Петровны, включает наибольшее среди всех рукописных собраний количество «старших» духовных стихов с тонической системой

стихосложения и отсутствием рифмы. На других территориях, особенно в Кочёвском районе, в состав рукописных тетрадей входят, иногда в значительном количестве, поздние силлабо-тонические произведения.

Второе собрание текстов принадлежит Домне Васильевне Анфаловой, 1936 г. р., из коми-пермяцкой д. Кукушка Кочевского района. В прошлом хозяйка рукописных тетрадей была активной участницей этнографического ансамбля «Кукушка» и ритуальным специалистом. От обрядовой и концертной деятельности Домна Васильевна отошла из-за преклонного возраста за несколько лет до знакомства с собирателями. Свой сборник духовных стихов так же, как и В.П. Селезнева, она получила от более старшей женщины, учёной и первой руководительницы ансамбля, Татьяны Романовны Вавилиной, 1926 г. р., а затем, по видимому, дополнила его новыми записями. На момент интервью в 2022 г. в сборнике насчитывалось 23 духовных стиха.

Основную часть рукописного собрания Домны Васильевны составляет репертуарный песенник, состоящий из трех тетрадей (одна имеет заголовок «Песни») с частушками, лирическими и свадебными песнями на русском и коми-пермяцком языке. В песеннике содержится около 80 песен, 62 из них пронумерованы, также есть списки первых строчек «рождественских» (16 позиций) и «свадебных» песен (20 позиций). Духовные стихи помещены в отдельную тетрадь. В ней легко различаются два разных почерка и две манеры записи: 1) 8 текстов содержат заголовок, вынесенный на середину строки, отделены друга как минимум одной строкой, записи сделаны аккуратно, без исправлений; 2) у 14 текстов заголовок часто отсутствует или оформлен в виде приписки на полях, тексты отделены друг от друга прерывистой горизонтальной линией или не отделены совсем, заглавная буква в начале предложения и строки используется факультативно, присутствует большое количество исправлений (вторая манера записи характерна для всех трех песенников Домны Васильевны). Очевидно, первая часть сборника духовных стихов была получена уже в готовом виде от Татьяны Романовны: «*[Соб.: В этой тетради стих у вас есть. Не помните, от кого вы его переписали?]* А вот Романовна-то мне и дала всё, стихи, молитвы» [ДВА].

15 духовных стихов из собрания Домны Васильевны относятся к «старшим» и «младшим» (покаянным, «поминальным»), вполне традиционным. Остальные 7 являются новейшими, возникшими, по всей видимости, уже в XX веке. Судя по комментариям владелицы тетради, большинство из записанных произведений существует лишь в письменном виде и не исполняется в обрядовой ситуации. К сегодняшнему дню традиция пения духовных стихов здесь практически угасла.

Любопытно, что распечатанные фотокопии песенников и сборника стихов Д.В. Анфаловой хранятся у более молодой жительницы д. Кукушка, Т.И. Пикулевой, 1954 г. р. Она проявляет интерес к традиционной похоронно-поминальной поэзии и обрядности, при этом стихи не поет, а читает «для себя»: *«Но, тут не знаешь, с какого конца смотреть [распечатанные тексты] – или оттуда, или оттуда. Я говорю: совсем состарюсь – разберусь»* [ТИП].

Нетрудно заметить, что два описываемых рукописных собрания похожи как по способу создания и передачи (от старшей ритуальной специалистки и участницы ансамбля к младшей), так и по представленным в них жанрам. В обоих собраниях отсутствуют молитвы, что не вполне типично для рукописных поминальных тетрадей, бытующих в этом ареале.

В Поже духовные стихи входят в репертуар местного фольклорного ансамбля (до недавнего времени так было и в Кукушке). Оба фольклорных коллектива – и «Калинушка», и «Кукушка» – исполняли произведения этого жанра со сцены – правда, преимущественно на гастролях, по запросу специалистов и/или «чужой» аудитории. В Поже архаичный эпический духовный стих «У отца да было у Владимира» долгое время был и до сих пор остается визитной карточкой коллектива [Жуланова 2001]¹¹. Вниманием исследователей не был обойден и корпус звучащих духовных стихов ансамбля «Кукушка» [Жуланова 2022], с которыми, по словам нынешнего руководителя Н.И. Чугайновой, коллектив выступал как на российских, так и на международных фестивалях. Появление духовных стихов в репертуаре двух фольклорных ансамблей, как и само их образование¹², по всей видимости, было обусловлено тенденцией к поиску аутентичного звучания и «начальной, утраченной цельности», усилившейся в творческой среде к 1980-м гг. [Жуланова 1999]. По прошествии нескольких десятков лет можно говорить, что сценическая жизнь духовных стихов в случае д. Пож послужила одним из способов сохранить местный репертуар во всей полноте, а в случае д. Кукушка – поддержать угасающую традицию¹³.

Сюжетный состав обеих тетрадей достаточно типичен для юрлинско-кочёвской традиции. Около половины текстов в каждой из них совпадают с теми, которые можно встретить в других населенных пунктах. Для описания сюжетов был выбран метод составления инципитария, т.е. списка первых строчек текстов. На необходимость и релевантность метода при описании и анализе корпуса рукописных текстов, а также его сравнении с другими региональными традициями указывают многие исследователи духовных стихов, в т.ч. Е.В. Воронцова, описавшая рукописную традицию вятских старообрядцев [Воронцова 2015].

Далее приведен инципитный список обнаруженных духовных стихов, произведения расположены в том порядке, в каком они следуют в тетрадах. Инципиты приведены в авторской орфографии. Если у текста есть заголовок, он приводится в квадратных скобках. Там, где их удалось обнаружить, приведены параллели из тетрадей других населенных пунктов юрлинско-кочёвского пограничья.

Сборник В.П. Селезневой, д. Пож:

1. «Как во поле при долине // Тут стоит да свята зелена кедра...» [«Про монаха»] – вариант встречается в тетради из с. Юрла.
2. «Разнесчастливая моя судьба // Ты пушто жо мне награду не дала...» [«Судьба»] – варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла (Юрл.) [«Сострачалось несчастье со мной»], с. Пелым, д. Сеполь, Кукушка (Коч.) [«Было счастье мое»].
3. «Рабы ли рабичи, // Чем вы будите спасенны?» [«Рабы ли вы рабичи»].
4. «Два те ангела, два Господние // Они шли жо текли по сырой земле» [«Два ангела»] – сюжет совпадает со стихом № 7. Варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла (Юрл.) [«Стих»].
5. «Ох вы вдовушки да вдовы // Вдовьюшки пречестные...» [«Вдовьюшки-вдовы»] – варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла (Юрл.), д. Сеполь, Кукушка (Коч.).
6. «Сколь на свете не живи // Да нам не жить будет // Нам не жить будет да // Умирать будет...» [«На белом свете человек»].
7. «На закат солнчо пошло за закатилося // закатилося солнчо да сумеркалося...» [«На закат солнчо пошло»] – сюжет совпадает с текстом № 4. Вариант встречается в тетради из с. Юрла (Юрл.).
8. «Два же да ангела да 2 те Господние // Вы да куда же куда, да летали сполетали...» [«Два ангела»] – сюжет совпадает со стихом № 11. Более принятое в исследовательской литературе название сюжета – «Расставание души с телом». Варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла (Юрл.), д. Ташка, Кукушка (Коч.).
9. «Присвятая мать Богородича // Где ты спала жо // Спала ночевала?» [«Сон Богородицы»]¹⁴.
10. «У отца то отца было у Владимира...» [«Лена-Ленушка»] – вариант встречается в тетради из с. Юрла (Юрл.).
11. «Два те голубя да 2 Господние // Два те сизые да сизокрылые // Да куда же летали сполетали...» [«Два голубя»] – сюжет совпадает со стихом № 8.

Сборник Д.В. Анфаловой, д. Кукушка:

1. «Наши годы то кончаваются...» [«Класть котомочку»] – сюжет совпадает со стихами № 4, 14. Варианты встречаются в тетрадах из с. Б. Коча, д. Ташка, д. Сеполь (Коч.).

2. «Ты прости ка прости изба // матушка, не прожить то будет // да веки сповеки...» [«Прошальное»] – варианты этого группового причета с устойчивым текстом встречаются в тетрадах из с. Юрла, Усть-Зула (Юрл.), с. Б. Коча (Коч.).

3. «Спасибо вам родные помянули вы меня, помянули хлебом // солью за божественным столом...» [«Стих умершим»] – варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла (Юрл.) [Память], с. Б. Коча, Пелым, д. Сеполь (Коч.).

4. «Сегодня (имя) праздничек все // Гости пришли да гости званы...» – сюжет совпадает со стихами № 1, 14.

5. «Сели певцы за трапезой...» – варианты встречаются в тетрадах из с. Б. Коча, Пелым, д. Ташка (Коч.).

6. «Ох вы довушки честные...» [«Стих»] – варианты встречаются в тетрадах из д. Пож (Юрл.), д. Сеполь (Коч.).

7. «Ах вы ангелы вы господние, вы куда же вы летали, сполетали...» [«Стих»] – варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла, д. Пож (Юрл.), д. Ташка (Коч.).

8. «Пресвятая то Елена, она ходила по всей земле...» [«Стих»] – сюжет совпадает со стихом № 10. Варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла (Юрл.), д. Сеполь (Коч.).

9. «Душа моя ты грешная // погрузилась в греках...» [«Стих»].

10. «Пресвятая ты Елена // она ходила по всему белу свету...» [«Стих»] – сюжет совпадает со стихом № 8.

11. «Было счастье моё улетело далеко...» – варианты встречаются в тетрадах из д. Пож (Юрл.), д. Сеполь (Коч.).

12. «Облаками провожати придут // все роды, племянники, кумушки-подружки...» [«Моют и одевают»] – сюжет совпадает со стихом № 21. Вариант встречается в тетради из д. Сеполь (Коч.).

13. «Для всех солнце светит, а для меня уже нет, // я лежу в могиле и не вижу свет...» – варианты встречаются в тетрадах из с. Усть-Зула (Юрл.), с. Б. Коча, Пелым, д. Сеполь (Коч.).

14. «Сегодня праздничок... // Гости пришли званные, // гости жданные...» – сюжет совпадает со стихами № 1, 4.

15. «Да на камушке да остаюся // Наши да перенки расширятся // Наши да двереньки отпиратся...» – варианты встречаются в тетрадах из с. Б. Коча, д. Сеполь (Коч.).

16. «Наши те веки кончаются // наша смертонька приближается...» – варианты встречаются в тетрадах из с. Пелым, д. Сеполь (Коч.).

17. «Сын мой, я скоро расстанусь с тобой...» [«Завешание матери»] – варианты встречаются в тетрадах из д. Отопково (Коч.).

18. «О Воспетая царица, подкрепи нашу любовь // воспеть мы тебя будем пением священных слов...» – вариант встречается в тетради из с. Пелым, д. Сеполь (Коч.).

19. «Слава богу за всё...» – варианты встречаются в тетрадах из с. Б. Коча, д. Отопково, Сеполь, Б. Пальник (Коч.).

20. «Ой вы да рабы ли рабы рабы грешные // <...> Отпустите меня да попроститися...» [«Рабы»] – варианты встречаются в тетрадах из с. Юрла, Усть-Зула (Юрл.), с. Б. Коча, Пелым, д. Сеполь (Коч.).

21. «Ой вы братья мои братья...» [«Ой»] – сюжет совпадает со стихом № 12.

22. «Сегодня у меня праздничок // последний день и первый день...» – варианты встречаются в тетрадах из с. Пелым, д. Сеполь (Коч.).

23. «Хожу я хожу вокруг дома...» – варианты встречаются в тетрадах из с. Усть-Зула (Юрл.), с. Б. Коча, Пелым, д. Ташка, Сеполь (Коч.).

Сравнительный анализ инципитов духовных стихов представляется продуктивным инструментом для выявления пересечений между микролокальными традициями юрлинско-кочёвского пограничья. Так, например, из нашего списка видно, что примерно четверть стихов из тетради, созданной в русской д. Пож, пересекается с текстами, зафиксированными в тетрадах из коми-пермяцких сел и деревень. При этом в тетради из д. Кукушка обнаруживается больше совпадений с текстами из тетрадей Кочёвского, а не Юрлинского района, что позволяет говорить о своеобразии позднего репертуара коми-пермяцких духовных стихов.

Устаревшая диалектная норма, отразившаяся в пожинских духовных стихах («солнчо», «Богородича» вместо «солнце», «Богородица», «обогрийте» вместо «обогрейте» и др.), позволяет говорить о том, что мы имеем дело с достаточно архаичной традицией.

Перспективной исследовательской задачей представляется описание репертуара, представленного во всех собраниях нашей коллекции, а также сравнение с корпусами стихов, бытующих на других территориях: Русском Севере, Поволжье, Урале, Сибири. Эта работа позволит выявить возможные пути трансмиссии текстов как внутри рассматриваемой традиции, так и за ее пределами.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

² Часть собранных на этой территории материалов опубликована. Духовные стихи русских юрлинцев приводятся в [Бахматов и др. 2003: 150–206; Бахматов и др. 2008: 371–418], в т.ч. с нотацией [Успенская 2009], кочёвских коми-пермяков – [Четина, Роготнев 2010], [Жуланова 2023].

³ Подробнее об этом см. [Королева 2014].

⁴ В старообрядческом кусте деревень в Юрлинского района: Дубровке, Васьковой, Зарубиной, Подкиной, – духовные стихи бытуют только в устной форме.

⁵ Лаборатория культурной и визуальной антропологии, существует с 2001 года, руководитель – Е.М. Четина.

⁶ Учебно-научная лаборатория теоретической и прикладной фольклористики, существует с 1990 года, основана К.Э. Шумовым, руководитель в наст. вр. – С.Ю. Королёва.

⁷ В отечественной исследовательской традиции термин «стихарник» используется для обозначения старообрядческих моножанровых печатных или рукописных собраний духовных стихов, записанных полууставом. На юрлинско-кочёвском пограничье лексема «стихарник» не распространена, за годы полевой работы сами стихарники также не были обнаружены, в т.ч. в старообрядческих населенных пунктах.

⁸ В последнее десятилетие, когда печатная религиозная продукция стала общедоступной, молитвы переписываются вручную не повсеместно. Довольно часто вместе с рукописной тетрадью ритуальные специалисты используют печатные (или распечатанные) молитвословы. В нашей коллекции насчитывается как минимум три таких собрания: из русского с. Юрла (Юрлинский район) и д. Ташки (Кочевский район), а также коми-пермяцкой д. Сеполь (Кочевский район).

⁹ Нельзя сказать, что присутствие столь разных жанров в репертуаре одной творческой личности нетипично для рассматриваемой традиции. Довольно часто женщины, одаренные музыкальным слухом, любящие петь, знающие частушки, жесткие романсы и т.п., начинают исполнять духовные стихи. Об одном таком случае см. [Тихонова, Королёва 2023].

¹⁰ По этой причине не привлекается рукописное собрание, зафиксированное в 2013 г. в с. Усть-Зула Юрлинского района, также содержащее духовные стихи и лирические песни. Его владелица очень любила петь, но недостаточно хорошая память на мелодии и слабый голос позволяли ей делать это только «для себя». Тем не менее, ее собрание относится к числу самых объемных в нашей коллекции.

¹¹ Стих хорошо известен не только исследователям, но и ритуальным специалистам сел Юрла и Усть-Зула Юрл. района, расположенных недалеко от Пожа: «Я с пожинцами пою его» [НИИ, с. Усть-Зула Юрл.]. Произведение устойчиво ассоциируется с пожинской микролокальной традицией.

¹² Ансамбль «Кукушка» (д. Кукушка) был образован в 1979-м, «Калинушка» (д. Пож) – в 1980 году.

¹³ С постепенным уходом из жизни первого поколения исполнительниц ансамбля и отходом от дел местных ритуальных специалистов духовные стихи д. Ку-

кушка практически невозможно услышать в обрядовой ситуации. Сегодня петь на похоронах приглашают ученую из с. Кочёво. При этом самостоятельной жизнеспособностью обладает письменная форма существования стихов, что доказывает наличие нескольких копий с тетрадой Д.В. Анфаловой, которые хранятся у жительниц Кукушки.

¹⁴ Подробнее об этом сюжете см. [Королева, Ключикова 2017].

Список информантов

ТИП – Татьяна Ивановна Пикулева, ж, 1954 г. р., коми-перм., выполняет функции церковной старосты, д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С.Ю. Королёва, А.В. Королёв, 2022.

ВПС – Валентина Петровна Селезнёва, ж, 1949 г. р., рус., участница ансамбля «Калинушка», д. Пож Юрлинского р-на. Соб. С.Ю. Королёва, А.В. Королёв, 2023.

ДВА – ж, 1936 г. р., коми-перм., в прошлом – участница ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С.Ю. Королёва, О.С. Сивков, М.А. Тихонова, 2022.

НИЧ – Надежда Ивановна Чугайнова, ж, 1959 г.р., коми-перм., руководитель ансамбля «Кукушка», д. Кукушка Кочёвского р-на. Соб. С.Ю. Королёва, О.С. Сивков, М.А. Тихонова, 2022.

НИИ – Нина Ивановна Иванова, ж, рус., с. Усть-Зула, Юрлинского р-на. Соб. С.Ю. Королёва.

Библиографический список

Бахматов А.А. и др. Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. / А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2003.

Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: От и До, 2008.

Воронцова Е.В. Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. ... канд. филос. наук. М.: Московский гос. ун-т, 2015.

Жуланова Н.И. XX век: Молодежное фольклорное движение: Краткий обзор истории становления и тенденций развития // Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х – начало 1990-х годов / Государственный институт искусствознания. СПб, 1999. С. 107–133.

Жуланова Н.И. «У отца да было у Владимира»: духовные стихи деревни Пож // Вестник Российского фольклорного союза. 2001. № 1. С. 4–7.

Жуланова Н.И. Этномузыковедческая экспедиция в Пермский край / Н.И. Жуланова // Живая старина. 2022. № 2(114). С. 46–48.

Жуланова Н.И. Духовные стихи и молитвы в народной культуре коми-пермяков // Народная религиозность в свете фольклора / Сост. и науч. ред. Л.В. Фадеева и Ю.М. Шеваренкова. М.: Государственный институт искусствознания, 2023. С. 215–249.

Королева С.Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Королёва С.Ю., Клюйкова Е.А. «Сны Богородицы» и богородский сон (фольклорные материалы из Юрлинского района Пермского края) // Живая старина, 2017. №2. С. 28–32.

Королёва С.Ю., Тихонова М.А. Похоронно-поминальный обряд и роль сельского ритуального специалиста у русских-юрлинцев // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1 С. 110–121. DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.1.010>.

На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / Отв. ред. В.А. Александров. М., 1989.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.

Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М.: Институт Наследия, 2013. 312 с.

Рожкова Т.И. «Душа с телом расставалась...» Духовные стихи в традиции горнозаводских сёл Южного Урала // Русский мир. 2012. № 7. С. 379–409.

Сигарева М.Н. Рукописные сборники духовных стихов как способ хранения и передачи фольклорного текста (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций по Алтаю) // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. 2018. № 3 (17). С. 117–121.

Успенская Н.Н. (сост.). Духовные стихи Пермского края. Екатеринбург: Свердловский обл. Дом фольклора, 2009.

Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2010.

M.A. Tikhonova

Master Student of the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies
Russian State University of Humanities

BETWEEN A SONGBOOK AND A COLLECTION OF SPIRITUAL POEMS: ABOUT TWO HANDWRITTEN NOTEBOOKS FROM THE KOMI-PERMYAK DISTRICT

Abstract. The article describes two handwritten collections belonging to ritual specialists from the Russian d. The fire of the Yurlinsky district and the Komi-Permyak village of Kukushka in the Kochevsky district of the Perm Territory. One of the collections is a rather peculiar case for the Yurlin-Nomadic manuscript tradition: it includes not only spiritual poems, but also song forms – ditties, wedding and calendar songs. The second collection consists of a collection of spiritual poems and a songbook. A possible reason for the appearance of such “combined” assemblies is the ensemble-stage and ritual-ceremonial activities of their owners. The paper describes the features of the functioning of these handwritten notebooks, presents the corpus of spiritual poems found in them in the form of an incipit list, and provides parallels from other handwritten collections existing on the Yurlinsky-Nomadic borderland.

Key words: Russians-Yurlians, nomadic Komi-Permians, funeral and memorial rites, handwritten notebooks, spiritual poems.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.483'37

Мария Андреевна Гранова
доцент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
marjanaandreeva@mail.ru

Анастасия Александровна Яшина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
nastjha15@gmail.com

НОМИНАЦИИ ПОРОД СОБАК В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматриваются названия пород собак, функционирующие в китайском языке. Цель исследования – выявление мотивационных признаков, лежащих в основе этих единиц. Проведенный анализ позволяет установить, что самой частотной является мотивация по месту выведения породы; относительно часто встречаются мотивация по внешнему облику собаки и функциональная мотивация (при этом наибольшее разнообразие мотивационных признаков наблюдается при мотивации по особенностям внешнего облика). Типы мотивации по особенностям характера и поведения собаки и по имени заводчика редки. Полученные данные свидетельствуют об антропоцентрическом характере мировосприятия носителей китайского языка. При этом для изучаемых номинаций в большой степени характерна множественная мотивация, одной из причин которой выступает широкое распространение омонимии и полисемии в китайском языке.

Ключевые слова: номинации пород собак, типы мотивации, множественная мотивация, китайский язык.

Животные издревле играли важную роль в жизни человека: их мясо употребляли в пищу, из их шкур и костей изготавливали одежду и предметы быта, строили жилище, части тела животных также использовались в медицине; кроме того, животные были компаньонами для человека и помощниками во многих сферах жизни, а также служили предметом культа. Особая роль здесь принадлежит собаке, поскольку это первое животное, которое одомашнил человек [Кудинова 2017: 3]. Разведе-

ние собак на территории Китая было развито уже в период ок. 10 тыс. л. н. [Кудинова 2017: 13]. С этого времени в стране существует множество различных пород собак, одни из которых были выведены самими китайцами, а другие – завезены на территорию страны. С появлением новых пород лексический фонд китайского языка пополнялся их названиями, которые отражали те или иные признаки собак, присущие им объективно и важные с точки зрения людей, или же характеристики, приписываемые этим животным носителями языка. Таким образом, эта группа лексики получила национально-культурную специфику и может представлять интерес для ученых, изучающих картину мира китайцев, отраженную в их языке.

Однако названия пород собак в китайском языке ранее не были предметом специального рассмотрения. Существующие исследования в основном посвящены анализу зоонимов 狗 (gǒu) и 犬 quǎn со значением ‘собака’ как компонентов фразеологизмов в сравнении с рус. зоонимом *собака* (см., напр., [Ван 2016; Михайлова, Чжао 2016; Гоу, Коровина 2020; Линь 2021] и др.). В настоящей работе предпринята попытка рассмотрения китайских лексем, обозначающих породы собак, в мотивационном аспекте. Отметим, что подобные исследования этой группы лексики ранее проводились лингвистами на материале некоторых языков – английского, немецкого и латинского (см. [Иванова 2017; Жаркова 2018; Борисова, Иванова, Данилова 2023] и др.). Русские названия пород собак в составе кинологической терминологии подвергались комплексному анализу, в т.ч. семантико-мотивационному, в диссертационной работе И.М. Фатеевой [Фатеева 2011]. Как отмечает исследователь, кинологическая лексика «отражает определенную часть национальной картины мира. ... Языковые единицы кинологической лексики объективируют научное и наивное сознание специалистов, которое отражается в концептосфере данной области знания» [Там же: 3]. Все сказанное выше позволяет говорить об **актуальности** рассмотрения мотивационного своеобразия китайской лексики, обозначающей породы собак.

Итак, **цель** настоящего исследования – выявление мотивационных признаков, лежащих в основе лексических единиц китайского языка, называющих породы собак. Источниками **материала** послужили энциклопедии 《世界名犬图鉴》 («Иллюстрированный путеводитель по всемирно известным собакам», 2010) и 《名犬图鉴》 («Иллюстрированный путеводитель по знаменитым собакам», 2011). Отметим, что для анализа нами были отобраны лишь единицы, имеющие прозрачную внутреннюю форму. Так, в книге 《世界名犬图鉴》 описано 75 наименований пород собак, объектом нашего анализа стало 41 наименование; в энциклопедии

《名犬图鉴》 описано 331 наименование пород, а объектом нашего анализа стали 143 наименования. Таким образом, всего было проанализировано 184 китайских названия пород собак.

Проведенный анализ позволил установить четкий набор мотивационных признаков, которые лежат в основе изучаемых единиц, и выделить 5 основных типов мотивации: 1) по месту выведения породы; 2) по имени заводчика; 3) по внешнему облику собаки; 4) по особенностям характера и поведения собаки; 5) функциональная мотивация. Рассмотрим подробнее каждый из выявленных типов мотивации.

1. Мотивация по месту выведения породы

Этот тип мотивации самый частотный в рассматриваемой лексической группе. По нашим данным, 54,9 % (101 единица) наименований пород собак в китайском языке имеют мотивацию по месту выведения. Мотивационная модель в этом случае следующая: ‘место, где была выведена данная порода’ → ‘порода’.

В качестве мотивационной базы для номинаций этой группы могут, во-первых, выступать названия **частей света**. Так, название породы 中亚牧羊犬 (zhōngyà mùyángquǎn, рус. среднеазиатская овчарка) мотивировано единицей 中亚 (Zhōngyà, рус. Средняя Азия), что связано с выведением этой породы в Средней Азии, а именно – в Кыргызстане, Туркменистане, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане [Круковер 2013: 76].

Во-вторых, большое число единиц рассматриваемой группы мотивировано названиями **стран**, в которых они появились. Так, номинация 爱尔兰雪达犬 (ài'ěr'lán xuědáquǎn, рус. ирландский сеттер) образована от названия 爱尔兰 (Ài'ěr'lán, рус. Ирландия), поскольку порода была выведена в этой стране около 150 лет назад для охоты на дичь [Там же: 171]. Название породы 美国可卡犬 (měiguó kěkǎquǎn, рус. американский коккер-спаниель) включает в себя название Соединенных Штатов Америки (美国 Měiguó), т.к. порода впервые была представлена на выставке в Манчестере (штат Нью-Хемпшир, США) [Там же: 187]. Номинация 墨西哥无毛犬 (mòxīgē wúmáoquǎn, рус. ксолоитцкуинтли, мексиканская голая собака) происходит от названия Мексики (墨西哥 Mòxīgē) – страны, в которой порода была выведена [Собаки 2013: 90].

Третью подгруппу номинаций в рамках рассматриваемой группы составляют единицы, производные от названий различных **регионов**. Так, местом выведения породы 阿拉斯加雪橇犬 (ālāsījiā xuěqiāoquǎn, рус. аляскинский маламут) является штат Аляска [Там же: 74], поэтому единица включает в себя его название (阿拉斯加 Ālāsījiā, рус. Аляска).

Номинация породы 凯利蓝梗 (kǎilì lán gēng, рус. керри-блю-терьер) происходит от 凯利 (Kǎilì, рус. Керри) – названия ирландского графства, в котором она появилась [Круковер 2013: 115]. Обозначение породы 秋田犬 (qiūtiánquǎn, рус. акита-ину) образовано от названия японской префектуры 秋田 (Qiūtián, рус. Акита) на острове Хонсю, где порода была выведена [Зорин, Зорина 2006: 29].

В четвертую подгруппу мы отнесли единицы, мотивированные названиями **городов**, где были выведены соответствующие породы. Так, номинация породы 北京犬 (běijīng quǎn, рус. пекинес) происходит от названия города 北京 (Běijīng, рус. Пекин), т.к. была выведена в императорском дворце и только для императора и его семьи [Мой пекинес: электрон. источник]; название 伯恩山地犬 (bóēn shāndì quǎn, рус. бернский зенненхунд) мотивировано наименованием города 伯恩 (Bóēn, рус. Берн) в Швейцарии, где эта порода появилась как сторожевая и пастушья [Круковер 2013: 50].

В рассматриваемую группу названий также вошли единичные номинации, мотивированные названиями **объектов ландшафта** той местности, где была выведена порода (так, единица 湖畔梗 (húpàn gēng, рус. лейкленд-терьер) образована от слова 湖 (hú, рус. озеро), поскольку была выведена в заповеднике Озерный край Северной Англии, где действительно много озёр [Круковер 2013: 99]), и названиями **организаций**, в стенах которых данная порода возникла (так, порода 圣伯纳狗 (shèngbónàgǒu, рус. сенбернар) была выведена монахами монастыря Святого Бернара (圣伯纳 shèngbónà) в швейцарских Альпах, отсюда и получила свое название [Зорин, Зорина 2006: 18]).

2. Мотивация по имени заводчика

Эта мотивация в рассматриваемой группе лексики самая редкая, доля единиц, в которых она встретилась, составляет 1 % (2 наименования). В эту группу вошло, во-первых, наименование 杰克罗素梗犬 (jiékèluósùgēng quǎn, рус. джек-рассел-терьер), мотиватором которой выступает имя священника 杰克罗素 (Jiékè Luósù, рус. Джек Рассел), который для улучшения охотничьих качеств своих собак, занялся селекцией и вывел новую породу [Круковер 2013: 105]. Во-вторых, к рассматриваемой группе отнесем номинацию породы 查理王小猎犬 (chálíwáng xiǎolièquǎn, рус. кавалер-кинг-чарльз-спаниель), имеет такое название благодаря королю Англии Карлу (Чарльзу) Второму, так как порода была выведена при нем [Шестакова: электрон. источник]. Мотивационная

модель в этом случае следующая: ‘человек, которым / при котором была выведена порода’ → ‘порода’.

3. Мотивация по внешнему облику собаки

Этот тип мотивации наблюдается в 37 % китайских номинаций пород собак (68 наименований) и демонстрирует большое разнообразие мотивационных признаков. Рассмотрим их подробнее.

3.1. Мотивация по размеру животного

Номинации этой подгруппы включают в себя прилагательные, обозначающие рост / размер: 大 (dà, ‘большой’), 巨型 (jùxíng, ‘гигантский’), 高 (gāo, ‘высокий’), 迷你 (mínǐ, ‘маленький, мини-’) и под. Так, название 大丹犬 (dàdānquǎn, рус. дог) отражает большой размер и высокий рост животного (стандарт роста начинается от 80 см) [Круковер 2013: 29]; номинацию 巨型雪纳瑞犬 (jùxíngxuěnàruì quǎn, рус. ризеншнауцер, гигантский шнауцер) порода также получила благодаря большому росту (60–70 см) [Там же: 86]; собаки породы 阿根廷杜高犬 (āgēntíngdùgāo quǎn, рус. аргентинский дог, аргентинский мастиф) также отличаются высоким ростом (до 68 см) [Собаки 2013: 41], что отражено в их названии. Наконец, порода 迷你牛头梗犬 (mínǐniútóugěng quǎn, рус. мини-бультерьер) служит примером небольшой породы (его рост в холке составляет 40–55 см) [Круковер 2013: 113], этот признак также находит отражение в китайской номинации данной породы.

3.2. Мотивация по форме тела животного

Этот признак отражается в анализируемых названиях довольно редко, но все же фиксируется. Так, наименование породы 腊肠犬 (làcháng quǎn, рус. такса) образовано от слова 腊肠 (làcháng, ‘колбаса, сухие колбаски из солонины’), поскольку тело собаки имеет вытянутую форму [Зорин, Зорина 2006: 27], напоминающую «колбаску». Номинация 日本银狐犬 (rìběn yínhú quǎn, рус. японский шпиц) включает в свой состав слово 银狐 (yínhú, ‘лисица’), что может указывать на форму морды собаки, которая напоминает лисью [Шпиц: электрон. источник].

3.3. Мотивация по особенностям шерстного покрова собаки

Единицы этой подгруппы обнаруживают несколько мотивационных признаков.

Во-первых, в названиях пород может отражаться **цвет шерсти** животного. Так, например, номинация породы 金毛寻回猎犬 (jīnmáoxúnhuílìe quǎn, рус. золотистый ретривер) включает сочетание 金毛 (jīnmáo, букв. «золотая шерсть»), что обусловлено золотистым оттенком шерсти собак этой породы [Круковер 2013: 197]; номинация породы

凯利蓝梗 (kǎilì lán gěng, рус. керри-блю-терьер) включает иероглиф 蓝 (lán, 'синий, голубой'), поскольку эти собаки имеют необычный окрас шерсти приятного голубого оттенка [Палмер 1993: 76]; название 爱尔兰红色蹲猎犬 (ài'ěr'lánhóngsècún lièquǎn, рус. ирландский красный сеттер) включает сочетание 红色 (hóngsè, 'красный цвет'), что обусловлено наличием у собак этой породы коричневатого-красного окраса [Круковер 2013: 171].

Во-вторых, в китайских номинациях пород нередко отражается **форма шерстного покрова** животного. Ср.: обозначение породы 波利犬 (bōlìquǎn, рус. пули, венгерская овчарка) включает в качестве компонента слово 波 (bō, 'волна'), поскольку главная особенность этих собак – свисающая до земли жесткая волнистая шерсть, самопроизвольно скручивающаяся в «шнуры» [Круковер 2013: 72]; единица 蝴蝶犬 (húdiéquǎn, рус. континентальный той-спаниель) мотивирована словом 蝴蝶 (húdié, 'бабочка'), т.е. букв. «собака-бабочка», т.к. шерсть на ушах собаки напоминает крылья этого насекомого [Палмер 1993: 14]; номинация породы 长须柯利犬 (chángxū kēlì quǎn, рус. бородатый колли) мотивирована прилагательным 长须 (chángxū 'долгоусый'), поскольку представители породы имеют длинную косматую шерсть на морде, которая образует «усы» [Круковер 2013: 53]. Наконец, название 中国冠毛犬 (zhōngguó guānmáo quǎn, рус. китайская хохлатая собака) мотивировано словом 冠毛 (guānmáo, 'хохол'), поскольку такие собаки имеют выразительный хохолок на голове [Там же: 227].

В-третьих, в названиях пород собак может отражаться **степень жесткости шерстного покрова**. Так, номинация породы 刚毛猎狐梗 (gāngmáo lièhú gēng, рус. фокстерьер) образована от слова 刚毛 (gāngmáo, 'щетина'), т.к. животное такой породы имеет жесткую проволокообразную шерсть, напоминающую щетину [Там же: 96]; название породы 沙皮犬 (shāpíquǎn, рус. шарпей) мотивировано сочетанием 沙皮 (shāpí, букв. «песчаная кожа»), поскольку отличительная черта породы – очень короткая и колючая, плотная и жесткая на ощупь, будто песок, шерсть [Там же: 39]. С другой стороны, единица 爱尔兰软毛麦色梗 (ài'ěr'lán ruǎnmáo mài sè gēng, рус. мягкошерстный пшеничный терьер) включает в себя слово 软毛 (ruǎnmáo, 'мягкая шерсть'), что маркирует наличие у собак этой породы мягкого шерстного покрова [Палмер 1993: 78].

В-четвёртых, в китайских названиях пород собак отражается и такая особенность, как **отсутствие шерстного покрова**. Такие номинации

включают в себя сочетание 无毛 (wúmáo, ‘отсутствие шерсти’). Ср., напр., номинацию породы 墨西哥无毛犬 (mòxīgē wúmáoquǎn, рус. ксолоитцкуинтли, мексиканская голая собака), которая относится к бесшерстным [Палмер 1993: 26].

4. Мотивация по особенностям характера и поведения животного

Этот тип мотивации наблюдается в 9 наименованиях пород, что составляет 5 % от общего числа проанализированных единиц. К этой группе отнесем, например, номинацию 喜乐蒂牧羊犬 (xǐlèdì mùyáng quǎn, рус. шелти, шотландская овчарка), мотивированную словом 喜乐 (xǐlè, ‘радоваться; веселиться; радость, веселье’), что отражает веселый нрав этих собак: они активны, жизнерадостны и незлопамятны [Собаки 2013: 29]; название породы 贝灵顿 (bèilíngdùn, рус. бедлингтон-терьер) содержит иероглиф 灵 (líng, ‘ловкий, проворный’), что указывает на энергичность и активность собаки, которой необходимы регулярные беговые упражнения [Круковер 2013: 120]. Единица 沙皮狗 (shāpígǒu, рус. шарпей) тоже может быть включена в эту группу, поскольку, помимо рассмотренной выше мотивации по внешнему облику, может иметь и иную: слово 皮 (pí) в китайском языке может иметь значение ‘крепкий, выносливый’, а также ‘черствый, равнодушный’, что отражает особенности характера животного: «китайского шарпея трудно вывести из равновесия. Это благородная, умная, величественная и сдержанная собака. Старается быть независимой и несколько отчужденной» [Там же: 39]. Название породы 拳师犬 (quánshī quǎn, рус. боксер) образовано от слова 拳 (quán, ‘кулак’), что отражает поведение собаки в драке: боксер атакует передними лапами, как человек руками [Там же: 19].

5. Функциональная мотивация

Этот тип мотивации прослеживается в 22,3 % номинаций пород собак (41 единица). Этот тип мотивации отражает использование собак человеком в различных целях. По этому признаку мы разделили все единицы, входящие в данную группу, на две подгруппы. Рассмотрим их.

Первую подгруппу составляют **номинации, указывающие на использование породы в хозяйственных целях**. Так, например, название породы 边境牧羊犬 (biānjìng mùyángquǎn, рус. бордер-колли) содержит компоненты 边境 (biānjìng, ‘граница’) и 牧羊 (mùyáng, ‘пасти овец’), что отражает то, что эта порода считается лучшей пастушьей собакой в мире, поскольку она, благодаря своему интеллекту, способна контролировать территорию, на которой пасутся стада [Там же: 52]. Единица 拉布

拉多猎犬 (lābùlādū lièquǎn, рус. лабрадор) включает слово 猎 (liè, ‘ловить рыбу’), поскольку собаки этой породы являются хорошими пловцами и помогали рыбакам острова Ньюфаундленд вытягивать на берег сети [Круковер 2013: 198]. Номинация 刚毛猎狐狻 (gāngmáo lièhú gēng, рус. фокстерьер) включает в себя компонент 猎狐 (lièhú, ‘охота на лис’), поскольку эта собака была выведена прежде всего для норной охоты на лис [Там же: 96]. В название породы 阿拉斯加雪橇犬 (ālāsījiā xuěqiāoquǎn, рус. аляскинский маламут) входит слово 雪橇 (xuěqiāo, ‘сани; санный спорт’), что указывает на использование этих собак в качестве ездовых, т.к. они способны передвигаться на большие расстояния по снегу и перевозить различные тяжелые грузы [Собаки 2013: 74].

В отдельную подгруппу мы отнесли **номинации, указывающие на использование породы в развлекательных целях**. Так, например, название 斗牛狗 (dòuniúgǒu, рус. бульдог) включает в себя слово 斗牛 (dòuniú, ‘бой быков’), т.к. порода была выведена в Англии для травли быков [Круковер 2013: 16].

Итак, мы рассмотрели основные типы мотивации наименований пород собак в китайском языке и можем сделать следующие выводы.

Наиболее часто (54,9 % названий) в этих единицах отражается место выведения породы (北京犬 (běijīng quǎn, рус. пекинес) ← 北京 (Běijīng, рус. Пекин); 中亚牧羊犬 (zhōngyà mùyángquǎn, рус. среднеазиатская овчарка) ← 中亚 (Zhōngyà, рус. Средняя Азия)). Таким образом, происхождение породы оказывается ее ядерным признаком в сознании носителей языка.

Далее следуют мотивация по внешнему облику (37 % названий) и функциональная мотивация (22,3 % единиц). Относительную частотность этих типов мотивации можно объяснить антропоцентризмом картины мира носителей китайского языка, что отражается и в языке. Во-первых, им важно указать, как собака выглядит, чтобы опознать ее, поскольку ведущим каналом восприятия информации о внешнем мире выступает именно визуальный. Неслучайно в группе единиц, демонстрирующих этот тип мотивации, прослеживается самое большое разнообразие мотивационных признаков по сравнению с группами лексики с другими типами мотивации. Это могут быть размер животного (大丹犬 (dàdānquǎn, рус. дог) ← 大 (dà, ‘большой’); 阿根廷杜高犬 (āgēntíngdùgāo quǎn, рус. аргентинский дог, аргентинский мастиф) ← 高 (gāo, ‘высокий’)), форма его тела (腊肠犬 (làcháng quǎn, рус. такса) ← 腊肠 (làcháng, ‘колбаса’)); особенности шерстного покрова: цвет (金毛寻回猎

犬 (jīnmáoxúnhuílìè quǎn, рус. золотистый ретривер) ← 金毛 (jīnmáo, букв. «золотая шерсть»), форма (波利犬 (bōlìquǎn, рус. пули, венгерская овчарка) ← 波 (bō, ‘волна’)), степень жесткости (刚毛猎狐猯 (gāngmáo lièhú gēng, рус. фокстерьер) ← 刚毛 (gāngmáo, ‘щетина’); 沙皮犬 (shāpíquǎn, рус. шарпей) ← 沙皮 (shāpí, букв. «песчаная кожа»), отсутствие шерсти (墨西哥无毛犬 (mòxīgē wúmáoquǎn, рус. мексиканская голая собака) ← 无毛 (wúmáo, ‘отсутствие шерсти’)). Во-вторых, в названиях пород собак отражается практическое мышление носителей языка: им важно указать, как данная порода может использоваться в хозяйственных (边境牧羊犬 (biānjìng mùyángquǎn, рус. бордер-колли) ← 边境 (biānjìng, ‘граница’) + 牧羊 (mùyáng, ‘пастись овец’)) либо в развлекательных целях (斗牛狗 (dòuniúgǒu, рус. бульдог) ← 斗牛 (dòuniú, ‘бой быков’)).

Самыми редкими являются мотивация по особенностям характера и поведения собаки (5 % номинаций) (喜乐蒂牧羊犬 (xǐlèdì mùyáng quǎn, рус. шелти, шотландская овчарка) ← 喜乐 (xǐlè, ‘радоваться; веселиться; радость, веселье’)) и по имени заводчика (1 % единиц) (杰克罗素猯犬 (jiéklèluósùgēng quǎn, рус. джек-рассел-терьер) ← 杰克罗素 (Jiékè Luósù, рус. Джек Рассел)), что свидетельствует о том, что эти признаки почти не важны для носителей языка.

При этом для китайских номинаций пород собак в большой степени характерна множественная мотивация. Во-первых, потому, что единица, обозначающая породу, часто включает сразу несколько компонентов, характеризующих данных собак с разных сторон. Выделяются следующие модели сочетаний мотивационных признаков в рамках таких составных номинаций:

– место выведения породы + функция (中亚牧羊犬 (zhōngyà mùyángquǎn, рус. среднеазиатская овчарка) ← 中亚 (Zhōngyà, рус. Средняя Азия) + 牧羊 (mùyáng, ‘пастись овец’); 阿拉斯加雪橇犬 (ālāsījiā xuěqiāoquǎn, рус. аляскинский маламут) ← 阿拉斯加 (Ālāsījiā, рус. Аляска) + 雪橇 (xuěqiāo, ‘сани; санный спорт’));

– место выведения породы + особенность внешнего облика собаки (中国冠毛犬 (zhōngguó guānmáo quǎn, рус. китайская хохлатая собака) ← 中国 (Zhōngguó, рус. Китай) + 冠毛 (guānmáo, ‘хохол’));

– имя заводчика + особенность внешнего облика собаки + функция (查理王小猎犬 (chálǐwáng xiǎolièquǎn, рус. кавалер-кинг-чарльз-спаниель) ← 查理王 (chálǐwáng, ‘король Чарльз’) + 小 (xiǎo, ‘маленький’) + 猎 (liè, ‘охотиться’);

– особенность внешнего облика собаки + функция (刚毛猎狐梗 (gāngmáo lièhú gēng, рус. фокстерьер) ← 刚毛 (gāngmáo, ‘щетина’) + 猎狐 (lièhú, ‘охота на лис’));

– особенность характера + функция (喜乐蒂牧羊犬 (xǐlèdì mùyáng quǎn, рус. шелти, шотландская овчарка) ← 喜乐 (xǐlè, ‘радоваться; веселиться; радость, веселье’) + 牧羊 (mùyáng, ‘пасти овец’)).

Во-вторых, множественная мотивация может быть связана с широким распространением в китайском языке омонимии, а также полисемии (так, номинация 沙皮犬 (shāpíquǎn, рус. шарпей) имеет две мотивации: 1) из 沙皮 (shāpí), букв. «песчаная кожа», 2) из 沙 (shā) ‘сиплый хриплый’ (лай) + 皮 (pí) ‘крепкий, выносливый’ и ‘черствый, равнодушный’).

Отметим, что полученные выводы могут быть использованы для дальнейшего сопоставления лексики китайского языка с материалом русского и других языков, в чем видятся перспективы настоящего исследования.

Библиографический список

Борисова П.А., Ивановна Е.Н., Данилова В.А. Происхождение названий английских пород собак и их сравнение на различных языках // Студенческая наука – первый шаг в академическую науку: мат. Всерос. студ. науч.-практ. конф. Ч. 1. Чебоксары: Изд-во ЧГАУ, 2023. С. 615–623.

Ван М. Концепт «собака» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале пословиц и поговорок) // Вестн. Псков. гос. ун-та. Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 150–155.

Гоу Я., Коровина С.Г. Образ собаки в русских и китайских приметах (на лексикографическом материале) // Вестн. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 26–37.

Жаркова У.А. Названия пород как особый класс лексики // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2018. № 3 (32) С. 64–70.

Зорин В.Л., Зорина А.И. Породы собак. М., 2006. 62 с.

Иванова Д.Ю. Немецкие породы собак и семантика их названий // Актуальные вопросы современности глазами молодых исследователей: мат. II Междунар. науч.-практ. конф. Омск: СиБАДИ, 2017. С. 92–96.

История породы пекинес // Мой пекинес. URL: <https://mypekingese.ru/istoriya-porody-pekinese.html> (дата обращения: 20.10.2023).

Круковер В.И. Собаки. Самая полная энциклопедия. М.: Эксмо, 2013. 464 с.

Кудинова М.А. Собака в культурах эпохи неолита и бронзового века на территории Китая: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 26 с.

Линь Ц. Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом-животным в русском и китайском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 24 с.

Михайлова Ю.Н., Чжао И. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Изв. УрФУ. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 168–181.

Палмер Д. Ваша собака. М.: Мир, 1993. 248 с.

Собаки / Отв. ред. И.В. Резько. М.: АСТ, 2013. 192 с.

Фатеева И.М. Лингвокогнитивный анализ кинологической лексики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.

Шестакова Л. История породы кавалер-кинг-чарльз-спаниель // Справочник по породе кавалер-кинг-чарльз-спаниель. URL: <https://www.cavalierking.ru/istoria?ysclid=lox3wmqow8531926849> (дата обращения: 20.10.2023).

Шпиц. Энциклопедия для заводчиков. URL: <https://spitz-sobaka.ru/vidy/yaponskiy-shpits/?ysclid=lox6wzb38z299283576> (дата обращения: 20.10.2023).

世界名犬图鉴 / 赵鹏, 番竞翔. 长春: 吉林科学技术出版社, 2010. 320 页. (Иллюстрированная книга всемирно известных собак / Чжао Пэн, Фань Цзинсян. Чанчунь: Цзилиньское научно-техническое издательство, 2010. 320 с.).

名犬图鉴: 世界 331 种名犬驯养与鉴赏图典 / 崔柳译. 沈阳: 辽宁科学技术出版社, 2011. 225 页. (Иллюстрированный путеводитель по знаменитым собакам: Иллюстрированный путеводитель по приучению и оценке 331 знаменитой породы собак в мире / Перевод Цуй Лю, Шэньян: Ляонинское научно-техническое издательство, 2011. 225 с.).

M.A. Granova

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

A.A. Iashina

Student of the Faculty of Philology
Perm State University

NOMINATIONS OF DOG BREEDS IN THE CHINESE LANGUAGE: MOTIVATIONAL ASPECT

Abstract. The names of dog breeds that function in the Chinese language are considered. The purpose of the study is to identify the motivational characteristics underlying these units. The analysis allows us to establish that the most frequent motivation is based on the place where the breed was bred; motivation based on the dog's appearance and functional motivation are relatively common (at the same time, the greatest variety of motivational signs is observed when motivated by features of external appearance). Types of motivation based on the character and behavior of the dog and the name of the breeder are rare. The data obtained indicate the anthropocentric nature of the worldview of Chinese speakers. At the same time, the studied nominations are largely characterized by multiple motivations, one of the reasons for which is the widespread occurrence of homonymy and polysemy in the Chinese language.

Key words: nominations of dog breeds, types of motivation, multiple motivation, Chinese language.

УДК 811.521'374

Юлия Владимировна Жданова
ассистент кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
yukayokyok@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ* ПО ДАННЫМ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В работе представлено лексикографическое описание дефиниции лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*, составляющей ядро политической сферы современного японского языка. Материалом исследования послужили словарные дефиниции в восьми словарях: пяти толковых, словаре иностранных слов, политическом словаре, специальном словаре (глоссарий здравоохранения). В каждой дефиниции методом компонентного анализа были выделены компоненты, составляющие семантическое поле исследуемой лексемы. Это позволило определить структуру лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*, имеющую ядро, куда вошли важные обязательные семантические компоненты слова, называющие дефиницию; предъядерную зону, раскрывающую особенности многогранного процесса глобализации; периферию, включающую более узкие сферы, на которые влияет глобализация. Проведенный анализ показал, что компоненты, выделенные в предъядерной зоне и в периферии, близки семантическому компоненту, образующему ядро лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*, и также важны для характеристики данной лексемы.

Ключевые слова: политическая лингвистика, лексика, словарная дефиниция, метод компонентного анализа, семантические компоненты, семантическое поле.

Введение

Политическая лингвистика – относительно новое направление в отечественном и западном языкознании. В японском же языке данный термин не закреплен, однако встречается в ряде исследований преимущественно в области социолингвистики и сравнительной лингвистики. Хиденори Масико в книге «Язык как слепая точка социологии. Введение в политическую социологию слова» отмечает, что лексика социологии и политики в Японии не изучается должным образом. Эта актуальная проблема, требующая решения, возникла в результате того, что Япония является мооязычной страной [Масико 1991: 13–24]. К данной проблеме обращаются и Масатака Дзюнъити, Танака Марико, Сёдзи Хирочи в работе «Трансформация японского общества и языковые проблемы». Ис-

следователи призывают уделять больше внимания изучению политической лексики, так как мир быстро меняется, а лексика не соответствует новым реалиям [Дзюньити и др. 2010: 1–3].

Современные японские ученые отмечают, что многие ранее имеющиеся в японском языке термины (которые в течение столетий приходили в японский язык из Китая и соответственно записывались китайскими иероглифами) в последнее время вытесняются англоязычными синонимами, записываемыми звуковой азбукой *катакана* (одна из двух звуковых азбук японского языка, которая в основном используется для написания заимствованных слов из европейских языков). Это явление имеет большое влияние на японский язык.

На официальном сайте Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии сообщается, что согласно анкетированию, проведенному в 1997 году, большинство испытуемых не считают проблемой появление большого количества иностранных слов в японском языке. Однако вышеуказанное министерство выделяет три первостепенных проблемы, связанные с появлением заимствований: 1) многие иностранные слова, синонимы которых уже существуют в японском языке, вытесняют японские и разрушают национальную культуру; 2) иностранные термины использует в основном молодое поколение; вторжение этих слов в язык препятствует коммуникации между поколениями; 3) часто иностранные слова в японском языке приобретают новое значение (иногда абсолютно отличающееся от изначального слова), это затрудняет изучение иностранных языков японцами [Министерство культуры Японии: электрон. источник].

В настоящей работе рассматривается лексема *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ* в японских словарях. Данная лексема часто употребляется как в политической, так и в повседневной лексике, а также является ярким примером иностранного синонима японскому слову «国際化» [kokusaika] (интернационализация) и вытесняет его в некоторых контекстах.

Задача исследования – провести семантический анализ лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*, используя словарные дефиниции в лексикографических источниках. К работе были привлечены пять толковых словарей, политический словарь, словарь иностранных слов и специальный словарь (глоссарий здравоохранения).

Методика работы

На этапе структурирования данных использованы контент-анализ, компонентный анализ и количественный метод, которые позволили наглядно представить семантические компоненты семантики словарных

дефиниций лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ* в восьми словарях японского языка. Описание материала исследования проведено по схеме: название словаря; дефиниция лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ* на японском языке; перевод названия словаря и дефиниции на русский язык; семантические компоненты в семантике слова.

1. 広辞苑 2018 年

新村 出 (しんむら・いずる)

グローバリゼーション(globalization).

国を越えて地球規模で交流や通商が拡大すること。世界全体にわたるようになること [Кодзиэн 2018: 1065].

Кодзиэн (яп. 広辞苑, ко:дзиэн) «Большой сад слов» – средний толковый словарь японского языка издательства «Иванами сётэн» под редакцией Идзуру Симмуры. 2018.

Глобализация (globalization). Расширение обменов и торговли между странами в глобальном масштабе. Быть глобальным. Распространение по всему миру.

Семантические компоненты: 1. Расширение обменов и торговли между странами. 2. Распространение по всему миру.

2. 大辞林 2019 年

松村 明 (まつむら あきら)

グローバリゼーション(globalization).

世界的規模に広がること。政治、経済、文化などの諸領地の仕組みや制度が国を越えて地球規模で拡大することを言う [Даидзирин 2019: 990].

Даидзирин «Большой лес слов» – средний толковый словарь японского языка издательства «Сансейдо» под редакцией Акира Мацумура. 2019.

Глобализация (globalization). Распространение в мировом масштабе. Когда говорят о том, что механизмы и системы различных территорий, таких как политика, экономика и культура, расширяются за пределы страны в глобальном масштабе.

Семантические компоненты: 1. Распространение в мировом масштабе. 2. Расширение за пределы страны политики, экономики, культуры.

3. 三省堂国語辞典 2014 年

見坊 豪紀 (けんぼう ひでとし)

グローバリゼーション(globalization).

世界的な規模に広げること [Словарь национального языка Сансейдо 2014: 348].

Словарь национального языка Сансейдо – средний толковый словарь японского языка издательства «Сансейдо» под редакцией Хидетоси Кемпо. 2014.

Глобализация (globalization). Расширение до глобального масштаба.

Семантические компоненты: 1. Расширение глобальное (охватывает весь земной шар).

4. コンサイス外来語辞典 2005 年

岩崎 昌子 (いわさき しょうこ)

グローバリゼーション(globalization).

世界化。地球一体化。政治、経済、文化、思想、行動などを全地球的規模のものに広げること [Краткий словарь иностранных слов 2005: 273].

Краткий словарь иностранных слов – малый толковый словарь иностранных слов издательства «Сансейдо» под редакцией Сёко Ивасаки. 2005.

Глобализация (globalization). Универсализация. Объединение Земли. Расширить политику, экономику, культуру, мышление, действия и т.д. до глобального масштаба.

Семантические компоненты: 1. Универсализация. 2. Расширение за пределы страны политики, экономики, культуры и т.д. 3. Формирование сознания.

5. 政治学辞典 2005 年

猪口 孝 (猪口 たかし)

グローバリゼーション(globalization).

経済、政治、文化など様々な分野で、空間、時間が圧縮され、世界が一体化していくこと、またそのような意識が形成されることを言う。1980年代末から90年代にかけて1つの概念として、社会学、経済学、国際政治学、文化人類学など多くの学問分野で使用されるようになった [Политологический словарь 2005: 189].

Политологический словарь – толковый словарь слов по политологии издательства «Кобундо» под редакцией Такаси Иногути. 2005.

Глобализация (globalization). Когда пространство и время сжимаются, объединяя мир в различных областях, таких как экономика, политика и культура. Когда формируется такое сознание. С конца 1980-х по 90-е годы этот термин использовался в качестве концептуального во многих дисциплинах, таких как социология, экономика, международная политика и культурная антропология.

Семантические компоненты: 1. Объединение мира в разных областях. 2. Формирование сознания. 3. Концептуальный термин в различных науках.

6. デジタル大辞泉 2005

松村 明 (まつむら あきら)

グローバリゼーション(globalization).

1. 国家などの境界を越えて広がり一体化していくこと。特に、経済活動やものの考え方などを世界的規模に広げること。2. コンピューターのソフトウェアなどにおける国際化。グローバル化 [Большой электронный толковый словарь японского языка 2005].

Большой электронный словарь – Большой электронный толковый словарь японского языка издательства «Сёгакукан» под редакцией Акира Мацумура. 2005.

Глобализация (globalization). 1 Распространение и объединение за пределами государства. В частности, расширение экономической деятельности и мышления в глобальном масштабе. 2 Интернационализация программного обеспечения компьютеров. Универсализация.

Семантические компоненты: 1. Международность. 2. Расширение экономической деятельности. 3. Расширение общественного сознания.

7. 小学館 日本国語大辞典 2003 年

北原 保雄 (きたはら やすお)

グローバリゼーション〔名〕(英 globalization).

国際化。特に、経済活動やものの考え方などを世界的規模に広げること [Большой толковый словарь японского языка 2003: 321].

Большой толковый словарь японского языка издательства «Сёгакукан» под редакцией Ясуо Китахара. 2003.

Глобализация [сущ.] (англ. globalization) Интернационализация, особенно расширение экономической деятельности и мышления в глобальном масштабе.

Семантические компоненты: 1. Трансграничность перемещения людей, денег, информации и т.д. 2. Свободное перемещение информации и капитала.

8. 国際保健用語集

グローバリゼーション(英 globalization). モノ、サービス、資本、情報、人、文化など、経済活動をはじめとする人間の様々な営みが国家の枠組みを超えて地球規模に拡大することをいう。交通・通信手段の発達によって可能になった。グローバリゼーションの波は過去

3回あるとされ、1回目の1870–1914年には世界中で1人当たりの所得が急上昇し、2回目の1950–80年には先進国の経済統合が進んだ。3回目に当たる現在のグローバリゼーションは1980年ごろからとされ、途上国の世界経済への統合が進みつつある。こうした中、統合に成功した途上国では経済・社会的な成長が見られる一方、潮流に取り残された途上国では20億人もの人々が経済の縮小や貧困の拡大の中で暮らすなど、途上国間で格差が広がっている。グローバリゼーションの影響は経済的側面だけに限らない。世界中に張り巡らされたインターネット網・テレビ映像から伝えられる外国の情報やそれに付随した価値観は自国の伝統的な文化・社会的制度の変容を加速させ、また大量高速輸送網に支えられた頻繁な人の移動は感染症の急速な拡大を容易にする。2002年に中国で最初の感染が確認されたSARS（重症急性呼吸器症候群）は、北京や香港からの人の移動によって瞬く間に世界に感染が広がり、グローバリゼーション時代を象徴する公衆衛生学上の新たな課題として世界中から大きな注目を集めた。[Глоссарий Японского общества международного здравоохранения и медицины: электр. ресурс].

Сёко Кобори, глоссарий Японского общества международного здравоохранения и медицины, 2023.

Глобализация (анг. globalization). Это означает, что различные виды человеческой деятельности, такие как экономическая деятельность, товары, услуги, капитал, информация, люди и культура, переходят из национальных рамок в глобальный масштаб. Это стало возможным благодаря развитию транспорта и средств связи. Считается, что в прошлом было три волны глобализации: первая в 1870-1914 годах, когда во всем мире резко вырос доход на каждого человек, и вторая в 1950-80-х годах, когда прогрессировала экономическая интеграция в развитых странах. Считается, что нынешняя глобализация, которая происходит уже в третий раз, началась примерно в 1980 году, и процесс интеграции развивающихся стран в мировую экономику продолжается. В этих условиях в развивающихся странах, добившихся успеха в интеграции, наблюдается экономический и социальный рост, в то время как в развивающихся странах, которые остались позади, целых 2 миллиарда человек живут в условиях экономического спада и растущей бедности. Влияние глобализации не ограничивается экономическими аспектами. Зарубежная информация и связанные с ней ценности, передаваемые из сети Интернета и телевизионных изображений, распространяются по всему миру, ускоряя трансформацию традиционных культурных и социальных систем

страны, и поддерживаются массовой высокоскоростной транспортной сетью. Частое перемещение людей способствует быстрому распространению инфекций. SARS (тяжелый острый респираторный синдром), впервые подтвержденный в Китае в 2002 году, распространился по миру в мгновение ока из-за перемещения людей из Пекина и Гонконга и является символом общественного здравоохранения, символизирующим эпоху глобализации, которая привлекла большое внимание во всем мире как новая проблема.

Семантические компоненты: 1. Глобальное перемещение капитала, товаров, культуры, ценностей. 2. Развитие транспорта и средств связи. 3. История глобализации. 4. Проблема здравоохранения.

Полученные семантические компоненты в некоторых случаях объединялись с помощью контент-анализа в более крупные языковые единицы, определяющие смыслы лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*. Назовем их дескрипторами [Кобызева 2000: 188]. В анализируемых словарных дефинициях определилось 7 дескрипторов.

Для выявления семантики лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ* построим семантическое поле, состоящее из ядра, предъядерной зоны и периферии.

Ядро исследуемой лексемы образует дескриптор *Всемирное глобальное международное распространение* (частота – 7). Как видим, в ядре заключено наиболее важное определение дефиниции – объединение всех стран на земном шаре для решения стоящих перед ними проблем существования и развития человечества в целом.

Предъядерная зона включает всемирное распространение глобальных проблем не только в социальных науках, таких как экономика и политика, но и в идеологических, например, культура и мышление: *Расширение за пределы страны политики, культуры, экономики* (частота – 4) *Расширение сознания* (частота – 3).

Периферия состоит из четырех дескрипторов, каждый из которых имеет частоту 1: *Универсализация, Концептуализация терминов, Развитие транспорта и средств связи, Проблема здравоохранения*. Эти дескрипторы также оказываются важными для определения лексемы, поскольку затрагивают вопросы универсализации и концептуализации терминологического аппарата глобализации, а также указывают на всеобщие мировые проблемы в таких сферах, как медицина и транспорт.

Таким образом, проведенный анализ дефиниции лексемы *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ* показал, что семантические компоненты, выделенные в предъядерной зоне и в периферии, достаточно близки компоненту в ядре и также важны для характеристики лексемы. Это возможно объясняется тем, что лексема *ГЛОБАЛИЗАЦИЯ* не так давно употребляется в япон-

ском языке (впервые появляется в словарях в начале 2000-х) и еще не имеет терминологически точного определения.

Библиографический список

Кобызева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.

松村明. 大辞林. 三松堂. 2019年. pp. 3014. (Акира Мацумура. Даидзин. «Большой лес слов» – средний толковый словарь японского языка. Изд-во «Сансейдо», 2019. 3014 с.)

松村明. デジタル大辞泉. 小学館. 2005年. (Акира Мацумура. Большой электронный толковый словарь японского языка. Изд-во «Сёгакукан», 2005).

日本国際保健医療学会 事務局 (Глоссарий Японского общества международного здравоохранения и медицины). URL: <https://jagh.or.jp/document/term> (дата обращения 20.11.2023).

陣内正敬, 田中 牧郎, 庄司博史. «日本社会の変容と言語問題». 社会言語科学, 2010. 13 卷 1 号. pp. 1 – 3. (Дзюнъити Масатака, Танака Мариико, Сёдзи Хироси. Перемена японского общества и языковые проблемы // Социолингвистическая наука, 2010. Т. 13. № 1. С. 1–3).

新村出. 広辞苑. 岩波書店. 2018年. pp. 3216. (Идзуру Симмура. Кодзиэн. «Большой сад слов» – средний толковый словарь японского языка. Изд-во «Иванами сётэн», 2018. 3216 с.)

ましこ ひでのり. «社会学の盲点としてのことば – ことばの政治社会学序説». 年報社会学論集, 1991. 4 号. pp. 12 – 24. (Масико Хиденори. Язык как слепое пятно в социологии: Введение в политическую социологию языка // Годовой отчет по социологии, 1991. № 4. С. 12–24.)

ましこ ひでのり, «言語差別現象論», ことばの政治社会学, 東京, 2001. 1 号. pp. 3 – 26. (Масико Хиденори. Перемена японского общества и языковые проблемы. Феноменология языковой дискриминации // Политическая социология языка, 2001. № 1. С. 3–26.)

岩崎昌子. コンサイス外来語辞典. 三省堂. 2005年. pp. 1568. (Сёко Ивасаки. Краткий словарь иностранных слов. Изд-во «Сансейдо», 2005. 1568 с.)

猪口孝. 政治学辞典. 弘文堂. 2005年. pp. 1327. (Такаси Иногути. Политологический словарь. Изд-во «Кобундо», 2005. 1327 с.)

安田敏朗+ましこ・ひでのり. 戦前・戦後日本の言語事件史 // 創刊のことば, 1999. pp. 185. (Тосиро Ясуда, Хиденори Масико. История лингвистических инцидентов в Японии до и после войны // Язык и общество, 1999. С. 185.)

見坊豪紀. 国語辞典. 三省堂. 2014年. pp. 1760. (Хидетоси Кембо. Словарь национального языка Сансейдо – средний толковый словарь японского языка. Изд-во «Сансейдо», 2014. 1760 с.)

北原保雄. 日本国語大辞典. 小学館. 2003年. pp. 1438. (Ясуо Китахара. Большой толковый словарь японского языка. Изд-во «Сёгакукан», 2003. 1438 с.)

外来語の増加や日本語の中での外国語の過度の使用の問題. 文化庁. (Проблема увеличения количества иностранных слов и чрезмерного использования иностранных слов в японском языке Агентство по делам культуры.) URL:

https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kakuki/20/tosin05/06.html
(дата обращения 01.07.2020).

Yu.V. Zhdanova

Assistant of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

SEMANTIC ANALYSIS OF THE LEXEME *GLOBALIZATION* ACCORDING TO DICTIONARY DEFINITIONS IN JAPANESE LANGUAGE

Abstract. The paper presents a lexicographic description of the definition of the lexeme *GLOBALIZATION*, which is the core of the political lexical sphere of the modern Japanese language. The research material was the data of the dictionary definition in the following dictionaries: five explanatory dictionaries, dictionary of foreign words, political dictionary, specialized dictionary (glossary of healthcare). By the method of component analysis, semantic components that make up the semantic field of the lexeme under study are identified in the dictionary definitions. This made it possible to determine the structure of this lexeme, which has a core, which includes important, mandatory semantic components of the word, naming the definition; a pre-core zone describing more detailed concepts of the multidimensional process of globalization; the periphery, which shows narrower spheres affected by globalization. The analysis showed that the semantic components isolated in the pre-core zone and in the periphery are quite close to the component in the core and are also important for the characterization of the lexeme.

Key words: political linguistics, vocabulary, dictionary definition, method of component analysis, semantic components, semantic field.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

УДК 378:81'246

Виктория Сергеевна Абрамова
доцент кафедры английского языка
и межкультурной коммуникации
доцент кафедры педагогики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
abramovavictoria@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ CLIL В ПРЕПОДАВАНИИ СТУДЕНТАМ ИЗ КИТАЯ ПЕДАГОГИКИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются возможности образовательной технологии CLIL (Content and Language Integrated Learning), при которой иностранный язык используется для изучения неязыкового предмета, в контексте обучения китайских студентов дисциплине «Theory of Education» («Педагогика») на английском языке. Анализируются преимущества и ограничения ее использования, а также приводятся примеры её внедрения в учебный процесс. Отмечаются трудности, которые испытывают китайские обучающиеся при постижении академических предметов на английском языке, и выявляются их причины. Последовательно рассматривая интеграцию 4 главных компонентов технологии CLIL, таких, как Content (Предметное содержание), Communication (Коммуникация), Cognition (Познание) и Culture (Культура), на занятии, автор предлагает рекомендации по эффективному использованию данной технологии для достижения оптимальных результатов обучения студентов из Китая педагогике на английском языке.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение, CLIL, английский язык, педагогика, китайская культура, профессиональное развитие.

В современном мире все больше студентов стремятся получить высшее образование за рубежом, особенно в странах с англоязычной средой обучения. Китайские студенты, которые приезжают в Россию для получения высшего образования, составляют наиболее многочисленную группу среди иностранных студентов уже несколько лет. Это свидетельствует о тесных связях между нашими странами и стратегическом партнерстве, которое постоянно развивается. Учитывая увеличивающееся число китайских студентов в российских вузах и расширение междуна-

родного сотрудничества, вопрос об обучении студентов из Китая становится особенно актуальным.

Образовательная программа «Педагогическое образование» (бакалавриат), профиль «Образовательный менеджмент», разработанная на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета реализуется на английском языке и нацелена на подготовку управленцев среднего звена для образовательных учреждений Китая. В течение всего обучения предусмотрено 3 блока дисциплин, связанных с педагогикой и психологией (Theory of Education, Inclusive Education, General Psychology, Design of Educational Programs, Modern Educational Technology и др.), менеджментом (Management in Education, Marketing и др.) и филологией (Basic Linguistics, Foundation of History and Criticism of Literature и др.). Продолжительность обучения на очной форме составляет 4 года, выпускникам программы присваивается степень бакалавра.

Опыт чтения лекций и проведения практических занятий студентам из Китая по дисциплине «Theory of Education» («Педагогика») на английском языке показал, что, несмотря на успехи в изучении английского языка, иностранные обучающиеся сталкиваются с определенными трудностями в освоении профильных предметов на английском языке. В связи с этим, использование образовательной технологии CLIL (Content and Language Integrated Learning) позволит добиться эффективности при обучении студентов из Китая педагогике и другим академическим дисциплинам на английском языке.

Целью данной статьи является анализ применения образовательной технологии CLIL в обучении студентов из Китая педагогике на английском языке. *Основной задачей* исследования является определение эффективности применения данной технологии в контексте обучения китайских студентов профильному предмету на английском языке, а также выявление преимуществ и ограничений ее использования. Для достижения поставленной цели и решения задачи исследования использован *комплексный подход*, включающий анализ существующих научных работ по проблеме обучения китайских студентов в российских вузах; педагогическое наблюдение и устный опрос китайских студентов 2 курса, обучающихся по программе «Педагогическое образование». Устный опрос включал в себя вопросы, направленные на установление трудностей, которые испытывают китайские обучающиеся при изучении академических предметов на английском языке, и их причин.

В современном образовательном пространстве все большую популярность приобретает технология CLIL (Content and Language Integrated

Learning). Термин «CLIL» был представлен в научном сообществе в середине 90-х годов финским экспертом в области двуязычного обучения Дэвидом Маршем (David Marsh). Под CLIL Д. Марш имеет в виду такой подход к обучению иностранному языку, при котором язык используется для изучения неязыкового предмета [Coyle, Hood, Marsh 2012]. В силу своей двунаправленности – предметно-ориентированной и иноязычной – методика CLIL существенно отличается от ESP (English for Specific Purposes), ориентированной исключительно на язык. Следует также отметить, что объем предметного и языкового содержания в этой методике может существенно различаться как в одну, так и в другую сторону, создавая так называемые содержательно-ориентированные и языково-ориентированные модели. В российской системе высшего образования обе модели уже интегрированы в учебный процесс. Опыт использования предметно-языкового интегрированного обучения можно найти в работах О.Г. Бырдиной, Д.Ю. Буренковой, К.С. Григорьевой, С.Г. Долженко, С.А. Гудковой, М.А. Лукояновой, Я.В. Розановой, С.В. Рыбушкиной, Л.Л. Салеховой, Т.В. Сидоренко, Е.А. Юриновой и др., которые доказывают эффективность этой методики в российской высшей школе (см., например, работы: [Буренкова, Гудкова 2015; Бырдина, Юринова, Долженко 2020; Григорьева 2016; Салехова, Григорьева, Лукоянова 2020; Салехова 2015; Сидоренко, Рыбушкина, Розанова 2018]).

Применение технологии CLIL способствует глубокому и осознанному усвоению предметных знаний, развивает навыки самостоятельного поиска информации и критического мышления, а также позволяет формировать межкультурную компетенцию студентов. Обучение профильному предмету на иностранном языке выступает мощным мотивирующим фактором для студентов, создавая моменты новизны, которые стимулируют творческое мышление, способность адаптироваться к новым ситуациям, готовность к сотрудничеству и языковому общению.

Особый интерес вызывает применение технологии CLIL в обучении студентов из Китая педагогики на английском языке. Данный вопрос до настоящего времени не получил должного научного освещения. Рассмотрим возможности технологии CLIL в обучении студентов из Китая педагогики на английском языке, а также отметим ограничения использования данного образовательного подхода. Подчеркнем, что система обучения с использованием технологии CLIL основана на интеграции 4 главных компонентов CLIL, таких, как *Content* (Предметное содержание), *Communication* (Коммуникация), *Cognition* (Познание) и *Culture* (Культура).

Реализация элемента *Content (Предметное содержание)* видится в интеграции содержания профильного предмета «Theory of Education» («Педагогика») с усвершенствованием владением английским языком, что позволяет студентам активно применять грамматические структуры английского языка в конкретной ситуации, в данном случае – в педагогическом контексте. В связи с этим важно учитывать особенности родного языка обучающихся из Китая и их культурные ценности, чтобы обеспечить максимальную эффективность обучения. Английский язык не является для китайских студентов родным, и у студентов, входящих в одну группу, может быть очень разная языковая подготовка. Мы согласны с Л.Г. Кыркуновой, разрабатывающей вопрос обучения иностранных студентов неязыковым дисциплинам (в частности, педагогике), подчеркивающей значимость национально ориентированного подхода в обучении неязыковым дисциплинам и необходимость адаптировать материалы под потребности студентов: «Преподавателю педагогики приходится в значительной степени (1) адаптировать преподаваемый предмет к уровню языковых возможностей иностранных обучаемых. <...> Кроме того, помогает преподавателю и (2) использование содержательных особенностей самой педагогики. <...> При обучении педагогике, как, впрочем, и при обучении иностранных студентов другим дисциплинам, преподавателю необходимо (3) быть особенно внимательным к *компонентам педагогической техники*, таким, как внешний вид, мимика, жестикуляция, техника речи. Поэтому говорить на лекциях и практических занятиях приходится чуть медленнее и чуть более отчетливо, чем в обычной жизни, старательно отделяя одно слово от другого, одно высказывание (предложение) от другого» [Кыркунова 2022: 41–42].

Мы всегда готовим для китайских студентов краткий конспект лекций на английском языке с перечнем основных терминов и их определений и отправляем им перед занятием, чтобы обучающиеся ознакомились с содержанием лекции. На лекционных занятиях нами используются презентации PowerPoint, а также различные виды визуализации материала (картинки, схемы, диаграммы, мультимедийные ресурсы, видеоматериалы, например, демонстрирующие особенности обучения в средней школе в России или специфику теорий обучения), которые способствуют более эффективному усвоению содержания дисциплины иностранными студентами.

Задания к практическому занятию также отправляются нами заранее. При этом на семинарах мы используем исключительно аутентичные материалы, приспособленные для образовательных целей, такие, как статьи из научных журналов на английском языке или видеоматериалы

по изучаемой теме, которые помогают студентам активизировать навыки чтения, письма и аудирования на английском языке. Для поиска письменного научного текста или академического видеотекста мы обращаемся к таким онлайн-ресурсам, как Google Scholar (<https://scholar.google.com/>), ResearchGate (<https://www.researchgate.net/>), Coursera (<https://www.coursera.org/courses?query=pedagogy>), YouTube (<https://www.youtube.com/>). Текст является источником информации по определенной теме, помогает усвоить научную терминологию на английском языке и определенные грамматические и структурно-стилистические конструкции. Для работы с иностранными студентами мы берем тексты с проблемным содержанием, после чтения которых можно вывести студентов на обсуждение, выражение собственного мнения о прочитанном, что способствует развитию познавательной деятельности обучающихся. Задания по прочитанному тексту или просмотренному видеоматериалу даются в письменном виде, и используется вопросно-ответная форма работы с четкими инструкциями. Мы нередко предлагаем обучающимся составить короткие монологические высказывания на изучаемые темы по педагогике, связав рассматриваемый вопрос с реалиями современного мира и личным опытом, что позволяет студентам развить навыки связной англоязычной речи. «Изучение контента посредством иностранного языка наиболее эффективно, когда новые темы, топики побуждают обучающихся к обучению, применению своего прошлого опыта для овладения новыми знаниями» [Салехова 2020: 40]. Кроме того, оригинальные тексты для аудирования (видеоматериалы на английском языке) отличаются живой интонацией разговорной речи, естественной эмоциональностью и паузами, которые характерны для неформального общения, что повышает интерес студентов. В то же время аутентичный материал может представлять определенные трудности, связанные со сложностью неадаптированного языкового материала.

Воплощение компонента *Communication* (Коммуникация) на занятии с использованием технологии CLIL позволяет развивать навыки коммуникации на английском языке, поскольку в процессе изучения профильного предмета студентам приходится активно общаться и выражать свои мысли на этом языке. В научно-методической литературе отмечается, что китайские студенты более успешны в письме, чтении и аудировании. Студенты из Китая, как правило, обладают хорошим словарным запасом и пониманием правил иноязычной грамматики, однако самые большие трудности у данной категории обучающихся связаны с говорением на иностранном языке (см., например, работы: [Бедарева,

Астапенко 2019; Чжао 2022; Туана, Губарева, Краснова, Смелкова, Погодин, Богданова 2022]). Следует отметить, что в китайских школах на уроках иностранного языка ученики в основном занимаются переводами текстов, для чего работают со словарями [Пугачев 2012]. Этим объясняется привычка китайских студентов каждый раз обращаться к словарю, когда они встречаются с неизвестными словами на иностранном языке.

В ПГНИУ для студентов из Китая в учебном плане предусмотрена дисциплина «Иностранный язык (английский)», которая помогает им улучшить навыки владения английским языком. На этих занятиях студенты не только могут углубить свои знания английского, но и поделиться трудностями, с которыми они сталкиваются при изучении неязыковых предметов на английском языке. Одной из основных трудностей является особенность произношения студентов из Китая. Иногда это может привести к полному непониманию между китайскими студентами и другими участниками учебного процесса. Поскольку языковая компетенция при изучении иностранного языка формируется прежде всего на уровне фонем, то пробел в этом аспекте может явиться серьезной преградой для изучения языка в целом и дальнейшего прогресса иностранных студентов.

Мы неоднократно сталкивались с проблемой организации интерактивной работы на семинарских занятиях по педагогике. Китайские студенты с трудом устно выражают свои мысли на английском языке, когда ответ на вопрос заранее не подготовлен. Студентам из Китая в целом сложно публично высказывать мнение по какому-либо вопросу с развернутой аргументацией своей позиции, ведь предполагается, что они являются частью коллектива. Кроме того, для китайца является недопустимым потерять «лицо» (репутацию), вследствие этого многие китайцы предпочитают не высказывать свои мысли на публике [Вакула 2018]. В сравнении с Китаем, в России практические занятия, а нередко и лекционные проводятся в более интерактивной форме. Китайским студентам, напротив, нравится спокойная учебная атмосфера в аудитории, поэтому они часто не проявляют инициативы при ответе на вопросы. Китайские обучающиеся часто не принимают активного участия в обсуждении какой-либо темы, они не стремятся дать ответ «с места». Они отвечают только в тех случаях, когда преподаватель лично обращается к ним. Преподавателям рекомендуется учитывать эту особенность при работе с китайскими студентами, чтобы успешно организовать учебный процесс. Кроме того, данный момент вводит определенные ограничения на реализацию компонента «коммуникация» при применении технологии CLIL.

Но нам представляется важным сделать попытку создать коммуникативную среду на занятиях, где студенты будут иметь возможность использовать английский язык для общения не только с преподавателем, но и с другими обучающимися. Наша практика работы показала, что эффективными для «запуска» говорения на английском языке и обсуждения педагогических проблем являются практические занятия в формате парной/групповой работы и проектной деятельности, поскольку данные формы способствуют развитию не только коммуникативных навыков, но и критического мышления студентов, их творческих способностей и социальных навыков. Например, разбирая на семинаре теории обучения (*Learning Theories*), после работы с научной статьей и ответов на вопросы по статье, мы просим студентов разбиться на пары или мини-группы и взаимодействовать на английском языке, обсуждая представленные на аудиторном экране цифровые иллюстрации, демонстрирующие одну из теорий обучения, при этом используя научную терминологию. На занятиях с китайскими студентами коммуникативные задания играют важную роль. Они могут быть как простыми, так и сложными, чтобы заинтересовать студентов и вовлечь их в учебный процесс. Такой подход помогает избежать неловкости и создает благоприятную атмосферу в аудитории.

Ещё один компонент *Cognition (Познание)* подразумевает, что использование технологии CLIL помогает развитию у обучающихся критического мышления и способности анализировать педагогические проблемы на разных языках. Один из эффективных способов оценить понимание материала и прогресс студентов в овладении академическим предметом на английском языке – это проведение регулярных контрольных работ. Кроме того, такие задания помогают студентам самостоятельно развивать навыки чтения, письма и грамматики на английском языке. Отчетность по той или иной теме проводится нами в рамках письменной контрольной работы, которая выполняется дома. Подробные инструкции для выполнения работ отправляются студентам заранее по электронной почте, также обучающиеся всегда знают дедлайн для выполнения заданий. Например, студентам предлагается написать эссе (*Reflection activity – essay/critical report/discussion*), позволяющее более глубоко осмыслить педагогические концепции и описать их применение в обучении. Эффективными представляются нам и задания творческого характера, такие как: создание ментальных карт (*mind map*), облака слов (*word cloud*), инфографики (*infographics*). Они способствуют проявлению индивидуального стиля мышления китайских студентов и развивают навыки работы с мультимедийными ресурсами. Нельзя не отметить, что

многие китайские студенты очень исполнительны, дисциплинированы и работоспособны, что помогает им усваивать большое количество лексического и грамматического материала и выполнять значительные по объему задания.

Наконец, реализация аспекта CLIL *Culture (Культура)* помогает китайским студентам лучше понимать и воспринимать межкультурные аспекты педагогической деятельности. Через аутентичные материалы, используемые нами на занятиях, обучающиеся получают новые знания об организации образовательного процесса как в российских, так и зарубежных учебных заведениях; они изучают новые культурные нормы и ценности и знакомятся с носителями изучаемого языка (хотя бы по видеоматериалам), как следствие, формируется культурологическая компетенция. Кроме того, включение межкультурного компонента позволяет выработать у студентов более объективное отношение к собственному языку и культуре и ведет к формированию толерантности к мировым культурам. Участие в обучении на английском языке инициирует у студентов активное взаимодействие с иностранными преподавателями и студентами, говорящими на иностранном языке, что расширяет их кругозор и улучшает понимание различных культурных особенностей.

Таким образом, использование технологии CLIL в обучении студентов из Китая педагогики на английском языке позволяет достичь значительных результатов в изучении профильного предмета и совершенствовать языковые и культурные навыки обучающихся, что способствует более качественной подготовке студентов к их будущей профессиональной деятельности и успешному участию в международной образовательной среде. Учитывая культурные особенности китайских студентов и создавая благоприятную среду для обучения, преподаватели могут помочь обучающимся успешно адаптироваться к российским условиям и достичь прогресса в изучении академического предмета на английском языке. Добавим, что образовательная технология CLIL в преподавании профильных дисциплин на английском языке ведет к повышению мотивации и заинтересованности в использовании иноязычных компетенций в различных профессиональных областях, а именно: в работе, учебе, участии в программах обмена, публикации в научных журналах на английском языке, участии в международных конференциях и форумах. Как следствие, применение технологии CLIL в образовании имеет большую значимость для формирования глобальных граждан, способных успешно взаимодействовать в современном многоязычном и многокультурном обществе.

Библиографический список

- Бедарева А.В., Астапенко Е.В. Особенности обучения студентов из КНР дисциплине «Иностранный язык – английский» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2019. С. 29–36.
- Буренкова Д.Ю., Гудкова С.А. Инструменты практической реализации CLIL-технологии в вузе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, Психология. 2015. № 4 (23). С. 50–56.
- Бырдина О.Г., Юринова Е.А., Долженко С.Г. Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции у студентов педагогического вуза посредством CLIL // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 7. С. 77–100.
- Вакула Е.А. Особенности преподавания русского языка как иностранного китайским слушателям на начальном этапе обучения // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. С. 38–43.
- Григорьева К.С. Формирование у студентов технического вуза иноязычной компетенции в сфере профессиональной коммуникации на основе технологии CLIL (на примере направления «Техническая эксплуатация транспортного радиооборудования»): автореф. дисс. ... к. пед. н. Казань, 2016. 24 с.
- Кыркунова Л.Г. Методические особенности обучения педагогике иностранных студентов: из опыта работы // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2022. № 10. С. 38–44.
- Пугачев И. А. Этнокультурная адаптация иностранных учащихся к условиям жизни и обучения в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2012. № 4. С. 21–27.
- Салехова Л.Л., Григорьева К.С., Лукоянова М.А. Педагогическая технология двуязычного обучения CLIL: учебно-методическое пособие. Казань: КФУ, 2020. 101 с.
- Салехова Л.Л. CLIL-интегрированное предметно-языковое обучение: концептуальная идея, преимущества, модели // Казанская наука. 2015. № 12. С. 226–229.
- Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В., Розанова Я.В. CLIL-практики в Томском политехническом университете: успехи и неудачи // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 8. С. 164–187.
- Туана Е.Н., Губарева С.А., Краснова И.А., Смелкова И.Ю., Погодин С. Н., Богданова Н.В. Обучение китайских студентов говорению на занятиях по русскому языку как иностранному в условиях российского вуза // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 3. С.47.
- Чжао Линьлинь. Проблемные аспекты обучения говорению на русском языке как иностранном в Китае // Вопросы методики преподавания в вузе. 2022. Т. 11. № 2. С. 83–90.
- Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and language integrated learning. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 552 p.

V.S. Abramova

Associate Professor of the Department
of English Language and Intercultural Communication,
Associate Professor of the Department of Pedagogy
Perm State University

**USING CLIL BILINGUAL TEACHING TECHNOLOGY
IN TEACHING STUDENTS FROM CHINA PEDAGOGY IN ENGLISH:
OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS**

Abstract. In the context of teaching Chinese students the Theory of Education (Pedagogy) in English, the paper examines the potential of CLIL (Content and Language Integrated Learning) educational technology, which uses a foreign language to study a non-linguistic subject. Examples of its application in the classroom are provided, along with an analysis of its benefits and drawbacks. The reasons for the challenges Chinese learners face in understanding academic courses in English are discussed. The author provides recommendations for the efficient use of this technology to achieve the best possible learning outcomes for Chinese students in English language pedagogy by looking at the integration of the four main components of CLIL technology – Content, Communication, Cognition, and Culture – into the classroom.

Key words: content-language integrated learning, CLIL, English language, pedagogy, Chinese culture, professional development.

УДК 378:81

Наталья Васильевна Соловьева
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
biserova@bk.ru

КОНФЛИКТ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ГАРМОНИЗИРУЮЩЕМУ РЕЧЕВОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования конфликт-метода в обучении студентов-гуманитариев эффективному речевому общению. Раскрываются основные направления в исследовании конфликта, а также базовые понятия, связанные с кооперативным и конфликтным речевым поведением. Конфликт-метод относится к интерактивным инновационным методам и определяется как способ освоения конфликтной действительности с целью разрешения противоречий и перевода деструктивного речевого взаимодействия в конструктивное. Приводятся задания, направленные на анализ и моделирование конфликтных ситуаций. Формулируется вывод о важности обучения гармонизирующему речевому поведению и значимой роли преподавателя при применении конфликт-метода в педагогической деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; конфликт-метод, конфликтная ситуация; речевой конфликт; речевое поведение; гармонизация общения.

*Все мы хотели бы полностью избежать конфликтов,
но это абсурдная мечта.*
Б. Гурней

Введение

Способность осуществлять деловую коммуникацию на русском и иностранном языках в устной и письменной формах – одна из важнейших компетенций Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Владение коммуникативной компетенцией становится неотъемлемым требованием, предъявляемым к выпускнику вуза. Перед преподавателем стоит непростая задача содержательного наполнения речеведческих практико-ориентированных курсов и их методической организации. Как рассмотреть разнообразие коммуникативных, в том числе деловых (профессиональных) ситуаций, в которых может оказаться обучаемый, и многообразие способов эффективного и неэффективного, «коммуникативно успешного» и «коммуникативно неудачного» поведения в них? На наш взгляд, эту задачу во многом позво-

ляет решить выбор инновационных методов обучения, одним из которых является конфликт-метод [Цой 2005].

Инновационные методы способствуют формированию профессиональной мотивации студентов, развитию критического и творческого мышления, совершенствованию устной речи [Казакова 2007: 246], а главное – «позволяют учащимся ощутить себя причастными к образовательному результату» [Сысоева 2018: 300].

Возможность применения конфликт-метода становится актуальной при изучении дисциплин социальногуманитарного цикла, связанных с культурой делового и межличностного общения, этическими аспектами профессиональной коммуникации. Этот метод используется нами в преподавании таких дисциплин, как «Русский язык и риторика», «Русский язык и деловая коммуникация», в рамках модуля «Культура речевого общения» [Соловьева, Тихомирова: эл. ресурс].

Определение основных понятий и обоснование целесообразности метода

Понятие «конфликт» входит в научную парадигму философии, социологии, психологии, правоведения, педагогики, поэтому исследования конфликтов носят междисциплинарный характер. Изучение речевого конфликта в современной лингвистике осуществляется в рамках лингвокогнитивного, социолингвистического, психолингвистического и лингвокультурологического направлений. Особый интерес представляют работы по речевой (лингвистической) конфликтологии [Речевая конфликтология 2008, Третьякова 2009, Комалова 2010, Семенец 2021, Михайлова и др. 2022].

Ссылаясь на глоссарий авторов учебного пособия [Михайлова и др. 2022: 128–129], приведем ряд базовых определений.

Речевой конфликт – речевое взаимодействие коммуникантов, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться негативными средствами языка и речи.

Речевая гармония – диалогическое общение с обоюдным для его участников положительным эмоциональным и этическим течением и результатом; основывается на расположении и уважении к собеседнику. В основе речевой гармонии лежит принцип «коммуникативного сотрудничества». К универсальным ценностям, обеспечивающим коммуникативную гармонию, относятся: приветливость, доброжелательность, готовность к сотрудничеству, владение культурой речи, этикетность внешнего вида и поведения, умение слушать, толерантность.

Речевая дисгармония – диалогическое общение с нежелательным для одного или обоих собеседников эмоциональным и этическим течением и результатом; имеет в основе эгоизм и агрессию.

Речевая агрессия – выражаемое с помощью языковых средств враждебное отношение к участникам коммуникации; речевое поведение, устанавливающее или поддерживающее социальное и психологическое неравноправие коммуникантов; нетолерантное речевое поведение, направленное на снижение социального статуса собеседника и его подавление.

Гармонизация речевого общения – идеал речевого общения, к которому нужно стремиться, желая доставить радость адресату и быть понятым им; вид диалогического общения, цель которого – достижение по возможности полного понимания, душевного отклика, эмоционального контакта коммуникантов, т.е. «гармонии» [Педагогическая энциклопедия: электрон. источник].

Бытует представление о конфликте только как о негативном феномене, что формирует отрицательное отношение к нему. Однако конфликтное речевое взаимодействие содержит как деструктивный, так и конструктивный потенциал. Из анализа современных исследований конфликта [Хасан 2003, Шейнов 2014] можно обнаружить, что конфликты в деловом взаимодействии способствуют нравственному развитию личности, раскрытию ее творческих возможностей; имеют воспитательное значение и несут позитивный опыт для каждого из участников.

Эффективность и результативность коммуникации в условиях конфликтного взаимодействия будут зависеть от того, насколько компетентно оно реализуется. При грамотном подходе негативные последствия столкновения могут быть минимизированы. Некомпетентное речевое поведение в конфликте снижает его конструктивный потенциал.

Таким образом, методическая целесообразность использования конфликт-метода в педагогической деятельности обусловлена свойствами конфликта как социального, культурного и лингвистического феномена. Формирование культуры конфликта включает знание норм и правил речевого поведения в конфликте, умение анализировать причины конфликтных ситуаций и мотивы речевых поступков участников.

Применение метода в педагогической деятельности

На наш взгляд, необходимо организовывать учебное образовательное пространство таким образом, чтобы в результате занятий студенты научились понимать механизмы конфликтного речевого взаимодействия, распознавать конструктивные и деструктивные стратегии и тактики, интерпретировать свое и чужое речевое поведение в ситуации

конфликта и находить способы гармонизации коммуникации. Формирование перечисленных умений возможно через анализ конфликтного речевого взаимодействия, его истоков и способов конструктивного разрешения. Для анализа хорошо использовать уже имеющиеся конфликты, т.е. предлагать анализировать «готовые» коммуникативные ситуации, либо моделировать ситуации, провоцирующие конфликтное общение. Например, можно предложить учащимся «примерить» на себя разные социально-психологические роли, приводящие к коммуникативному напряжению, отрефлексировать причины коммуникативных неудач, проиграть коммуникативные сценарии гармонизации речевого поведения (избегание конфликта, модерация конфликта, примирение и др.).

Рассмотрим примеры заданий.

Задание 1.

Проанализируйте речевое поведение участников коммуникации в следующем диалоге (отрывок взят из произведения В. Токаревой «Инструктор по плаванию»). Определите речевые тактики и приемы, провоцирующие конфликтное общение. Какие речевые приемы могли бы использовать коммуниканты для разрешения конфликта?

Ситуативный контекст: А. – дочь, Б. – мать. Дочь не поступила в институт, в котором она не хотела учиться, и этим вызвала недовольство матери.

А. – *Каждый должен делать то, что у него получается.*

Б. – *А что у тебя получается? Что ты хочешь?*

А. – *Откуда я знаю? Я себя еще не нашла.*

Б. – *Ты посмотри на Леру...*

А. – *А ты посмотри на Соню. По два года сидела в каждом классе, а сейчас вышла замуж за капиталиста. В Индии живет.*

Б. – *В Индии нищета и инфекционные заболевания.*

А. – *Вокруг Сони нищета, а ее индус дом имеет и три машины.*

Б. – *Тебе это нравится?*

А. – *Нищета не нравится, а три машины – хорошо.*

Б. – *А что она будет делать со своим индусом?*

А. – *А что делают муж и жена?*

Б. – *Муж и жена разговаривают. А о чем можно говорить с человеком, который не понимает по-русски?*

А. – *Она его научит.*

Б. – *Можно научить разговаривать, а научить понимать – нельзя.*

А. – *Ты же со мной разговариваешь, а меня совершенно не понимаешь. Какая в этом случае разница – жить с тобой или с индусом?*

Б. – *Если ты будешь так отвечать, я тебе всю морду разобью.*

А. – *А что я не имею права слова сказать?*

Б. – *Не имеешь. Ты вообще ни на что не имеешь никакого права. Потому что ты никто, ничто и звать никак. Когда мне было столько, сколько тебе сейчас, я жила в общежитии, ела в день тарелку пустого супа и ходила зимой в лыжном костюме. А ты... Посмотри, как ты живешь!*

Задание 2.

Придумайте продолжение начатого диалога. Разыграйте два варианта: конфликтный и «мирный». Укажите, какие языковые единицы и невербальные средства общения помогли или помешали избежать конфликта.

Диалог № 1 (в магазине):

– *Послушайте, вы мне недодали сдачу! Вы меня пытались обмануть! Это возмутительно!*

Диалог № 2 (в автобусе):

– *Деньги плати!*

– *Я вам не мамаша, прошу мне не тыкать!*

Задание 3.

Смоделируйте конфликтный диалог объемом не менее 10 реплик.

Определите:

– кто является доминирующим, а кто зависимым речевым партнером;

– какие способы и приемы речевой агрессии используют участники;

– какие речевые приемы и средства использует инициатор конфликта, как ведет себя зависимый речевой партнер – вступает в конфликт (отзеркаливание речевого поведения) или старается избежать конфликта (при помощи каких речевых приемов и средств);

– чем завершается речевой конфликт.

Задание 4.

Цель задания – отработать коммуникативные стратегии выхода из конфликтных ситуаций. Работа проходит в подгруппах. Каждая подгруппа получает карточку с названием стратегии выхода из конфликта (уклонение, компромисс, сотрудничество, приспособление, конфронтация).

Разыграйте ситуацию профессионального общения, в которой клиент недоволен вашей работой (услугой), если вы, к примеру:

– управляющий рестораном, магазином,

– менеджер туристического агентства,

- директор управляющей компании,
- мастер в салоне красоты и т.д.

Укажите достоинства и недостатки каждого способа выхода из конфликтной ситуации в рамках данного игрового контекста.

Задание 5 (контрольное).

Контрольное задание представляет собой написание эссе по теме «Речевые конфликты и способы их преодоления». Эссе предполагает анализ речевого поведения коммуникантов в конфликтной ситуации:

- описание коммуникативной ситуации, причина конфликта,
- участники, их статусно-ролевые характеристики,
- коммуникативные цели (интенции) участников,
- стратегии и тактики речевого поведения в конфликте и их речевая реализация, т.е. описание речевых средств и приемов, которые используют участники конфликта (примеры из текста обязательны, не менее 5 примеров),
- тип речевого поведения в конфликте,
- чем завершается речевой конфликт, возможные способы его преодоления.

При подготовке эссе необходимо опираться на положения теории речевой коммуникации, при цитировании источников оформить ссылки в тексте эссе и список литературы. Конфликт можно взять из научной, деловой или публицистической сферы общения (текст объемом до одной страницы), текст прилагается к эссе.

Заключение

Моделируя и анализируя конфликтные ситуации, студенты получают опыт восприятия конфликтов и речевого взаимодействия в них, учатся выстраивать возможные способы конструктивного речевого поведения в данных ситуациях, преодолевают речеповеденческие стереотипы в конфликте.

Применение конфликт-метода в обучении обеспечивает его деятельностный характер; развивает у студентов коммуникативные, рефлексивные, аналитические умения; способствует формированию навыков коллективного взаимодействия.

При выполнении заданий на моделирование конфликтных коммуникативных ситуаций важно, чтобы студент смог перевести ситуацию эмоционального реагирования в конфликте на аналитический уровень и выбрать оптимальную коммуникативную стратегию поведения. Поэтому особо подчеркнем, что подобного рода технология возможна исключительно при следующих условиях: 1) наличие благоприятной психологи-

ческой атмосферы в студенческой группе; 2) вовлеченность педагога как полноценного участника речевого взаимодействия в образовательную ситуацию. В ситуации неопределенности педагог должен уметь гибко варьировать своим положением и коммуникативным статусом, уметь корректировать речевое взаимодействие учащихся.

Подводя итоги, заметим, что при выполнении упражнений мы намеренно сосредоточиваемся на анализе и моделировании речевого поведения человека, который стремится гармонизировать конфликтное взаимодействие. Такая позиция представляется нам важной в педагогическом и культурологическом отношениях: умение регулировать взаимоотношения в различных сферах жизни посредством правильного речевого поведения очень важно для всего современного социума, и этому умению нужно обучать.

Библиографический список

Казакова А.Г. Педагогика профессионального образования. М.: Экон-Информ, 2007. 551 с.

Комалова Л.Р. Лингвистический аспект конфликтологической компетентности: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2010. 360 с.

Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н., Шалина И.В. Речевой конфликт и коммуникативные сценарии его гармонизации: учеб.-метод. пособие; под общ. ред. О.А. Михайловой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 136 с.

Педагогическая энциклопедия. URL: <https://didacts.ru/termin/garmonizacija-rechevogo-obschenija.html> (дата обращения: 15.05.2023).

Речевая конфликтология. СПб: Изд-во РГПУ им А.И Герцена, 2008. 215 с.

Семенец О.П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах // Сибирский филологический форум. 2021. № 3 (15). С. 15–32.

Соловьева Н.В., Тихомирова Л.С. Русский язык и риторика: материалы к разделу «Культура речевого общения» [Электронный ресурс]. Пермь, 2021. 103 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/Soloveva-Tihomirova-Russkij-yazyk-i-ritorika-Kultura-rechevogo-obshcheniya.pdf>

Сысоева Е.Ю. Инновационные методы обучения в системе профессионального образования // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 299–301.

Третьякова В.С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2009. 230 с.

Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта: Описание и анализ конфликта. Модели разрешения конфликта. Технологии переговорного процесса. Тренировка переговоров. СПб: Питер, 2003. 250 с.

Цой Л.Н. Практическая конфликтология. М.: Социол. шк. конфликтологии, 2005. 233 с.

Шейнов В.П. Управление конфликтами. СПб: Питер, 2014. 576 с.

N.V. Solovyova

Associate Professor of the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

CONFLICT AS A METHOD OF TEACHING HARMONIZING SPEECH BEHAVIOR

Abstract. The article considers the possibility of using the conflict method in teaching humanities students' to effective speech communication. The main directions in the study of conflict, basic concepts related to cooperative and conflict speech behavior are revealed. The conflict method is an interactive innovative method, which is defined as a way of mastering the conflict reality in order to resolve contradictions and transfer destructive speech interaction into constructive one. Tasks aimed at analyzing and modeling conflict situations are given. The conclusion about the importance of teaching harmonizing speech behavior and the significant role of the teacher in applying the conflict method in pedagogical activity is formulated.

Key words: communicative competence, conflict method, conflict situation, speech conflict, speech conflict, speech behavior, harmonization of communication.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 070:004

Галина Васильевна Куличкина
профессор кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kulgv@list.ru

Полина Олеговна Деткина
магистрант кафедры теории
и истории государства и права
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
elza.shmidt@yandex.ru

МЕДИАОСВЕЩЕНИЕ ПЯТОГО ПЕРМСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ МАРТИНА МАКДОНАХА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

Аннотация. Статья посвящена особенностям медиаосвещения Пятого международного пермского фестиваля Мартина МакДонаха на цифровых площадках российских федеральных и региональных СМИ, в социальной сети «ВКонтакте». На основе изучения медиатекстов, посвященных фестивалю, проведен анализ форматов и жанров в условиях цифровизации журналистики, сравнительный анализ коммуникации массовой аудитории виртуальных информационных каналов и печатных СМИ. Исследован контент медиатекстов с точки зрения журналистского внимания к социальной и эстетической значимости постановок. Выявлен содержательный тренд публикаций, связанный с традицией русского психологического театра при постановке пьес современного зарубежного автора. Изучен цифровой потенциал страницы социальной сети «VK» театра «У моста» для коммуникации журналистов, блогеров, театральных деятелей во время фестиваля.

Ключевые слова: пермский театр «У моста», фестиваль, Мартин МакДонах, web-журналистика.

Актуальность исследования медиаосвещения Пятого пермского международного фестиваля МакДонаха в условиях цифровизации журналистики обусловлена необходимостью теоретического и практического осмысления проблематики современной театральной журналистики как сегмента отечественной медиасистемы и ее функционирования в

виртуальном медийном пространстве. Постановка проблемы продиктована бурным развитием онлайн-коммуникаций; увеличением влияния сетей на медиапотребление аудитории; явлениями конвергенции платформ распространения массовой информации и другими факторами формирования медиаиндустрии [Вартанова 2013: 87–92]. Глубокое интегрирование современной медиасистемы во все аспекты жизни общества актуализируют вопросы профессиональной культуры и ответственности медийного сообщества за формирование ценностных идеалов и поведенческих установок в общественном сознании [МакКуэйл 2013: 209], в том числе на примере театральной деятельности.

Пермский международный фестиваль пьес Мартина МакДонаха – один из масштабных региональных театральных фестивалей в современной России, проходит один раз в два года. Мартин МакДонах – признанный лидер современной драматургии, пьесы которого играют в театрах всего мира. В России его творчество впервые было представлено на сцене пермского театра «У моста» в спектаклях худрука театра и режиссера Сергея Федотова. Всего проведено 5 фестивалей, которые получали активное информационное сопровождение.

Медиаосвещение театрального фестиваля МакДонаха мало изучено. Предметом исследования стала отечественная театральная интернет-журналистика как сегмент современной системы массмедиа, так как информационные материалы и журналистские публикации о фестивале максимально полно представлены на виртуальных каналах массовой коммуникации с аудиторией. Среди задач исследования назовем такие, как поиск наиболее востребованных коммуникационных каналов, форматов и жанров театральной интернет-журналистики, использованных при освещении Пятого международного театрального фестиваля МакДонаха в Перми; содержательные аспекты журналистских публикаций. Среди методов исследования были выбраны: исторический метод – при изучении истории существования международного фестиваля МакДонаха в Перми; типологический – при выявлении общих закономерностей цифровой журналистики во время освещения творческих достижений участников фестиваля; социологический – при изучении аудитории на странице «Международный фестиваль Мартина МакДонаха» в социальной сети VK пермского театра «У моста»; эстетический – при анализе литературного мастерства журналистов, создающих рецензии на фестивальные спектакли. Метод непосредственного журналистского наблюдения использовался при посещении пресс-конференций, просмотра спектаклей Пятого фестиваля МакДонаха в Перми и устного обсуждения членами жюри фестиваля. Фактологическую базу составили 85 пуб-

ликаций, в том числе 64 в социальных сетях и 21 – в интернет-СМИ. Новизна исследования связана с определением новых векторов развития театральной журналистики в условиях цифровизации информационных каналов массовой коммуникации.

Идея провести фестиваль спектаклей по пьесам МакДонаха пришла к Сергею Федотову после того, как на сцене театра появилась седьмая пьеса ирландского драматурга. «Критики нас стали называть не только первооткрывателями, но и главными специалистами по МакДонаху, – сказал Сергей Федотов, – хранителями уникального авторского стиля. Со всех уголков России мне звонили, просили наши переводы пьес, видеозаписи спектаклей, спрашивали советов, просили приехать на постановку... Вот поэтому и возникла мысль провести свой фестиваль» [Федотов 2018: электрон. источник].

За время существования фестиваля с 2014 по 2022 годы в Перми побывали творческие коллективы из 26 стран, было показано 77 спектаклей. Первый международный фестиваль МакДонаха представил 16 постановок в исполнении театров из Германии, Австрии, Чехии, Великобритании, Боснии и Герцеговины, Польши, Азербайджана, Москвы, Санкт-Петербурга. В 2016 году участие во втором фестивале приняли 14 театров из 9 стран, таких как: Северная Ирландия, Шотландия, Иран, Польша, Сербия, Чехия, Черногория, Азербайджан, Россия. Было сыграно 18 спектаклей. Отметим, что второй фестиваль МакДонаха, по рейтингу журнала «FORBES», вошёл в ТОП-5 мировых театральных событий октября 2016 года. Третий фестиваль собрал на неделю 16 коллективов из 10 стран (Чехия, Грузия, Македония, Венгрия, Иран, Румыния, Босния и Герцеговина, Молдова, Казахстан и Россия). Помимо спектаклей в программу мероприятия были включены лекции, мастер-классы, ирландские танцы, также зрители могли пообщаться с актерами и режиссерами постановок из разных стран и городов. В пандемийный 2020 год четвертый фестиваль МакДонаха прошел в онлайн и оффлайн форматах, всего 19 спектаклей показали артисты 7 стран: Ирландия, Испания, Нидерланды, Эстония, Украина, Белоруссия, Россия. В 2022 году в Перми прошел Пятый международный фестиваль Мартина МакДонаха с участием театров из Москвы и российских регионов, Беларуси, Казахстана, Грузии, Молдовы, Южной Кореи, Израиля. Каждый раз фестиваль МакДонаха активно освещался отечественными и зарубежными СМИ, а также блогерами – поклонниками творчества МакДонаха и пермского режиссера Сергея Федотова.

Пятый пермский международный фестиваль Мартина МакДонаха вошел в информационную повестку дня отечественных федеральных

СМИ, таких как: «Российская газета», «Известия», «РБК», «Комсомольская правда» (печатные и онлайн варианты); общероссийские и пермские интернет-СМИ: Ревизор.ru; RT; 59.ru; Permnew.ru; Propertm.ru; Godpermt.ru; в социальной сети VK. Это позволяет говорить о том, что медиаосвещение фестиваля было представлено в разных информационных форматах.

Понятие «формат» в интернете наполнено смыслами, связанными с информационно-коммуникативной деятельностью интернет-медиа. Его тематическое разнообразие, как отмечают специалисты, оказалось чрезвычайно широким и расплывчатым в сфере массовой коммуникации. Мы придерживаемся следующего определения терминологического содержания этого слова: «Формат СМИ – это совокупность параметров элементов, составляющих его контент и определяющих особенности его подачи» [Лашук 2010: 36–42]. При возникновении web-журналистики появились разновидности коммуникационных форматов в зависимости от особенностей протекания информационно-коммуникационных процессов. Среди них для театральной журналистики актуальны следующие форматы: «Web 1.0 – производство содержания (контента) узкой группой специалистов для последующего потребления массой пользователей Сети (характерен для прессы); Web 2.0 – самостоятельное производство контента массой пользователей и активный обмен информацией между ними (характерен для социальных сетей); Web 3.0 – создание рекомендательных сервисов в Сети, формируемых исключительно на основе мнений потребителей» (характерен для коммуникационного менеджмента в сфере связей с общественностью) [Лисенкова 2021: 53–72; Дзялошинский 2013]. В медиаосвещении пермского фестиваля МакДонаха мы видим Web1.0 (печатные варианты газет), Web2.0 (страница театра “У моста” в сети VK; Web 3.0 (публикация репертуарной афиши, расписание пресс-завтраков, семинаров и лабораторий, объявлений). Разнообразие форматов медиаосвещения пермского фестиваля МакДонаха свидетельствует о стремлении его организаторов и журналистов к максимальному охвату аудитории, о стремлении показать социальную и культурную значимость театрального события, его неординарность.

Что касается жанров театральной web-журналистики, представленной в медиаосвещении Пятого пермского фестиваля МакДонаха, то здесь мы наблюдаем определенную трансформацию. Существуют три типа словесного отражения действительности: фактографический, исследовательский и художественно-исследовательский, которые в традиционной журналистике преобразовываются в три жанровые группы текстов: информационных, аналитических и художественно-публицисти-

ческих [Мельник 2004: 28–45]. В web-журналистике в силу новейших технологических возможностей и появления новых игроков на рынке информационной индустрии на первый план в текстах о театре выдвинулась функция коммуникации, и жанр рецензии стал сопрягаться с информационными жанрами: заметка, интервью, репортаж.

Прежде всего коммуникативную функцию интернет-журналистики мы видим на сайтах массовых общественно-политических СМИ: газет «Известия», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Красная весна», телекомпании РБК. Характерно интервью Степана Черепенникова под заголовком «Агент сказала, что пьесу можно играть, только если актриса будет негритянка-лилипут» на сайте газеты «Известия». В заголовке сразу была интрига: какой агент? Какая пьеса? Какая негритянка? В подзаголовке частично объяснялось, что речь идет о беседе с худруком пермского театра «У моста» Сергеем Федотовым в преддверии Пятого фестиваля МакДонаха, дан его «рассказ о работе с иностранными авторами, русско-ирландской драматургии и мистических постановках». Для более легкого восприятия достаточно длинного текста была сделана разбивка интервью на главки с намеком на парадокс «Мы, русские, очень чувствуем ирландскую душу» и на катарсис: «Кто-то сказал после спектакля: «Я забыл, что я умею плакать» [Черепенников (1) 2022: электрон. источник]. В репортаже этого же автора «Ирландский дух: Как Пермь погрузилась в мистику МакДонаха» лирический герой обрел образ неофита, в котором пермский фестиваль вызывает массу эмоций: боязни и удивления, восторга и трепета. Лирический герой постарался передать свою взволнованность и от дождливой, туманной Перми (схожий климат с ирландским), и от спектаклей, которые оказались неоднозначными для восприятия [Черепенников (2) 2022: электрон. источник].

Коммуникативная функция web-журналистики, выраженная в жанре информационной заметки, присутствует в цифровых публикациях телеканала РБК, телекомпании «Рифей», пермского радио «БОЛИД». Они выступили информационными партнерами фестиваля, и особенность медиатекстов с точки зрения жанровой природы заключалась в том, что новостная заметка о фестивале стилистически сопрягалась с жанром пресс-релиза или беседы в эфире. На сайте РБК выкладывались заметки об истории фестиваля, о театральных коллективах, которым предстоит выступить на пермской сцене, об образовательной программе для зрителей в виде лекций, семинаров, творческих встреч. Цель этих публикаций была одновременно познавательная и пропагандистская. Рядом с достоверным описанием фактов, порождающим нейтральный стиль хроники,

употреблялась экспрессивная, эмоционально-оценочная лексика. Например, такие выражения, как: «ценителей ироничной и удивительной драматургии признанного гения ждут невероятные открытия»; «детективная интрига просто потрясает»; «зритель успеет вдоволь насмеяться, а затем и поплакать»; «жуткая и сладкая атмосфера хоррора, которая создаётся на сцене просто мастерски». Здесь мы видим типичный случай, когда журналистика оказалась «в плену» корпоративных коммерческих интересов, и массовой аудитории приходилось самой «отделять зерна от плевел» [Пятый фестиваль... 2022: электрон. источник].

Корректным показателем микса жанров являются публикации в общенациональном массовом общественно-политическом издании «Российская газета». Она четырежды включала фестиваль в свою информационную повестку дня: сообщила о предстоящем событии¹, о программе фестиваля², поделилась о впечатлениях о некоторых увиденных корреспондентом спектаклях³, дала информацию о победителях конкурсной программы фестиваля. Характерной для трансформации жанров стала расширенная заметка Светланы Мазуровой «На фестивале МакДонаха в Перми показали три спектакля про королеву красоты из Линэна». Здесь дана новость о театральной сенсации: первой в мире постановке пьесы МакДонаха в кукольном формате. Далее дан абзац с журналистской аналитикой: «На сцене планшетные куклы. Живая музыка: гитара, ударные. Видеоарт. С одной куклой одновременно работают два актера и даже четыре. Спектакль решен с использованием приема “все играют всех или все играют одного”. Такой прием позволяет символически отобразить глубину и содержательность внутреннего мира одного человека и подчеркнуть множественность шизоидного сознания героини. Отсюда и жанровое определение – split-драма» [Мазурова 2022: электрон. источник].

Чуть ниже в тексте журналист вновь обращается к приемам информационных жанров: помещает мини-интервью с создателями спектакля, где раскрывается замысел постановки. «Противостояние двух женщин в пьесе мы показываем как символ свойственного человеку эгоизма в отношениях с близкими, – поясняет режиссер Эльмира Куриленко. – Каждый хочет построить свое счастье. И мать хочет быть счастливой, и дочь хочет быть счастливой, и ее возлюбленный тоже... Это история о том, что в плену собственного эгоизма мы можем разрушить не только счастье родной души, но и, заигравшись, уничтожить собственную жизнь». Об образном воплощении в кукле драматизма судьбы красавицы Морин рассказывает исполнительница главной роли: «Она визуально красавица. У нас большая кукла, с человека ростом. Фигура у Мо-

рин красивая, а лицо искаженное, уродливое. Маска сделана очень интересно, смотрится по-разному в поворотах: то улыбка, то полная трагедия» [Мазурова 2022: электрон. источник].

На уровне федеральных специализированных СМИ выделим сайт Rara-Avis, который позиционирует себя как «группа вольных критиков», которые взялись «методично расставлять точки над «i». Называть черное – черным, а белое – белым» [Манифест: электрон. источник]. На этом сайте театральная журналистика в целом сохраняет традицию аналитического подхода в освещении театральной жизни России. Представитель Rara-Avis Фазир Муалим в своих публикациях о фестивале МакДонаха (а он на пермский фестиваль приезжает регулярно) демонстрирует владение жанрами рецензии и обзора. Он дал обзор со сравнительным анализом «трех калек» (The Stipple of Inishmaan) – минского «Калеки с острова Инишмаан» Республиканского театра белорусской драматургии (режиссёр Александр Гарцуев), «Билли с острова Инишмаан» Кинешемского драматического театра им. А.Н. Островского (режиссёр Вахтанг Харчилава) и пермского «Калеки с Инишмана» театра «У Моста». Подчеркнул своеобразие прочтения пьесы каждым театром и сделал вывод: «Такие разные воплощения, а тема одна: история преобразования человека через любовь и принятия себя, история души, ее пути, проделанного с постоянной оглядкой на прошлое (не всегда свое) и финальным освобождением от него – трагическим или жизнеутверждающим, это уже кто как увидит. Финал пьесы открытый» [Муалим 2022: электрон. источник].

Трансформация жанров в web-журналистике проявилась и в пермских региональных СМИ. Так, на сайте интернет-СМИ «Permnew.ru», который имеет рубрику «Театр», Пятый фестиваль МакДонаха был представлен с одной стороны, дважды аналитическим жанром рецензии [Куличкина; Бочкарева 2022], а с другой стороны, – совмещением информации об итогах фестиваля с обзором некоторых тенденций современного театра, проявленных на фестивале [Куличкина 2022].

На состояние web-журналистики оказывают сильное влияние сравнительно новые игроки на информационном рынке – социальные сети, в том числе официальные страницы в социальных сетях театральных учреждений. Официальные страницы социальных сетей учреждений используются для установления связей с общественностью и продвижения положительного имиджа учреждения в общественном сознании. Пермский театр «У моста» с этими целями в сети на странице VK организовывал сообщество «Международный фестиваль Мартина МакДонаха». В ходе Пятого фестиваля на ней было размещено 47 блогерских матери-

алов так называемой гражданской журналистики, что составило 73% от общего числа публикаций на странице VK. Блогерские публикации в большинстве своем были далеки от профессионализма, в том числе и от аналитики, но они несли в себе индивидуальный голос, укрепляли коммуникацию театра с публикой, формировали общий пафос о фестивале как незаурядном творческом явлении театральной жизни Перми и России.

На фестивальной странице VK театр «У моста» продвигает и свою художественную концепцию развития искусства. Среди современных театральных практик, несущих в себе традиции и новации, театр «У моста» отстаивает традиции русского психологического театра как фундамента, помогающего сохранить интерес к человеческой душе. Этому посвящены лекции ученых и театральных педагогов в рамках просветительской программы фестиваля, видеосюжеты которых потом выкладываются на фестивальную страницу в VK. Таковы видео лекций доктора филологических наук В.Б. Шаминой «Внутри и вне МакДонаха», театрального педагога и критика Татьяны Ткач – о тенденциях постановки пьес МакДонаха на петербургской сцене. В.Б. Шамина акцентировала внимание на том, почему МакДонаха так часто играют в России. По ее мнению, «он глубоко психологичен, как вся наша русская классика. Он, как Достоевский, опирается на так называемую «историческую справку»- все, что происходит в его пьесах, было на самом деле. Главная тема раннего МакДонаха – влияние среды и внешних условий на внутренний мир человека. Действие первых пьес МакДонаха- «Красавица из Лине-на», «Череп из Коннемары», «Сиротливый Запад» происходит в ирландской глуши, где время будто остановилось.

МакДонах исследует, как ограниченность мира, эти «внешние стены», могут деформировать душу. Но даже в такой искаленной душе есть и светлые уголки. Каждое действие и поступок в пьесе психологически мотивированы, и потому невозможно не сочувствовать и не понимать его персонажей [Шамина 2022]. Татьяна Ткач отмечает удивительный для МакДонаха-драматурга момент любви к Человеку. Персонажи МакДонаха – «чудики», и Ткач считает, что актерам Федотова удастся это наиболее точно показать. «Потому что играя, они как бы держат дистанцию, с иронией и любовью смотрят на своего персонажа. И эта «Игра в игре» так нравится и радует зрителя» [Ткач 2022: электрон. источник].

Приобщению массовой аудитории к специфике театрального действия служат монологи членов жюри, в которых они размышляют о творческих достижениях фестиваля, о режиссуре Сергея Федотова как первооткрывателя творчества МакДонаха на российской сцене. Среди них назовем пространственные публикации председателя жюри Пятого фестиваля

МакДонаха Виктора Шраймана [Шрайман 2022] и театрального критика Валерия Бегунова [Бегунов 2022], режиссера Георгия Долмазяна [Долмазян 2022].

Официальная страница в VK сообщества «Международный фестиваль Мартина МакДонаха» на Пятом фестивале заметно стала лидировать в конкуренции со СМИ за внимание читателей. Это произошло благодаря тому, что она за годы проведения фестиваля превратилась в многофункциональный портал, работающий во всех трех форматах: Web 1.0; Web2.0; Web3.0. Он на цифровой основе дает медиатекст в главных его виртуальных свойствах: гипертекстуальности, мультимедийности и интерактивности. Благодаря максимальной реализации потенциала цифровизации (что является проблемой для многих национальных и региональных СМИ) на портале театральной страницы театра максимально полно собрана самая разнообразная информация, касающаяся МакДонаха: сведения о его новых произведениях, творческих победах на кинофестивалях за рубежом; репосты рецензий, обзоров о пермском фестивале с сайтов федеральных и региональных СМИ; видеосюжеты и словесные высказывания блогеров и профессиональных театральных деятелей: режиссеров и актеров фестивальных спектаклей; видеосюжеты дневника фестиваля (в жанре короткого репортажа), информационные заметки с пресс-завтраков, анонсы и актуальная хроника.

На официальной странице театра «У моста» «Фестиваль Мартина МакДонаха» в настоящее время 1602 подписчика. Афишу Пятого фестиваля просмотрели 47477 человек, а отдельные сюжеты насчитывают более пяти тысяч просмотров. Все это говорит о том, что страница «Фестиваль Мартина МакДонаха» в VK на рынке информационных услуг в сфере театра основательно потеснила другие информационные источники, в том числе и СМИ.

Подводя итоги, следует сказать, что медиаосвещение Пятого международного театрального фестиваля Мартина МакДонаха в Перми показало: в регионе активно используются форматы и жанры веб-журналистики и социальных сетей. В таком комплексном информировании есть положительная сторона, связанная с приобщением массовой аудитории к искусству театра, интеграцией публики и театральных деятелей в социально значимое сообщество. Недостаток интернет-журналистики при этом проявился в снижении уровня аналитического разбора сценических произведений. В условиях рыночной борьбы за посещаемость сайты СМИ, освещающие театральные события, выдвигая на первый план функцию коммуникации, проигрывают как социальный институт, ответственный за достоверную картину актуального состояния

искусства и культуры. Вызовы новейших информационных технологий требуют новых подходов к дальнейшей поддержке и развитию качественной web-журналистики.

Примечания

¹ С 1 по 7 октября в Прикамье состоится пятый фестиваль пьес Мартина МакДонаха // Российская газета. 17 августа 2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/08/17/reg-pfo/oktiabr-po-irlandski.html>.

² Фестиваль МакДонаха в Перми объявил программу // Российская газета. 17 августа 2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/08/17/festival-makdonaha-v-permi-obiavil-programmu.html>.

³ На фестивале МакДонаха в Перми показали три спектакля про королеву красоты из Линэна // Российская газета. 04 октября 2022 г. URL: <https://rg.ru/2022/10/04/na-festivale-makdonaha-v-permi-pokazali-tri-spektaklia-pro-korolevu-krasoty-iz-linena.html>.

Библиографический список

Бегунов В. И снова – ирландец МакДонах в Перми // RusNewsDay. Реальная Россия. 05 декабря 2022 г. URL: <https://rusnewsday.ru/index.php/kultura/item/11876-i-snova-irlandets-makdonakh-v-permi> (дата обращения: 14.09.2023).

Бочкарева М. На сцене пермского театра «У моста» – ирландские парадоксы // Permnew.ru. 10 января 2023. URL: http://permnew.ru/news?post_id=25555 (дата обращения: 11.09.2023).

Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2013. 280с.

Дзялошинский И.М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиaprостранстве России: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 469 с.

Долмазян Г. Слова от души. Статья написана для страницы «Международный фестиваль Мартина МакДонаха» // VK.ru. 15 октября 2022. URL: https://vk.com/fest_md?w=wall-73334172_2628 (дата обращения: 11.09.2023).

Куличкина Г. К итогам фестиваля МакДонаха в Перми // Permnew.ru. 11 октября 2022. URL: http://permnew.ru/news?post_id=25241 (дата обращения 11.09.2023).

Лащук О.Р. Термин «формат» в массовой коммуникации. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 36–41.

Лисенкова А.А. Трансформация социально-культурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь: ПГИК, 2021. 286 с.

Мазурова С. На фестивале МакДонаха в Перми показали три спектакля про королеву красоты из Линэна // Российская газета. 04 октября 2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/04/na-festivale-makdonaha-v-permi-pokazali-tri-spektaklia-pro-korolevu-krasoty-iz-linena.html> (дата обращения 12.09.2023).

МакКуэйл Д. Журналистика и общество / Пер.с англ. М.: МедиаМир; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013. 368 с.

Манифест. Rara-Avis // Rara Avis. Открытая критика. URL: <https://rara-rara.ru/menu-main/manufest> (дата обращения 12.09.2023).

Мельник Г.С. Процесс жанрообразования в журналистике и литературе: аналогии и различие // Жанры в журналистском творчестве: Материалы науч-практ. Семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» (19 марта 2003 г., Санкт-Петербург). СПб., 2004. С.28–45.

Муалим Ф. Три калеки, две красотки, ирландский герой и очень-очень -очень темная материя // Rara Avis. Открытая критика. 07 октября 2022. URL: https://rara-rara.ru/menu-texts/tri_kaleki_dve_krasotki_irlandskij_geroj_i_ochen_ochen_ochen_temnaya_materiya (дата обращения 12.09.2023).

Пятый Юбилейный фестиваль Мартина МакДонаха снова будет удивлять // РБК Пермский край. 22 сентября 2022. URL: <https://perm.plus.rbc.ru/pressrelease/63316ec77a8aa9239ffb9c70> (дата обращения 06.09.2023).

Ткач Т. МакДонах выдержит все. Статья написана для страницы «Международный фестиваль Мартина МакДонаха» // VK.ru. 06 октября 2022. URL: https://vk.com/fest_md?w=wall-73334172_2505 (дата обращения 12.09.2023).

Первый фестиваль Мартина МакДонаха – как это начиналось. Интервью с С.П. Федотовым 02.08.2018 // Livejournal.com URL: <https://teatru-mosta.livejournal.com/390032.html> (дата обращения 12.09.2023).

Черепенников С. (1) «Агент сказала, что пьесу можно играть, только если актриса будет негритянка-лилипут» // Известия. 25 октября 2022 г. URL: <https://iz.ru/1414984/stepan-cherepennikov/agent-skazala-chto-pesu-mozhno-igrat-tolko-esli-aktrisa-budet-negritianka-liliput> (дата обращения 25.10.2023).

Черепенников С. (2) Ирландский дух: как Пермь погрузилась в мистику Макдонаха // Известия. 08 октября 2022 г. URL: <https://iz.ru/1406997/stepan-cherepennikov/irlandskii-duk-kak-perm-pogruzilas-v-mistiku-makdonakha> (дата обращения 25.10.2023).

Шамина В.Б. Внутри и вне МакДонаха. Статья написана для страницы «Международный фестиваль Мартина МакДонаха» // VK.ru. 03 октября 2022. URL: https://vk.com/fest_md?w=wall-73334172_2373 (дата обращения 25.10.2023).

Шрайман В. О герое живого театра. Статья написана для страницы «Международный фестиваль Мартина МакДонаха» // VK.ru. 03 октября 2022. URL: https://vk.com/fest_md?w=wall-73334172_2370 (дата обращения 25.10.2023).

G.V. Kulichkina

Professor of the Department of Journalism and Mass Communications
Perm State University

P.O. Detkina

Master Student of the Department of Theory and History of State and Law
Perm State University

**MEDIA COVERAGE OF THE FIFTH PERM INTERNATIONAL FESTIVAL
OF MARTIN MCDONAGH IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION
OF JOURNALISM**

Abstract. The article is devoted to the features of media broadcasting of the Fifth International Perm Festival by Martin McDonagh on digital platforms of Russian federal and regional media, on the social network “Vkontakte”. Based on the study of media texts dedicated to the festival, an analysis of formats and genres was carried out in the context of digitalization of journalism, a comparative analysis of the communication of the mass audience of virtual information channels and print media. The content of media texts is studied from the point of view of journalistic attention to the social and aesthetic significance of productions. A substantive trend in publications related to the tradition of Russian psychological theater when staging plays by a modern foreign author has been identified. The digital potential of the VK social network page of the U Mosta Theater for communication between journalists, bloggers, and theater workers during the festival has been studied.

Key words: Perm theater “U Mosta”, festival, Martin McDonagh, web-journalism.

Научное издание

Филология в XXI веке

Выпуск 2(12) / 2023

Корректор *И. И. Разумихина*
Компьютерная вёрстка: *Е. А. Ключикова*
Художник *Л. Г. Писорогло*
Макет обложки *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 21.12.2023. Выход в свет 26.12.2023
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 7,91
Тираж 500 экз. Заказ 165

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно